

№ 5

2008

**КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Ю. В. ГРУНИН**
(г. Жезказган), **Э. Г. ДЖИЛКИБАЕВ** (г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕР-**
ГЕНОВ, (г. Астана), **И. М. ЛАМОНОВ** (г. Астана), **В. Ф. МИХАЙЛОВ**
(г. Алматы), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **А. У. САНДЫБАЙ**
(г. Астана), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана),
А. М. ШВЫДКО (г. Алматы), **В. Г. ШЕСТЕРИКОВ** (г. Петропавловск).

В номере:

Проза

Д. Пахомов. Дар, Урок палеонтологии. Рассказы **3**
М. Серкова. Этюды **29**

Поэзия

Н. Оразалин. «Клокочет сердце, возрождаясь вновь...».
Стихи **18**
В. Василенко. «Во мне живёт моя тревога...». *Стихи* **36**
Г. Шиманович. «Помню радости звонкий
и солнечный день...». *Стихи* **58**

© «Нива», 2008, Астана

Документальная проза

- Л. Гандилов.** Великий сын великого народа 40
Э. Ахундова. Алиев «без галстука». Глава из книги 41
И. Винтер. Ангел в белом. Повесть 62
-

Наш общий дом

- В. Гундарев.** Земля обетованная... в отеческих пределах 83
-

Культура. Общество. Личность

- В. Владимиров.** Три лиры генерала Перовского.
Курмангазы * Даль * Пушкин.
Полемические эскизы(продолжение) 101
-

История без купюр

- А. Какен.** «Будут стихи мои жить без меня...» 127
-

Критика и литературоведение

- Г. Муканова.** Волшебное слово поэта 152
-

Из почты «Нивы»

- Г. Онайбекова.** Так трудно выбрать по душе... 154
-

Искусство

- Б. Кадыров.** Шагал к Шагалу, но был самим собой 155
Н. Иванина. Абстракция — как вечность 157
-

В семейном кругу

- Е. Баймухаметов.** Сказки для взрослых 160
-

Приключения. Детектив. Фантастика

- В. Третьяков.** Блуждающий форвард. Повесть 165
-

Изоальбом «Нивы»: из работ Марата Джунусова.

Дмитрий ПАХОМОВ

Дар

Звенела посуда, мелодично позвякивали стеклянные бокалы, тихим звоном отзывались тарелки и большие блюда, которые доверху загроужались различными салатами и деликатесами. О чём-то рассказывали серьёзными голосами дикторы радио, а в соседних комнатах, в телевизорах легкомысленно улыбались под эти сообщения ведущие различных шоу. Стояла суматоха, заканчивались последние минуты подготовки к торжеству — десятилетнему юбилею жизни сына одного из президентов крупного промышленного концерна столицы. Отец поздно получил своего желанного наследника, и потому теперь всё связанное с именем сына им отмечалось или просто торжественно, или же вообще с почти царским размахом. Устраивая пышные празднества, он на самом деле в большей степени боролся со своим собственным чувством — он вовсе не любил своего сына Стаса, мрачного и замкнутого мальчишку, с какими-то непонятными обидами и тайнами. Из детей отец любил только озорную и весёлую дочь, никогда ни о чём долго не задумывающуюся, непосредственную и всегда готовую одарить отца улыбкой. В бессонные ночи отец немало думал обо всём этом, жаловался жене, рассказывая, конечно же, не совсем всё. Последующие дни для сына, как правило, ознаменовывались дорогими подарками или же праздниками, если существовал хоть мало-мальски подходящий повод. А десять лет жизни это не просто повод, это означало настоящее торжество подарков, за которыми можно забыть обо всём, что не даёт спать по ночам.

Даже сам мальчик, уже привыкший к подобным вещам, не ожидал такого. Гостей прибыло едва ли не сотня, из них несколько десятков детей да ещё приглашённые артисты, певцы, музыканты, правда, весь этот народ вовсе не интересовал мальчика. Большую часть из приглашённых он видел впервые в жизни, из присутствующих детей вообще не знал никого. Несколько его настоящих друзей попросту не пустили сюда, отец не допустил даже мысли о подобном. Ещё бы, дети, чьи родители даже никогда и не появлялись перед ним. Зачем нужны люди со стороны на семейном празднестве?

Сестра же радовалась происходящему так, как будто это был её праздник. В общем-то, так оно и было. Она была звездой нынешнего шоу.

Перед началом основной части торжества гости быстренько вручали юбиляру подарки и скрывались в банкетном зале. Мальчик, специально посаженный отцом перед входом, терпеливо принимал подарки и вежливо улыбался особо настойчивым гостям. За его спиной сестра и группа её ровесников, с ними она быстро нашла общий язык, разбирала подарки мальчика, какие просто критикуя, а какие присматривая для себя. Стас же, несмотря ни на что, продолжал сидеть у входа как привратник с вежливой улыбкой на лице. Когда основная масса гостей прошла в зал, здесь стало особенно скучно, но ему приходилось оставаться на месте, ведь отец, сверившись со списком, сказал:

— Ещё пришли не все гости, надо ждать, — после этого заявления отец похлопал мальчика по плечу и удалился в банкетный зал, там помимо

обычных гостей присутствовали и важные лица, с которыми отца связывало выгодное деловое сотрудничество.

Одной из последних пришла родная тётя мальчика со стороны матери. Это была полноватая, всегда улыбающаяся женщина, мальчика связывали с ней многие воспоминания. Его в младенчестве оставляли этой тётке, тогда отец работал ещё больше, чем сейчас, ему и матери часто приходилось разъезжать по миру. Тётя ухаживала за мальчиком, он любил её как родную мать и в раннем детстве иначе как мамой её и не называл. Тёплые отношения их связывали и сейчас. Кроме того, тётя оставалась единственным человеком из тех, что окружали мальчика, не испытывающим страха перед его отцом, и порой она откровенно жалела “наследника”, одаривая его ласками и просто вниманием. Последнее было едва ли не самым важным для него. Немного опоздав, тётя чувствовала себя неловко, активная и деловая женщина, она не очень любила опаздывать. Ей не терпелось поговорить с родителями мальчика, но, тем не менее, она не забыла, ради кого организованы эти торжества. Потому она в отличие от других гостей не поспешила в зал, где уже кипело взрослое веселье. Она присела рядом со столом, любяще поприветствовала его и вручила ему прямо в руки небольшой подарок. В маленькой позолоченной коробочке лежал камешек на цепочке. Необработанный, с кривыми краями, этот кристалл, попав под электрический свет, заискрился, доказывая своё непростое происхождение. Мальчику понравился подарок, может, даже больше остальных. Их он всё равно даже толком рассмотреть не смог. И всё же радости у него не прибавилось. Тётя заметила это, и хотя ей нужно было срочно поговорить с родителями мальчика, она всё же задержалась.

— Что с тобой, Стасик? — спросила она. — Тебе не нравится подарок? Или сам праздник День рождения?

Спросив это, она невольно улыбнулась. Собственный день рождения она уже давно не любила, примерно с того самого момента, когда переросла определённую возрастную планку.

Стас не знал, нравится ему день рождения или нет. Он стоял рядом с тётей и, насупившись, рассматривал подаренный кристаллик. Искры от электрического света помаргивали ему из камешка, появляясь и прячась, как будто живые и совсем независимые от движения руки мальчика.

— Я не знаю, — признался он, наконец.

— Не знаешь, нравится ли тебе праздник или нет? — удивление тёти выдало себя в её вопросе. Ведь она сама в таких вещах как нравится — не нравится никогда не сомневалась. Даже в детстве. Хотя тогда было совсем другое время. Среди бабушек она считалась очень капризной девчонкой. Вспомнив всё это, тётя опять невольно улыбнулась. Стас заметил это, но понял всё по-своему и улыбнулся в ответ.

— Я не знаю, — повторил он. — Я ничего не знаю.

Это так странно звучало в устах маленького мальчика, что тётя даже немного опешила. Её молчание мальчик снова истолковал по-своему.

— Я не могу понять, — в голосе Стаса звучала горечь, и потому тётя не прерывала его, сама ничего не понимая. — Не могу понять, почему я не знаю, отчего люди вокруг меня веселятся, а я нет. Ведь это мой день рождения! И почему я не могу потрогать подарки, вообще, почему мне нельзя уйти отсюда...

Это походило на исповедь, но ведь маленькие мальчики обычно не исповедуются. Возможно, здесь кроется нечто большее, чем простое желание исповедаться вслух, решила тётя и спросила:

— А ты действительно хочешь уйти?

Мальчик укоризненно посмотрел на тётю, потом его внимание снова привлёк камешек на цепочке.

— Мне бы хотелось, чтобы этот камешек был волшебным.

Тётя облегчённо вздохнула, услышав это. Всё не так плохо, как ей уже начало казаться. Мальчик оставался мальчиком, пусть и с серьёзными глазами.

— И что бы ты сделал, если бы он оказался волшебным?

— Если бы он был волшебным, он бы рассказал мне, почему всё на свете происходит так, как оно происходит всегда, а не иначе, и почему вообще всё это происходит.

“Зачем тебе это?” — чуть было не спросила тётя, но вовремя спохватилась. Это был не тот вопрос. И так хорошо, что мальчик не стал просить нечто действительно волшебного, вроде полётов на драконе и ещё чего-нибудь в таком же духе. Вместо вопроса тётя сказала совсем другое:

— Не расстраивайся, мой милый. Почему ты решил, что камешек не волшебный? — на этом месте она немного запнулась, ведь ей хотелось рассказать Стасу о символичности своего подарка словами из разных восточных преданий. Такое объяснение не годилось.

— Это очень необычный камешек, — сказала она. — Он древний, его держали в руках люди много-много тысяч лет тому назад. Этот камешек хоть и не волшебный, но зато он умеет слушать и передавать услышанное. Кто знает, вдруг с его помощью кто-то услышит твою просьбу и выполнит её. Попроси! — она ободряюще улыбнулась племяннику, и тот несколько не медля сделал всё так, как сказала ему тётя. Мальчик шёпотом, почти не слышно прошептал своё желание:

— Я хочу всегда знать все ответы! Я ненавижу “почему”!

Тётя не расслышала слов мальчика, но всё равно сделала понимающий вид, погладила его по голове и после, сочтя свой долг перед Стасом выполненным, отправилась к родителям мальчика. Ей хотелось о многом поговорить с ними, ведь вскоре ей предстояла серьёзная поездка, и кто знает, когда в следующий раз она окажется в этом доме. Мальчик остался один со своими подарками. Ведь сестра к этому времени их все уже рассмотрела и милостиво разрешила ему сделать то же самое.

Прошёл почти год. Однажды мама Стаса заговорила с его отцом о сыне, одно это было уже довольно необычно, ведь отец все свои родительские обязанности перед Стасом давно свёл к обеспечению того всем необходимым и не более того. Но мама мальчика всё же заговорила с его отцом.

— Странно, но мне кажется, что с нашим мальчиком что-то происходит, — сказала она.

— Что-то происходит? — переспросил недовольный отец. — Что именно происходит?! — он не любил неясностей, особенно в семье.

— Он стал какой-то другой... — она не могла толком объяснить своё беспокойство.

— Какой другой?! Он заболел?! Если так, то вызови врачей, вызови много врачей и не надо лишний раз меня беспокоить, — на этом её муж уже хотел закончить неприятный для него разговор, но жена не дала ему это сделать.

— Нет-нет. Он вполне здоров, — сказала она, как будто не замечая хмурого лица мужа. — Но всё равно, он не такой, как все дети. Он не задаёт вопросов!

— Х-м-м. Не задаёт вопросов, — растерянно протянул муж, по его мнению, в незадавании вопросов не было ничего особо плохого, но он понимал, что скажи он такое жене — и всё, ссоры не миновать.

— Да, именно! Не задаёт вопросов, — жена, наконец, нашла нужные слова. — Все дети, у всех моих знакомых, задают вопросы. А наш сын как будто и так всё знает. Это странно, — договорив, она чуть не заплакала, как будто по-новому пережив все свои тревоги.

— Не задаёт вопросов... Не болеет, — размышлял вслух муж. — Внешне не болеет, — уточнил он и решил: — Всё равно нужно пригласить врачей. Когда они осмотрят Стаса, нужно будет выписать ему специального человека. Психолога, что ли. Пусть выясняет, почему Стас не задаёт свои вопросы. — На этом муж чуть было не закончил свой приговор, но спохватился и добавил: — И надо перевезти Стаса на нашу загородную дачу, всё равно она пустует. Пусть сынок поживёт на природе, зря, что ли, я за этот дом столько денег отдал. Поживёт там, а людям незачем знать, что к нашему сыну ходят специальные педагоги и психологи.

Вот теперь приговор был окончательным.

Стасу нашли учителя и психолога в одном лице. Это была большая удача, как с точки зрения отца, так и матери. Первый, несмотря на всё своё богатство, не любил лишних трат, а вторая просто не хотела, чтобы вокруг мальчика крутилось слишком много чужих людей. Педагогом и психологом оказался полноватый молодой человек, очень стеснительный как в чувствах, так и в средствах. Психология — это было второе его образование, первая специальность у него была, скорее, педагогической, он когда-то учился на биолога. Узнав об этом, отец Стаса только обрадовался. “Будет помогать Стасу с его вопросами, а в перерывах пусть гуляет с ним, научит различать лягушек”. У молодого человека на самом деле не было такого уж большого опыта в натуралистских делах, но ему ничего не оставалось, кроме как согласиться. Его дело частного психолога не слишком процветало, если не сказать больше — оно погибало на корню. Мальчик с его невысказанными вопросами был для молодого психолога настоящим спасательным кругом. Другие, более серьёзные психологи, не взялись за это дело, поскольку не могли отрывать от своей практики и жить рядом с пациентом, а именно этого требовала мать мальчика. У молодого психолога не было никаких особых пациентов, и он согласился.

Работа его началась довольно просто. Он с вещами приехал в дом мальчика и там, уже вместе с будущим пациентом, погрузился в большой джип, где их поджидал специальный водитель. На этой машине они и отправились на отцовскую дачу, которая, как слышал психолог, по своим размерам больше походила на древнее дворянское поместье, чем на скромный садовый участок. На этой даче им предстояло провести три летних месяца. Именно столько времени дали молодому психологу, чтобы найти и исправить причину странностей мальчика.

Ехать до дачи было не так далеко, как могло показаться сначала, главная трудность заключалась в том, чтобы выехать из переполненного машинами города. Водитель прекрасно знал своё дело, но всё же, ближе к окраине города, небольшое происшествие с ними произошло. Они стали

свидетелями аварии. Две легковые автомашины основательно помяли друг другу бока и усыпали половину переулка битым стеклом. Дорога здесь стала временно не проезжей.

— Как они друг друга уделали, — водитель не удержался от комментария, — и ведь знак стоял, куда только смотрел этот зелёный, — добавил он и начал разворачивать джип. Перед его пассажирами на короткое время предстала вся панорама происшедшего. На месте аварии красовалась на боку зелёная “шестёрка”, а рядом попирала колёсами газон изрядно помятая старая иномарка. Но крови вроде бы не было. Молодой психолог с интересом зевая рассматривал всё это.

— Действительно, куда смотрел этот, из “шестёрки”, — согласился он с мнением водителя. — Хорошо хоть вроде никто особо не пострадал.

— Это ещё неизвестно, — возразил водитель. — Разве отсюда увидишь.

— Да уж, — психолог не знал, что сказать на это. — И почему такое происходит?

— Почему? — вдруг раздался детский голос рядом с ним, психолог и забыл о сидящем рядом с ним мальчике.

— Ничего интересного, — продолжал между тем Стас. — Старые шины и плохие тормоза у “шестёрки”, самоуверенность и плохое знание правил у водителя иномарки.

Это объяснение вполне бы сошло, если бы это говорил прожжённый жизнью гаишник, но это говорил одиннадцатилетний мальчик. Психолог просто не знал, что сказать. Слишком уж цинично и взросло звучали эти причины.

— Ему-то откуда знать, — услышал психолог, как вполголоса пробурчал водитель. — Молокосос.

Но громче он ничего не сказал. Спорить, пусть даже с нелюбимым сыном работодателя, последнее дело в нынешний демократический век. На этом инцидент исчерпал себя, и они продолжили свой путь до загородного дома. Больше с ними никаких происшествий не произошло, если только не считать неудачу психолога, который тщетно пытался разговорить своего пациента.

Лето закончилось неудачно — как для молодого психолога, так и для Стаса. Психолог просто сбежал с дачи-дворца, Стас остался, но это ничего не меняло. С этого момента он как будто пропал для своих родителей, и так начались его скитания по различным престижным школам и колледжам, каждый раз находящихся всё дальше и дальше от дома. Стас учился хорошо, но нигде не мог закрепиться. Он не уживался с людьми. Так прошло несколько лет.

Это была довольно небольшая квартира, всего две комнаты, не считая кухни. Правда, комнаты эти были более чем приличного размера, ведь дом, где находилась квартира, был построен много десятков лет назад, в те времена, когда люди строили, не заботясь об экономии земли. Конечно, сейчас дом находился в немного разваленном состоянии, полуремонт стал здесь обычным делом, но это не мешало людям здесь жить и даже веселиться. Сегодня здесь собрались не меньше двадцати человек, девушки, парни, взрослые и не очень. Особого повода для этой встречи не было, просто встреча старых и новых друзей, переросшая в большое веселье. Общим, что объединяло их, был университет. Все они были связаны с одним

университетом, кто был там студентом, а кто уже и молодым преподавателем. В квартире были даже первокурсники. Один из них сидел сейчас на кухне весёлой квартиры, в стороне от всех остальных, не мрачный, а просто какой-то обособленный, задумчивый, неспешно пьющий чай. Это был Стас. Сюда его затащили товарищи по учебной группе, студенческая жизнь немного ударила им в голову и они пока смотрели на мир сквозь розовые очки. Стас попал на этот праздник жизни, но, похоже, его всё происходящее вокруг не сильно трогало. Он пил чай и думал о чём-то своём. В этот момент в кухню ввалился ещё один участник вечеринки, толстый, шумный и очень весёлый обладатель длинных волос, лёгкой цветастой одежды и широченной улыбки.

— Чай! — радости не было предела. — Напиток блаженства. Как я соскучился по чаю. Аж с обеда его не пил.

С этой фразы началось знакомство Стаса с Игнатом, тот оказался аспирантом в университете, куда не так давно поступил Стас. Только Игнат был на другом факультете. Как ни странно, но новый знакомый, несмотря на более чем десятилетнюю разницу в возрасте, понравился Стасу, и более того, сам не заметив этого, Стас с его помощью оказался вовлечён во всеобщее веселье.

Пирושка закончилась тем, что где-то в четыре часа ночи все её участники отправились гулять в городской парк, что находился не так далеко. Темнота, ночная свежесть и тишина ненадолго отрезвили гуляющих, но когда они оказались перед высокими воротами парка, общее настроение снова поскакало по неровным холмам пьяного веселья. Даже Стас был несколько навеселе. Хотя вопрос “Почему?” продолжал крутиться в его голове. Но тут же рядом крутился и ответ — “Потому что надоело”. И Стас пил снова и снова.

Ворота парка были закрыты. Никакого сторожа, вообще никаких людей рядом. Простой замок на решетчатой двери, за которыми темнела парковая аллея, она, как все знали, вела прямо к городскому озеру. Замок никто ломать не стал, и всё же закрытые двери никого не смутили, ведь и здесь, у ворот, росли полукругом деревья, стояли скамейки, было хорошо и свежо. Компания с шумом боролась за места на лавочках, а в это время Игнат, новый знакомец Стаса, подошёл к нему:

— Это не по мне, ютиться у входа... — Игнат не успел договорить, Стас, разгорячённый алкоголем, перебил его:

— Ты знаешь, как обойти этот замок?

Игната не сбила с мысли эта бесцеремонность.

— Конечно, знаю. Хочется намочить ноги в озере. Пусть остальные здесь толпятся, это их дело. Я люблю делать по-своему. Пойдёшь со мной? — даже не услышав ответа Стаса, Игнат развернулся и побежал куда-то вдоль ряда кустов, что ограждали с двух сторон парковый забор.

— Любишь делать по-своему... — теперь недоговорил Стас, Игнат ушёл слишком быстро, а Стасу вдруг тоже захотелось увидеть ночное озеро. И стараясь не задавать лишних вопросов, он поспешил следом.

Лазейкой оказалась старая тропинка, петлявшая среди зарослей бузины и выходившая при этом на вполне цивилизованную ажурную металлическую дверь, в которой почему-то не было замка.

— А здесь никогда и не запирали, — начал было объяснять Игнат, но Стас его опять перебил:

— Конечно, парк не секретная зона. Закрыт только вход на центральную аллею.

— Откуда ты знаешь? — удивился Игнат. — Что, тоже общался с озеленителями?

Стас смутился:

— Ну а что ещё здесь можно подумать? Один вход закрыт, другой открыт. Почему?

Игнат покачал головой.

— Темнишь ты, Стас, темнишь. Кого-то ты мне напоминаешь. Но кого — не помню. Да и ладно. Пошли дальше. Я соскучился по прохладной водичке.

Но вода оказалась вовсе не прохладной. Она была настолько тёплой, что они не удержались и полезли купаться. Это было нечто невероятное — плыть в темноте, где даже звёзды спрятались за облаками, и весь свет давали огни города, прячущегося за деревьями. Стас нырнул, проплыл под водой несколько метров, вынырнул. Темнота. Он как будто парил. И сверху, и снизу было только одно — тёплая темнота.

— Какая классная вода, — отфыркивался на берегу Игнат. — Странно даже. Ведь уже осень. Неужели у нас тоже бывает бархатный сезон?

— А почему нет? — Стас тоже вышел на мелководье.

— Почему? — переспросил Игнат.

— Здесь много причин, — Стас не хотел говорить, но слова сами слетали с губ. — Жаркое лето, поздняя осень. Климат стал теплее. Да и, кроме того, сюда не так давно кое-что слили. Это тоже подогрело воду градуса на два-три.

— Слили? Кое-что? — изумился Игнат. — Ты знал об этом и купался?

Стас между тем уже был на берегу и оттирался песком с пляжа.

— Да откуда мне было знать, — пытался оправдаться он.

— То есть как, откуда?! — удивлению Игната не было предела, но на всякий случай он уже тоже стоял рядом со Стасом и тоже пытался избавиться от остатков воды на теле. — Или это всё твои шутки?

Стас молчал, не зная как всё это объяснить. Несколько минут пыхтения, потом уставший Игнат бросил бесполезное занятие.

— Чему быть, того не миновать. Скажи хоть, сильно ядовитое это кое-что?

— Биоотходы. Трудно сказать, что это такое конкретно. Не ядовитое, но грязное.

— Прекрасно, только холеры мне не хватало для полного счастья. И почему эти отходы сюда слили?

— Да их сливали не сюда, а в речку неподалёку. Она разветвляется, частично уходит под землю, вот немного воды и сюда попало.

— Так немного, что подогрело озеро градуса на два. Станный ты, Стас, — констатировал Игнат. — И я вспомнил, кого ты мне напоминаешь. Мальчика одного. Как-то я практиковался частным психологом...

— И достался тебе один мальчишка, возрастом этак около одиннадцати лет, — закончил за него Стас. — Теперь я тебя тоже вспомнил.

На берегу воцарилось молчание. Странная встреча, странное узнавание в темноте, когда и лиц почти не видно, а одни только силуэты, тени.

— А ты изменился, — заговорил, наконец, Игнат. — Никогда не думал, что ещё когда-нибудь тебя встречу. Думал твой отец зашлёт тебя

куда-нибудь подальше, на край света. Уж больно ты был странный и плохопереносимый парнишка.

— Ты тоже был хорош. Хотя не только одного тебя достал я тогда. Когда ты сбежал, я остался без специального учителя, и с того момента родители уже не пытались меня исправлять. А после шестнадцати я и вовсе сам стал выбирать себе дорогу.

— Но странным ты как был, так и остался. Чего ты полез в это озеро, если знал, что там плавают эти самые биоотходы? Да и откуда ты про них вообще знаешь?

Стас хотел смолчать, ему задавали похожие вопросы уже не раз и не два за эти годы, но эта неожиданная встреча, странная обстановка вокруг как будто развязали ему язык.

— Не знал я ничего про эти биоотходы, пока ты не спросил у меня, почему озеро такое тёплое.

— Как это возможно? — можно было понять удивление и настороженность Игната.

Стас, начав говорить, уже не мог остановиться. Он рассказал Игнату всё — и про далёкий День Рождения, и про тётю, и про её подарок.

— И с тех пор ты всегда знаешь ответы на любое “почему”? — Игнат не мог поверить услышанному.

— Всегда. Это моё проклятие.

— Да быть такого не может. Издеваешься надо мной?

— А ты проверь. Спроси, что знаешь ты, и чего точно не знаю я. Спроси так, чтобы можно было этот вопрос задать и через “почему”.

Игнат задумался. Ничего страшного в такой проверке не было, но всё-таки он вдруг с удивлением обнаружил, что у него дрожат руки. “Замёрз я, что ли, — думал он. — Странно”. Он вспоминал все странности маленького Стаса и с удивлением заметил, что это объяснение действительно всё расставляло на свои места. Но о чем всё-таки спросить?

Он спросил об одном домашнем происшествии. Стас никак не мог знать об этом, но он ответил. Игнат спрашивал ещё и ещё. Ведь в первый раз Стас мог и угадать. Но он отвечал всякий раз правильно.

— Удивительно, — Игнат не мог скрыть своего восхищения. — Невероятно. Невозможно. И всё же это так. Кем же была твоя тётя, волшебницей?

— Всё, что я знаю, так это кем она хотела стать. Она училась на историка. После того дня рождения я больше никогда её не видел. Она уехала, рассорившись с моими родителями. Они мне ничего не говорили об этом, но я спросил “Почему?” — и получил ответ.

— А может, этот камешек был действительно волшебным? Он у тебя? — Игнат от волнения крутился на месте и чуть ли не заикался.

— Я его потерял где-то через год. Но мой Дар никуда после этого не исчез. Если это только можно назвать Даром. Всё время для меня это было, скорее, проклятием. Я ничего не могу поделать с собой. Всякий раз я знаю ответ на “Почему?”.

— И что здесь плохого?

— Ну, представь. Подходит к тебе девушка, весёлая, красивая, общительная. А ты спрашиваешь про себя: “Почему она это делает?”. И ответ приходит, ответ банальный, ответ шокирующий, пошлый и подробный до мелочей. Как я могу после этого общаться с ней? И вот так у меня со всеми людьми.

— Да? — Игнат задумался, вспоминая, в каком именно состоянии он подошёл сегодня к Стасу, вспомнил, и ему стало стыдно.

— Но сейчас я уже почти привык, — успокоил его Стас. — Подумаешь, выпивка, желание поболтать.

— А ты, похоже, стал циником, — покачал головой Игнат. — Циник и скептик, ничего более.

— Да, — с грустью согласился Стас.

— Но всё же это Дар, а не проклятие, — между тем продолжал Игнат, как будто и не заметив грусти Стаса. — Именно Дар. Просто ты его слишком рано получил, вот он и портил тебе жизнь. Тебе надо просто остановиться и оглядеться. Увидишь мир по-другому.

— Как это остановиться? Я не умею. И почему...

Игнат зажал ему рот.

— “Почему” спросишь потом. А пока взгляни на мир иначе. — Игнат говорил это и удивлялся самому себе, он давно уже не думал над всеми этими психологическими категориями. Но сейчас всё как будто снова проснулось в нём, и проснулось каким-то другим. У него возникло ощущение, что он попал в какую-то другую страну, другой мир. Здесь всё происходит по-другому и кажется... Кажется здесь лучше.

— Что ж, — Стас впервые за многие годы как будто не знал всех ответов. — Надо попробовать. Только если, конечно, я не буду делать всё это один. Тогда я попробую.

— Не попробуешь, а сделаешь это. Ну а насчёт “один — не один”, неужели ты думаешь, я оставляю всё это только на тебя? Нет, от меня не так просто избавиться. А почему я хочу этого — да потому, что я такого интереса не испытывал никогда в жизни, — Игнат говорил правду, да и зачем ему было лгать сейчас, тем более что Стас рано или поздно ложь всё равно распознает.

Игнат и Стас встретились в широком коридоре университета после обеда. Игнат отмутился на сегодня со своей аспирантурой, Стас же только появился в университете. Он не прогуливал, просто все сегодняшние предметы у него уже стояли в зачётке. Шла осенняя сессия. Уже больше месяца прошло с их купания в грязном озере, которое, впрочем, ничем особым им не повредило.

— А я знаю, что ты уже схитрил, — вместо приветствия сказал Игнат. — Договаривались же, что только через полтора месяца ты начнёшь задавать вопросы. Ведь ты понял, что здесь одного знания мало.

— Я хотел сэкономить немного времени, — виновато пожал плечами Стас. — Вот и спросил все возможные “почему” о текущих предметах. В данном случае мне как раз хватило одного знания.

Игнат рассмеялся.

— Хорошо. Хорошо. Быстро учишься. Тогда давай я тебе устрою нечто вроде контрольного теста.

— Ну давай, не тяни. Уже с утра знал, что это сделаешь и без моего согласия, даром что такая добродушная физиономия. Иезуит, — махнул рукой Стас, и Игнат снова рассмеялся.

— Ладно. Чего бы тебе такое придумать?

Он огляделся. В коридорах и в холле у входа масса студентов и преподавателей. Все куда-то шли, о чём-то разговаривали. Игнат заметил не так далеко грустную девушку. Она стояла около одной из колонн, обозначающих границу холла и коридора.

— Вот она, — кивнул в её сторону Игнат. — Почему она грустная?

Стас посмотрел в сторону девушки, ничего не сказал и, недолго думая, подошёл к ней и прошептал что-то на ухо. Она изумлённо посмотрела на Стаса. Игнат с азартом игрока ожидал дальнейшей её реакции. И вдруг девушка улыбнулась. Стас вернулся к Игнату.

— Она грустная потому, что ей давно никто не улыбался.

— Была грустная, — заметил Игнат и снова посмотрел на колонну, но девушки там уже не было. — Тест пройден. Куда пойдём теперь?

— Куда-нибудь, — с чрезмерно серьёзным видом ответил Стас и сам не выдержав, рассмеялся. — Вопросы можно задавать где угодно. Главное — услышать нужный ответ, — он подмигнул Игнату и направился к выходу.

— Да ведь на свете есть и хорошие ответы, — сказал было Игнат, но заметив, что Стас быстро удаляется, поспешил следом. — Стас, подожди, ведь не все на свете такие худые и шустрые, как ты.

— А хочешь узнать, как стать шустрым? — Стас всё-таки немного убавил шаг. — Просто задай нужный вопрос.

Игнат лишь покачал головой. Для такого вопроса он ещё вес не добрал. Оба просто рассмеялись, а затем вышли на улицу. Теперь они действительно могли идти куда угодно.

Урок палеонтологии

Сегодня днём рыбалка была неудачной. Нико уже хотел возвращаться домой ни с чем, но под конец решил попытать счастья с гарпуном. И удача ему немного улыбнулась. Немного потому, что добычу составила всего одна полуметровая рыбина. Для миро-миро — так называлась рыба — подобные размеры никогда не считались серьёзными. Взрослые особи миро-миро вырастали в девятиметровых чудовищ, внешне похожих на огромных мурен или же миног, на них охотились сразу целыми командами. Добычу Нико можно было назвать мальком этого вида. Но Нико не расстраивался и не собирался отпускать свой улов. Всё-таки теперь он уходил не с пустыми руками и, кроме того, даже такая маленькая миро-миро выглядела очень неплохо, вся золотисто-изумрудная, с бархатной “шевелюрой” плавников. А мясо у этой рыбы считалось среди островитян деликатесом, оно имело характерный пурпурно-красноватый оттенок и вкус у него был необычно сочный, не похожий ни на что другое. Быстро насадив рыбину на самодельный кулан и забыв на время о ней, молодой рыбак начал тихонечко грести к берегу. На их острове не имелось удобной лагуны, и потому существовал риск шлёпнуться лодкой о песок вместе с очередной волной. Правда, чуть дальше вправо по пляжу возвышались волнорезы, но там сейчас было не подойти. Множество рыбацких лодок уже находилось там, привязанных верёвками к старым брёвнам. Плюс ещё королевское по размеру место занимал причаленный большой белый двухмоторный катер. Нико сначала взглядом бывшего мореплавателя оценил покачивающийся на волнах катер и то, как его причалили, и лишь затем вдруг понял, что это за катер. Ведь именно его Нико ждал все эти дни. Катер был с большого берега и привёз заказанные островитянами покупки.

Осознав это, Нико уже почти не осторожничая начал грести к берегу. Он опасался, что кто-нибудь перехватит его заказы. Хотя торговцы всегда обещали придержать товар, на самом деле они делали это далеко не всегда. Достаточно было всего лишь предложить повыше цену или неплохой бартер.

Для этой торговли Нико припас особые товары. Деньги у него никогда не водились, тем более той валюты, которую предпочитали торговцы, зато у него было припасено кое-что иное. Ему не так давно повезло, он немного занимался нырянием, и ему попало несколько красивых кораллов и раковин. Торговцы забирали такие вещи, чтобы потом торговать ими как сувенирами. Но брали они далеко не всё. Ведь не каждый коралл, извлечённый из воды, будет так же красив, как в подводном царстве. А вот некоторые раковины, найденные Нико, являлись настоящей редкостью и попадались очень-очень нечасто. Этих вещей должно было хватить для хорошего торга. Только молодому рыбаку требовалось успеть к нему.

Он почти бегом выволок лодчонку на пляж под пальмы, подальше от волн, и бросился к деревне за припасёнными товарами. Но про миро-миро Нико не забыл и прихватил с собой. Эта рыба была деликатесом не только среди островитян. Торговцы тоже ценили её, местные над ними по этому поводу даже подшучивали. Ни один торговец не знал на самом деле вкуса мяса больших миро-миро, а доставались им только большие и маленькие рыбины. Торговцы, никогда не видевшие миро-миро, считали такие экземпляры взрослыми и платили за них неплохие деньги. Когда Нико был маленьким, он много думал по этому поводу, размышлял, что бы сказали торговцы, сравни они на вкус мясо взрослой и маленькой рыбины. Только в большой миро-миро её неповторимый вкус обретал всю возможную полноту. Став взрослым, Нико про такие вещи уже не задумывался. Большие миро-миро попадались редко, и потому тратить такое ценное мясо для торговли было бы кощунством. Его и так почти не хватало для самих островитян. Фактически здесь существовало негласное табу, и каждый из жителей острова объяснял его по-своему. Но мальком торговать не воспрещалось, и потому Нико, когда отправился на центральную площадь, вместе с остальными сокровищами прихватил сегодняшний улов.

Расположились торговцы у большого мангового дерева на площади, там, где испокон веков останавливались все купцы. Сама площадь на самом деле не была даже плоской, так, неровный кусок утоптанной жёлтой земли, окружённый со всех сторон деревянными домиками самых зажиточных островитян. И вот там, используя резные веранды домов как естественные стены, торговцы устанавливали большой парусиновый навес и под ним раскладывали груду своих товаров.

Опасения молодого рыбака оказались не напрасны. Торговцы приплыли на остров уже с утра. У них практически не осталось ничего полезного, в том числе и заказа Нико, в который входило несколько рыболовных снастей и ещё кое-какие вещи. В ответ на возмущение рыбака торговец, смуглый малаец, лишь развёл руками. Дескать, не надо было разевать рот. Щербатая улыбка, белые сверкающие белки глаз и тёмная пористая кожа — Нико смотрел в лицо торговцу так, будто изучал каждую его черточку. Торговца нелзя было смутить таким глубокомысленным разглядыванием. Через минуту он, уже весело смеясь, заговорил с одним из товарищей. Нико не понимал малайского языка, но и без этого было ясно что к чему.

Ему образно указывали на дверь, или, точнее, намекали покинуть площадь и не мешать торговле. У малайцев имелись ещё кое-какие товары, в основном различная домашняя утварь. Женщины из деревни с интересом рассматривали различные кастрюли и поварёшки, при случае торговались. Удовольствие от этого процесса получали обе стороны, и единственным недовольным оставался только Нико. Делать было нечего, молодой рыбак, вздохнув, повернулся и уже собирался уходить, как его окликнули. Старший из торговцев, человек уже довольно пожилой, весь морщинистый и лысый, о чём-то хотел поговорить с Нико. Не сразу стало понятно из-за сильного акцента торговца, что его заинтересовали мешок и рыба, висевшая на спине у Нико.

— У вас же для меня ничего нет, — теперь уже Нико отказывался от торговли, ему хотелось приберечь собранное для следующих купцов. Не только малайцы приезжали на остров. Раз в месяц здесь появлялись китайские скупщики даров моря. Возможно, у них будет то, что нужно Нико.

Намётанный взгляд пожилого торговца сразу оценил улов молодого рыбака. Среди всяких мелочей наподобие нескольких раковин тигровой ципреи было кое-что действительно интересное вроде ракушки под названием “Труба Тритона” или же ещё более ценного эпитониума. Раковина последнего моллюска, хоть и не настолько выделяется внешним видом как огромная “Труба Тритона”, всё равно очень ценится среди западных коллекционеров, — опытный торговец знал это. Да и рыба Нико, миро-миро, стоила неплохих денег в различных индонезийских и малайских ресторанчиках. Специально для таких скоропортящихся продуктов на катере размещался вместительный морозильник.

— А деньги — это разве “ничего”? — “невинно” заметил малаец. — Или деньги на этом острове уже в счёт не идут?

Нико смутился. Он так увлёкся размышлениями об обмене, что совсем забыл о нормальной торговле. Правда, на острове действительно деньги некуда было тратить. Но ведь иногда Нико выбирался и на другие острова, а там, в крупных городах, кроме денег ничто не могло подарить настоящую свободу.

Начался торг. Молодой рыбак был обижен на торговцев, даже деньги не всегда решают всё. Где-то минут через десять малайцы стали обладателями нескольких редких раковин из коллекции Нико, рыбак же стал немного богаче — в его карманах прибавилось валюты. Оставались миро-миро и ракушка эпитониума. Рыбу Нико уже передумал продавать, он уже чувствовал голод, и ему хотелось попробовать пойманный деликатес самому, эпитониума он же поначалу даже не заметил. А хитрый малаец специально не привлекал внимания рыбака к ценной ракушке, так как надеялся сбить цену. Получилось так, как задумывал хитрый купец. Пожилой торговец, рассматривая остатки содержимого мешка, достал эпитониума, как будто только заметил его, скептически оглядел ракушку и уже будто хотел положить обратно.

— Платить за это? Неохота, — малаец уже почти положил ракушку, как Нико остановил его.

— Не хочешь платить, тогда, может, обменяем? Ведь хоть что-нибудь интересное у вас осталось?

Малаец не мог поверить в свою удачу, но внешне держал себя вполне хладнокровно.

— Почему нет?

Ещё через несколько минут они расстались. В тайниках торговцев, оказывается, завалилось несколько книг. Нико любил почитать на досуге, а библиотеки на острове не водилось. Книги оказались научно-популярными, но тем интереснее они выглядели для молодого рыбака. Одну из них он и выменял на бесполезного моллюска. Оба — и торговец, и рыбак — были довольны и считали сделку очень выгодной.

Книга называлась “Популярная палеонтология”. На языке, на котором говорили островитяне, подобных книг почти не выпускалось, и тем интереснее казалась эта новинка для Нико. Ему настолько не терпелось полистать её, что он даже забыл о голоде. Он чуть ли не бегом добрался до своего домика, располагавшегося на самой окраине деревни, почти в лесу. Нико жил здесь с матерью, но сейчас она гостила у соседей. У молодого рыбака имелось своё любимое место для чтения — небольшая полянка за домом. Это была круглая песчаная площадка с цветами по бокам, а чуть дальше начинался лес. Причём не те джунгли, не та смесь из пальм, лиан и кустарников, какие встречаются на островах, нет. Там начинался большой старый лес из огромных деревьев, где даже лианы были толщиной в человеческое тело, а среди корней деревьев по утрам вился влажный туман и росли громадные люминесцирующие грибы.

И вот рядом с лесом и читал книги Нико, на своём излюбленном месте — топчане из старых брёвен, застеленном сухими пальмовыми листьями. Мир-миро отправилась на время в тенёк под брёвнами. В сухом песке улову Нико ничто не угрожало. А сам рыбак развалился рядом, рассматривая драгоценную покупку. Раньше он не знал, что такое палеонтология, — он листал страницу за страницей, познавая эту новую для себя вещь. Нико был очарован странной наукой о древней жизни, наукой о неведомых животных, которые когда-то ходили по земле. Он листал книжку, а вокруг, сверху, в кронах огромных деревьев кричали птицы. В “Популярной палеонтологии” были не только рассказы о немыслимых существах — страницы книги украшали живописные картины, компьютер и художники постарались проиллюстрировать тексты о древней жизни самыми красочными и впечатляющими рисунками. Нико, рассматривая всё это, совсем забыл о мире вокруг, он смотрел и читал, поражённый увиденным.

Но вот, перевернув очередную страницу, он увидел нечто знакомое. На рисунке была рыба, художники изобразили её страшной, в её расцветке преобладали красные и синие оттенки. Они сделали древнюю рыбу зловещей, настоящим чудовищем. Но Нико всё равно узнал её. Это была мир-миро. Художники просто никогда не видели её золотисто-изумрудной чешуи. “Dinichthys” — с трудом молодой рыбак прочитал сложное латинское название. Девятиметровое чудовище из морей девона. Громадная панцирная рыба, она плавала по древним океанам, царица морей и одна из тех, кто в будущем породил наземных животных. Эта рыба давно вымерла, в настоящее время существует только четыре вида рыб, сходных с этим девонским чудовищем.

Не веря самому себе и своей книге, Нико взглянул вниз, туда, где лежала недавно пойманная мир-миро. Затем снова на рисунок в книге. Он не ошибался. Рядом с ним лежало древнее чудовище дининтис. Только маленькое, не достигшее своих девяти полных метров. Ошибки не могло быть. И характерные плавники мир-миро, и её голова с утопленной вглубь

слабой челюстью, и паутина трещин там, где находились жаберные щели. Всё было таким же, как в книге. С одной только разницей — дининтчис вымер сотни миллионов лет назад, а миро-миро была поймана Нико утром.

Потрясённый молодой рыбак положил книгу рядом с собой. С бумаги на него смотрело древнее чудовище, а рядом лежало оно же, маленькое, ещё не выросшее, но то же чудовище.

Нико посмотрел на колонны деревьев перед собой. Ему показалось, будто вдруг они стали ближе, будто надвинулись на его маленький дом. Раздался громкий пронзительный крик. Высоко вверху, там, где кроны деревьев образовали маленькую голубую полянку, показалась тень. Треугольные крылья, широкий хвост и длинная шея с зубастой пастью. Нико знал эту птицу — её большие оранжевые перья островитяне использовали в различных поделках. Они так и называли эту птицу — Бесклювая. Она единственная из всех пернатых в этом лесу имела зубастую пасть.

Бесклювая снова закричала, пронзительно и громко, звук долгим эхом прокатился по листве древесных гигантов. Затем, снова взмахнув крыльями, она исчезла в чаще. Нико же задумчиво смотрел ей вслед, не размышляя и не думая, просто смотрел, а рядом лежала книга. Налетевший лёгкий ветерок перевернул её страницы, древние существа мелькали на белых листах. Но Нико смотрел вверх, туда, куда улетела Бесклювая.

Он невольно вздрогнул, ощутив вокруг то самое, обычно незаметное время. А затем закрыл книгу, взял из тенёчка сегодняшний улов и отправился в дом. Сегодня на ужин у него было древнее чудовище дининтчис.

На следующий день Нико снова отправился на рыбалку. Оставленная на пляже старенькая лодка за ночь никуда не исчезла, ведь на острове не происходили такие происшествия. Порой Нико думал, что здесь можно положить на белый песок пляжа даже золото, и это сокровище будет лежать, сверкать, лишь немного заметаемое ветром сотни лет, пока не придёт волна, способная смыть тяжёлый металл. В мире Нико были только остров и безразличный древний океан. Он омывал песчаные пляжи острова миллионы лет, и возможно, будет омывать ещё столько же.

Лёгкий ветерок лишь слегка подгонял маленькую лодчонку рыбака. Треугольный парус послушно ловил тягучий воздух и двигал Нико к Дальним кораллам. Так называли местные рыбаки небольшой шельф рядом с островом. В тех местах в это время года всегда был постоянный улов. Слабое морское течение гнало к шельфу планктон, и там всегда роились кормящиеся им стайки рыб. Но у Нико на уме был не улов. Еды ему и матери хватало, деньги он получил вчера от торговца. На самом деле сегодня он мог вообще никуда не плыть. Ему хотелось иного, Нико никак не мог забыть картинку из “Популярной палеонтологии”, картинку с древним чудовищем дининтчис. Именно Дальние кораллы были тем самым местом, где чаще всего попадались эти странные существа, и только там можно было поймать взрослую их особь. Из-за мелководья чудовища не могли быстро уходить от гарпунов морских охотников. Правда, Нико не собирался ни за кем охотиться. Ему хотелось просто посмотреть и сравнить картинку и живое существо, для этого молодой рыбак даже взял с собой книгу, она лежала рядом, на доске. Редкие солёные брызги блестели на её обложке.

Вскоре Нико заметил стаи бакланов и чаек, мечущихся над океаном. Не только рыбаки облюбовали Дальние кораллы, птицы тоже охотились там. Нико свернул парус и дальше пошёл уже на вёслах. Даже для его плоскодонки здесь существовал риск налететь на риф. В некоторых местах отмель была глубиной не больше нескольких сантиметров. Сейчас рыбак искал деревянные сваи, вбитые как раз в таких неглубоких местах. Там можно было оставить лодку и понырять. У Нико было собственное сокровище — маска для ныряния, таких не было почти ни у кого на острове. Она и помогала ему находить те безделушки, что выкупали у него торговцы.

Вода была тёплой и прозрачной. Нико с удовольствием соскользнул с лодки в изумрудную глубину, ощущая себя почти дельфином. Почти, — ведь он не умел прыгать над волнами. Набрал побольше воздуха, он плыл всё глубже и глубже, туда, где цвели волшебные подводные сады и плавали похожие на облака медузы. Он сам не знал, на что надеялся, он просто плыл, будто турист, первый раз попавший в подобный рай. Рыбак не опасался этого кораллового мирка, он знал все возможные сюрпризы. Опасность существовала, но не стоило из-за этого переживать. Не боялся он и акул, эти твари редко заплывали сюда. Может быть, они боялись тех же самых дининтчисов. И только Нико подумал об этой царь-рыбе, как та появилась рядом с ним. Сначала была золотистая искра, изумрудные переливывы, отражающиеся от чешуи, а затем Нико заметил и самого дининтчиса. Это был крупный экземпляр, он неспешно плыл над самым дном, будто выискивая нечто в коралловом песке под собой. Его плавники медленной волной двигались по всему телу, толкая древнее существо вперёд. Через мгновение дининтчис поравнялся с Нико, его крупная голова с характерной паутиной трещин оказалась напротив головы молодого рыбака. Чудовище было во много раз больше человека, Нико спокойно бы разместился у него в пасти, чудовище было древнее и огромное, и оно посмотрело прямо в глаза Нико. Теперь рыбак не сомневался, перед ним было то самое существо с картинки, существо из “Уроков палеонтологии”. Оно плыло рядом, рассматривало Нико, громадное, слишком громадное для нынешнего века. Соседство человека и чудовища длилось мгновение, но и этого хватило Нико, чтобы запомнить произошедшее.

Он поплыл вверх, к поверхности. Жадно глотнув воздух, рыбак замер, слегка покачиваемый волнами. Ему казалось, он познал время, увидев этого древнего дининтчиса.

Вскоре он направил свою маленькую лодку домой. Ещё даже не наступил полдень, а он уже возвращался. Но Нико не собирался отдыхать. Наглядная палеонтология дала ему лишь свой первый урок. А в том, что будут ещё уроки, Нико теперь не сомневался. Когда живёшь на окраине мира, это не всегда плохо. Здесь свои преимущества, и одно из них — та неизвестность, что находится рядом и в которой владыка Время может спрятать всё неподходящее для цивилизованного мира.

Сегодняшний день Нико не мог назвать неудачным и скучным. Теперь, когда он знал названия древних чудовищ из книги, всё вокруг как будто обрело смысл, налилось новыми красками. День, казалось, улыбался рыбаку. И всё равно Нико спешил домой. Он возвращался пустым, но его рыбалка была удачной. Ведь, кажется, он поймал само Время.

г. Караганда.

Нурлан ОРАЗАЛИН

“Клокочет сердце, возрождаясь вновь...”

Перевод с казахского Орынбая Жанайдарова

Эй, вы, прозрачные капли!
Плывущие тучной тучей,
Шумящею весной,
Не совладеет с мыслью грустной
И великан могучий.
Вы душу мне очистите
От тяжести земной.

Нурлан Мыркасымович ОРАЗАЛИН

родился 13 июня 1947 года в Уйгурском районе Алма-тинской области в ауле Улкен-дихан (в настоящее время Кокбастау). В 1970 году окончил филологический факультет КазГУ.

Первые его стихи появились в печати в середине шестидесятых годов прошлого столетия в республиканских газетах и журналах, в 1969 году вошли в коллективный сборник молодых авторов “Жас керуен”.

Трудовую деятельность начал в 1970 году в газете “Казахстан пионеры” литературным сотрудником. В 1972-1984 годах работал в Министерстве культуры редактором, старшим редактором, главным редактором репертуарно-редакционной коллегии, затем в течение двух лет — директором республиканского кукольного театра. В 1986 году был избран первым секретарём Союза театральных деятелей Казахстана. Избирался депутатом Верховного Совета Казахской ССР 12 созыва (1990-1994 годы), являлся заместителем председателя комитета по развитию национальной политики, культуры и языка, заместителем председателя комитета по науке, образованию и культуре. В 1993-1996 годах работал главным редактором газеты “Егемен Казахстан”. С 1996 года — председатель правления Союза писателей Казахстана.

Нурлан Оразалин является также сопредседателем Международного Литературного фонда, заместителем председателя Международного сообщества писательских союзов.

Автор сборников стихов на казахском языке “Беспокойный характер”, “Весенний звон”, “Седьмой континент”, “Заповедь человечеству”, “Весенняя прохлада”, “Прощание с веком”, “Время музыки”, “Истребление”, книги

статей, публицистических заметок и эссе “Простор независимости”. В 2006 году в издательстве “Жазушы” вышел в свет трёхтомник избранных стихов.

Автор пьес “Ночь при свечах”, “Каменные олени”, “Легенда о белой птице”, “Возмездие”, “Лихая година” (по роману М. Ауэзова), “Последний день”, “Тревожный век”, “Памятный вечер весны”, с успехом идущих на сценах республиканских и областных театров Казахстана и за рубежом.

Его произведения переведены на многие языки мира. В 2002 году за сборник стихотворений “Прощание с веком” поэт удостоен звания лауреата Государственной премии Республики Казахстан. Недавно в Алматы издана книга Нурлана Оразалина в переводе на русский язык “Зелёный огонь”, подборку стихов из которой “Нива” предлагает вниманию читателей.

Вздохну, и горечь источает мой язык...
Очистите меня от страшных бед!
За то, что в тайны тайные проник,
Не оставляйте вы меня
В пустыне знойных лет.

Одиночество — как признак горя,
Едва ли подойдёт джигиту,
Не подойдёт оно и вам, о, горы,
Но — одинокие — стойте...

Оно и мне не подойдёт,
А к тополю, что — одинок,
Подходит страждущий народ,
Чтоб к ветке привязать платок...

В наш век совсем не актуально
Быть одиноким, не любимым.
Из миллионов капель малых
Дождь собирается обильный.

Коль в доме есть очаг с огнём,
С дымком небесным из трубы,
Тогда аул и есть твой дом,
Начало жизни и судьбы.

От одиночества — спасите!
От этой степи безоглядной!
Я гор, но не пустыни житель,
Быть одному — что неприглядней!

Никто не сможет разлюбить
Ни эту жизнь, ни это время.
Меня спасите, так уж быть,
В иное увезите племя!

Спасите! Увезите прочь
Туда, где ураганы жгучие,
Где льётся дождь, мрачнеет ночь,
Где великаны есть могучие!

март 1971 г.

Улетают дни...
Дни растворяются, сторают,
Как первый снег,
Что стал добычею воды...
Сгорают дни...
В глазах моих сверкают,
Словно осенние ярчайшие сады.

О, юная весенняя пора,
Как сны, красивые златые вечера,
Несутся в небе кони белогривые,
Как мои мысли, добрые, счастливые...

Мою печаль взвалила ночь на плечи,
Создав из воздуха прелестницу Луну,
В пространстве этом чувством бесконечным
Не ухватить нам тишину.

Улетают дни...
Догадка и прозрение,
Заметные останутся следы.
Сгорают дни...
Сгорает следом жизнь, как привидение,
Жить продолжают внешние сады.

Клокочет сердце, возрождаясь вновь,
Шумят леса, озёра в камышах.
Сжигая в теле яростную кровь,
Эпоха скачет словно аргамак.

октябрь 1971 г.

В бесконечные ночи и тишину
Жаждал строчек я выпить поток,
Свод небесный пугая и в небе Луну,
Дождь на степи пролиться ли смог?!

Омывают реки свои берега,
И горят тростники небреженья,
Ожидала ли ночью моя строка
Неизвестного продолженья?!

Погружаясь в небесной лазури мираж,
Горизонт в ярких красках горит;
В лёгкой дымке туманной горный пейзаж
Тянет руки ко мне и молчит.

Отчего взволновались степные холмы,
Здесь кочуют сайгаки с давних веков?!
И старик-саксаул один, как и мы,
Сбережётся ль зимой от ветров?

В ожерельях цветочных сады с ранних зорь,
Жаждал строчек я выпить поток,
И коснулась ль печаль этих гор,
Дождь на степи пролиться ли смог?!

январь 1972 г.

Послание

Город-сад скрыт под снегом,
Слава снегам!
И в белёсой степной дали
Спит округа, закутавшись в снег,
В час полуночный сна, и прозрений, и нег,
Вспоминаю, скучаю по вам...
Снег до самого края земли...

Я отправил к тебе утро белое,
Я отправил с надеждою смелою,
Чтоб сквозь горы великие смог
Ты пройти, одолев сто дорог.

В ночь красивую звёздный свет
Посылал я к тебе, мой свет,
Чтоб дошли лучи до тебя,

В этих белых снежных степях
Пусть дойдёт до тебя сердца стук,
Не боясь этих бешеных вьюг.

Небо эхом ответило мне,
Обновились город, сады,
Ночью в снежной той тишине
Грохоча от горной гряды,

Мысль приходит, и всё о тебе..
Я к тебе посылаю, как птиц..
Посылаю к тебе пору пламенную,
Опалённый огнём каждый стих.

Вот ноябрьский ветерок..
Мои чувства с собой он увлёт,
Утащил с собой шумный поток.
И на плотный тяжёлый снег
Пролилась дождём сотня строк.
ноябрь 1971 г.

Страсть

Я жажду страсти..
Смех твой долгожданный
раскроет тайны, страсть так глубока.
И может, потому..
Тебя я жажду,
Что от меня ты нынче далека..

Брожу один
В ночных садах рассеянно,
Безмолвно сердце
тяжесть всю несёт,
Мелодию прекрасную, весеннюю,
Понятную лишь нам, оно поёт.

Как нежен и прекрасен мир!
И в этом мире
Ты — покорительница и кумир!
Как жаль, проходит лучшая пора,
Печаль в глазах, произнесу лишь имя...
Тянусь к тебе, ведь ты — моя опора,
Моя гора...
Так тянут травы склонами цветными.

И моё сердце всё волнует страсть,
Гогочут гуси на озёрах страсти,
К ногам твоим мне б поскорей припасть,
Чтоб озеро любви испытать, как счастье...
Чтоб дождь пошёл, как многоточье, частый...

И всё же время то ушло в забвенья час,
Забилось всё, осталась лишь печаль,
На блеск твоих прекрасных чёрных глаз
Накинуло забвенье злую шаль.

В молчанье горы... Вешние сады
Молчат, как ты. Они, возможно, ты.
И только звёзды этой вот вселенной
Всё слушают стихи про миг весенний...
Любовь же машет облачком мечты...

январь 1972 г.

Памяти Мукагали

Придёт весна,
Степь, зеленея, оживёт...
Воспрянут небеса...
Улыбчивее станет наш народ.

Цветы покроют долгие холмы,
Глаза завороживши красотою,
Придёт весна, вздохнём свободно мы,
Горды своею независимой землёю.

И журавли, планируя крылами,
Парят над сочными родимыми полями,
И лебеди, рассыпав белый пух,
Переведут от путешествий дух.

Я горы взглядом обниму горбатые,
Гусей и уток на озёрах гам,
Взлетают, крылья, как ножи крылатые,
Врезают воздух тут и там, и там...

Придёт весна...
Бел нежный птичий пух.
Природа празднует весну, любовь.
Вот древо чёрное...
Возможно — дуб...
Сад спины расправляет у стволов.

Поэт любил сиреневое утро,
Которое встаёт над Алатау.
Заплачет Нургиса, учитель мудрый,
По брату младшему, запев жоктау*.

Расправит спины вдохновенный сад,
В лучах макушка ели стала синей...
... Земля и небо вдруг заголосят,
Ища среди живых поэта-сына.
Задвигается всё, как райский сад,
Заплачет небо,

Люди...
Их глаза...
Придёт весна, она вернёт назад
Святые корни, чтоб цвела лоза...

Тоска природы, расслабляя нас
Любви великой сильными словами,
Растает в яблоне,
В полыни... в час,
Когда мы вспомним о поэте сами...

Вот вишня...
Вот урюк...
Или... Ишим...
Иртыш с Жайыком, волны рассыпая...
Вот Алатау...
Алтай...
Готовы к встрече с ним,
От зимней спячки бодро просыпаясь.

Заговорят зелёные равнины,
И недра гор взволнуются, скорбя...
Вчера...
Сегодня...
Завтра...
В дни иные
Степь затоскует, потеряв тебя...

*Жоктау — поминальная песня.

Поэта голос до степи дойдёт
Вместе с весной, утешит наш народ,
Когда волна ударит грозно в русло,
Когда дожди польются без надежды,
Когда вернутся на озёра гуси,
Когда печаль настигнет нас, как прежде,
Когда живущие на свете грешные
Завоют от постигших дум... Тогда
Вернёшься ты, землёю вешнею,
И всякий раз весной
Ты будешь возвращаться к нам, сюда.
апрель 1976 г.

Чужой

Нет покоя и под небесами...
Словно мысли прорастают сами.
Мысли...
Мозг мой...
Были так чисты,
Будто голову сменили вместе с волосами...

Словно думает другой вместо меня,
Тот, другой, вместо меня средь бела дня...
Он, другой, рад всякой ерунде,
Всяческую дрянь к себе маня...

Он, другой, в груди моей хозяин,
А я — горю...
Ушёл народ мой в поисках сказаний...
А я ищу,
Вот так ягнёнок,
Матери лишившись,
Бежит на запах, ищет мать глазами...

Покоя нет,
Всё мыслям нет покоя...
Он тот, чужой,
Словно за ворот взял меня рукою...
А я молчу, как меч,
Молчащий в ножнах,
Чужой вместо меня, да что такое...

И сердце истрепалось, рвётся в клочья,
Уж и стихи заволновались этой ночью...
Чужой всё “захватил”...
Мою весну
Уж не обидеть бы,
Вернуть все полномочья.

апрель 1973

Морозная ночь

Три тридцать ночи...
Плотный снег завесой.
Покою сердцу не даёт буран.
Вам сны напеты колыбельной песней,
Три тридцать ночи...
Спит мой Казахстан.

Мороз крепчает, белый он до слёз...
И мои горы белые бледны.
Ночной мой Алматы...
А люди спят...
Поэт не спит, в том нет его вины...
Бессонница...
Мороз...
И небеса морозные скрипят.

Три тридцать ночи...
Что нам зима ещё преподнесёт,
Какие ночи и какие дни?
Весны напевы...
Песенки степи...
Где теперь они?
Вы видели ноябрьских птиц полёт?
Что нам зима ещё преподнесёт?

Три тридцать ночи...
В какую западню попала моя честь?
О, как жесток природы нрав крутой!
И в памяти моей ошибки, вражья месть...
Забывать бы всё во сне?..
Забывать в тиши ночной?!
Бессонница...
Три тридцать ночи...

февраль 1973 г.

Жизнь непрерывную продлить...

Весной, когда цветёт урюк
И зеленеют горы буйно,
Я изменяться стал, мой друг,
Грехов невольных сделав уиму.

Другими были я и ты,
Мы были рыцарями гор,
По-честному, без суеты
Могли легко закончить спор.

Мираж мерещился в горах,
Звала под солнце высота,
Я без тебя, мой друг, сгорал,
Сжигало тело мне мечта...

Луна и звёзды в небе синем
Могли по капле иссякать.
С тех пор мы изменились сильно,
Зачем, я не могу сказать.

Жар молний дождь к земле прижал,
Берёзы сжёт, треск в тополях.
Мы изменились, очень жаль,
Не надо было, вот ведь как...

Цветущей золотом весной
Ушёл искать своей судьбы.
И жизнь проходит стороной,
Под грешный шепоток толпы...
апрель 1972 г.

Не верят, спросят пусть у нас,
Свидетель — голая вершина,
Здесь сыч ночует в тёмный час.
Коксайского ущелья пасть,
Свидетель — голая вершина.

Здесь тучи быстро собрались,
Как из ведра, полили вниз;
Там был хороший сенокос,
По травам шёл ты в полный рост,
И я шагал там в полный рост...

Там ярко расцветал рассвет,
А вечер вороватым слыл;
Родник журчал словно корнет,
Но, не меняя голос, нет,
Из-под корней той ели бил...

Как будто предков взгляд без слов,
Я ясно видел медосбор,
Далёк родник тот, путь не скор,
Был чист родник, как ясный взор,
Трава — догадка, кадр из снов...

О, сколько стигнуло во мне
Тех песен, звуков и мелодий?
Обманывался сколько раз?
Свидетель — сыч в тот тёмный час,
Свидетель — милая природа,
И в этой вечной тишине
Родился я, чтоб жить и жить...
Жизнь непрерывную продлить...
апрель 1972 г.

Одиночество

Небо — одно...
Луна — одна...
Улица — одинока...
Тёмный ветер кружит у самых окон.
Я мрачнею,
Один на дороге,
Мысли мои
С юным облаком в синем небе плывут далёко.

Оно тоже — одно.
Одно...
Одиноко...
Одиночество, видно, ко всем пристаёт...
Или это
Усталой души моей синее око?..
О поддержке сигнал подаёт
С самых высот?

Слышится эхо далёкое с дальних небес,
Мысли — чужие,
От сердца...
Слово — чужое...
Я оттопырил уши, внимаю — весь,
Не бог, лишь догадки моей эхо большое...

Оно тоже одно...
И терзаюсь я сам один.
Оно тоже одно,
Это я по тебе скучаю...
Стою на дороге
Сам себе господин,
Небо — одно,
Луна — одна,
Город — один,
Не с кем выпить пиалу крепкого чаю...

Мысли мои глубоки, как озеро синее,
Как степь обширны...
Как разлив...
Высоки, как горы...
Сердце моё истрепалось шерстью осенней,
Как лес, разбросавший листья свои
По всей вселенной.
Горы одиноки...
Гордость одинока...
Город одинок...

сентябрь 1971 г.

Издадека...
Из гор..
Из степи..
Ночью тёмной, полной звёзд,
Из-под шума городских колёс,
Кое-как тебя бог принёс?..
И улетела куда? Вот вопрос!

Голоса всего мира в себя вобрав,
Кому попав в бровь,
Кому в глаз попав,
Все недовольства переборов,
Крыло золотое обмакнув в небеса,
Как птица — сказочная краса,
Мелькнув, улетела —
Куда захотела?!

Белый дождь — давняя мечта,
Гром, как судьба, гремел, грохотал,
Всё это было ведь неспроста,
Молнии в землю метал..
Голосом космоса став,
Ночью тревожной сильно устав,
Наутро проснулась весной средь трав..

В глазах отстоялись слёзы весны,
Ночью приснились пьяные сны,
Судьбу испытав, хоть она без вины,
Башку о горные камни разбив,
Явилась, беспутный народ пристыдив?!

Издадека...
Из гор..
Из степи..
Крылами до солнца пытаюсь достать,
Шумный покинув городской асфальт,
Звёздных ночей преодолев власть,
Птица-песня моя,
Ты добралась?!

апрель 1973 г.

Милетта СЕРКОВА

ЭТЮДЫ

Призвание

До утренней предрассветной полутьмы было далеко. Крепкий сон царствовал повсеместно. Даже звёзды улеглись спать, оставив тёмное полотно неба. И многоэтажки погрузились в черноту ночи, как под пуховые одеяла. Казалось, всё стало покойно.

Квартира Барсуковых, первый раз за несколько дней, тоже тихо посапывала. Ребятишки оправились от болезни и позволили Людмиле Васильевне отстраниться от бессонных часов над горячими лобиками, от мыслей матери о хвори детей. Женщина, сама изнеможённая работой и заботами хозяйки, с благодарностью закрыла глаза. Приятное чувство завладело расслабленным телом. И ей уже виднелись проталинки вместо наметённых во дворах сугробов... Комната наполнилась тёплой тишиной, стала приятно-сизой. И ничто, на сей раз, не угрожало чуткому сну матери.

... Зазвенела капель, чирикнула синичка, молодой ветерок запутался в прядках волос Людмилы Васильевны и защекотал, вызывая улыбку... Она, слегка повернув голову и примяв другой край подушки, всё с той же добродушной улыбкой на лице продолжала внимать пробуждению природы. И уже так явственно одна большая, сочная капля, сорвавшись с края крыши, чмокнула женщину и подалась прочь. Вдогонку за первой сверкнула вторая капля и обожгла. Лёгким дыханием пробежала до плеча и зашалила. Маленькое пятнышко на теле юлозилось, ширясь и сужаясь, как будто дышало, пощипывало то ли холодом, то ли жаром, уже было непонятно... Стало неловко. Тревожность витала где-то рядом, знакомая, до смерти опостылевшая. Сон растворился, в голове затуманилось, и женщина открыла глаза.

Милетта СЕРКОВА

родилась в селе Володарское (ныне Саямалколь) Айыртауского района Северо-Казахстанской области. С 2000 года живёт в России. Закончила филологический факультет Тюменского государственного университета, учится в аспирантуре. Автор сборника стихов и прозы "Не сбиться с пути". В

третьем номере "Нивы" за 2005 год было опубликовано несколько рассказов из этой книжки, присланной в редакцию автором.

Некоторое время назад наша землячка Милетта Серкова прислала в редакцию подборку лирико-психологических этюдов. Их мы и предлагаем читательскому вниманию.

Людмила Васильевна растерянно улыбнулась, совершенно разграничив сон и явь. Возле кровати сидела Лели (их немецкая овчарка), очень сильно выдавая себя яркими огоньками глаз. Собака, чуть наклонив голову, заскулила негромко, прерывисто, словно оправдываясь: не хотела я, не хотела будить, прости... Потом ткнула носом в руку и задышала тяжело, с хрипом. А кожу опять обожгло знакомое дыхание, и всё стало понятно, ясно, чему жалобится собака.

Давно ждала Лели пробуждения хозяйки, мучилась, всматриваясь в милое лицо “мамы”, прислушиваясь к дыханию. Собака так хотела завывать, рыкнуть, прося помощи и заботы, но всё спало, почивал “врач” семьи. В то время волнение окружало Лели, и она металась из комнаты в комнату. Везде сон! Её нос зашмыгал как у ребятишек и наполнился влагой, в горле как-то хрипло булькало, закипало в собачьем теле, иногда колотило или колола дрожь... Что ощущала, что должна была делать собака в эту одинокую, жарко-холодную ночь?

Взволнованные, воспалённые глаза врывались прямо в душу человека. В их чёрной глубине плакало собачье сердце. Было больно, тоскливо ему. И это большое, сильное существо зывало внешне и внутренне, полагалось на людскую мудрость, верило.

Напрочь отсеялась ночная нега. В руках Людмилы Васильевны, профессиональной медсестры и “житейской врачихи”, замелькали пузырьки и флакончики с микстурами, таблетки, порошки и острые иглы шприцов, уже не пугающие ослабевшее животное. И от первых слов “мамы всего дома”, от первых прикосновений её рук, в которых было столько любви и материнской заботы, становилось легче, спокойней. Чувство безопасности пришло к собаке, положившей передние лапы и голову на колени женщины, мирно усевшейся на полу, на тёплый, мохнатый плед и убаюкивающей сказочным рассказом. С детства привыкли дремать на руках Людмилы Васильевны все её кормилицы, слушая интересные сказки.

Собака порой шевелила ушами и сопела носом. Мелодия слов звучала в затемнённой комнате. А за окном грезился рассвет...

Антиветеран

Ночь блаженствовала. Она упивалась своим владычеством, возрастающим час за часом. И всё безропотствовало, молчало. Так было душевно вокруг. Казалось, что даже сама ночь заснула, умиротворившись...

И только Василий Петрович был в карауле: с вечера утруждал глаза, выслеживая королеву тишины, и дежурил над подушкой воспоминаний, не шелохнувшись и не спутнув их прихода. Они дремали, а он к ним приглядывался, обдумывал. Не было сна на сердце: клочкотало безудержно оно, впервые за восьмой десяток лет так жалобилось. Лишь сейчас Василий Петрович соглашался, что это старость. Он простил немощь в груди и позавидовал... холодной ночи. Так же, как завидовали ему, не разбирая, какими злосчастиями полны его карманы.

Утро долго пререкалось с ночью: темнело, прояснялось, трепетало в порывах ветра, взрывалось слезами и, наконец, заулыбалось солнцем. Подобного настроения и ждали сельчане. Так благословлялось 9 Мая, так оно, как по традиции, приходило. И радость, и горе!

Василий Петрович, встав в минуты спора небесных светил, на диво бодро, даже как-то по-молодецки засуетился: с щепетильностью приготовил гимнастёрку внучке, достал свой армейский ремень, зычно щёлкнув им пару раз. Вот только пилотка всё никак не поддавалась. “Чужая вещичка посколь, так и не прильнётся, — приговаривал старый вояка, словно оправдываясь; однако же, не в прятки играя, засопел от волнения. — Эх... Свою кровинушку сгубил в Германии, а эта не прижилась... бестия...”, — всё пуще распалялся он. А в один миг даже застонал и, сплюнув по привычке, но без злобы, старик наконец-то обнаружил разбойницу. И опять на его лице плясало добродушие, не сломленное метелями и буранами времени, ценное побратавшись с ним солдатами. А особенно уважали Василия за стойкость, унаследованную от отца в неполные четырнадцать. Погиб он ещё в 42-м году, оставив жену-труженицу с девятью детишками. И не успели слёзы матери обсохнуть, как и старшего сына Ваську, с шестнадцатую годками за рубахой, призвали. И порхала его жизнь по чужбинам. Да не в шутку сказать, что семь годочков отдано службе в рядах Советской Армии; семь лет, не согретых домашним очагом, не омытых ладонью кормилицы... “Бог ты мой, семь прожжённых лет”, — припомнил Василий Петрович, потрясывая словами, и вышел во двор, чтобы развеять хмуристь и не купиться ею.

Чувствовал хозяин грядущую перцовость дня. Брезговал он оправданиями, но понимал, что придётся переломить недуг. Всё отстранял возможность и затягивал... Вот только клубок времени наматывался, пузаться непокорностью. И вслед за каждой минутой пошатывал пузом, словно напоминая, что пора... “Пора”, — соглашался дедушка, но продолжал поглаживать сонливость дома, прикидывать истину...

Сегодня Василий Петрович поднимал “солдатку” и наставлял внучку к дневным подвигам: “... Танцуй, дочка, хорошо танцуй, с душой, милая! Для пожухлых сердец бальзамом. И другим накажи, чтоб с душою...”. Старый воин сам затянул солдатский ремень поверх развесело болтавшейся на девочке гимнастёрки и с любовью водрузил на русые косы пилотку. Изнутри так и корёжило объясниться с внучкой, да мудрость опередила: загодя не пристало портить праздник, её праздник, а старику не впервой, стерпится. И благословил в дорогу, робко взглянув на цветы, которые так радушно покоились в детских руках.

Музыка будоражила историю народа, сознание людей. Разрывались лужи под бодрыми шагами “солдаток”. ... Война оживала в них, а кругом — замирали... А потом и умирали ... цветы... и надежды... и дедушка — вояка мира...

Ссадинами багровели в лужах цветы, выскользнувшие из поникших рук внучки. А под бутонами, словно спрятавшись от света и шума, на самом дне колышущейся воды, в каше унижения лежал погнутый алюминиевый крестик, сорвавшийся с распахнутой, холодеющей груди Василия Петровича.

Р. С. Лет десять спустя, перед мрачными дверьми чиновников будет отвоёвывать звание “Ветеран” повзрослевшей внучкой. Но не успокоит она сердце дедушки уже там, за перелеском... “Посмертно... ради памяти?!” — рассмеются в лицо и выставят, пританцовывая...

Человек

Однажды он решил полюбить всё то, что ненавидит.

И трудным был день, и бессонною — ночь. И плакало сердце, и душа истязалась, но тело старалось... старалось. Оно и рычало, оно и кричало, пылало, томилось, молитвой взывало, но отступалось и уступало. Довольно терзалось, только всё повторялось. И что-то терялось... Играя для всех, десятки ролей примеряло... Недолго оно устояло. Любовь ускользала. В равнодушии оно засыпало. А что-то вконец растеряло!.. То вера в любовь угасала, то вера в святое начало... Устало! Устало от собственной лжи... Желание его подкачало.

Круг жизни, замкнувшись, дошёл до финала. И к сердцу тоска, злоба, боль подступали. Съедали! Душа бунтовалась: печаль бытия в ней поселялась. А грешному телу немного осталось. Теперь не сражалось, а сжалось... в комок... ком нелюбви. Себя ненавидя, других не спасти!

Однажды решил он любить... Но страдания сумел лишь испытать. Он крохи любви растерял, горячей ненавидеть стал... И от мысли простой пропал!

Последняя радость бытия

*День только к вечеру хорош.
Жизнь тем ясней, чем ближе к смерти.*

К. Д. Бальмонт

Томная улица, казалось, уснувшая до утра, вновь взорвалась радужными огнями. Она впитывала неугомонность горожан, врывающихся в новый год и кричавших по-петушиному в разных закоулочках. А этот цирковой тон взбирался на поникшие подоконники и зазывал к гулянию. Грохот канонады с лёгкостью разгонял сон, случайно забредший в единичные квартиры, и раззадоривал поживиться переполохом. Даже в жилище Пахотина запульсировал праздник, разделив, на один вздох, крошечное одиночество.

Под бой курантов, размыто доносившихся из шипящего "Горизонта", старик поднял стакан воды, уже позабыв о недавнишнем его предназначении, и выпил залпом. После чего присмирел и ушёл глубоко в себя, прервав напоследок негодующую мысль о безнадёжно сломанном телевизоре: "Хоть бы лица казал, а то... шип-то через раз...". Крякнул и притих, потому что не по его было кручиниться, да вообще-то и не перед кем. А тут ещё как будто бы праздник. Радоваться нужно?!

И опять почувствовал пожилой человек какое-то участие в ворвавшемся в приоткрытую раму шуме. Он плавно направился к окну, по пути захлестнув ногой ранее выскользнувшую таблетку, чтобы ещё раз возрадоваться. И с детской доверчивостью призвал в своё сердце эти вспышки чуда, надеясь, что в застойной глубине обогреется... "А махну-ка я на посошок!" — вдруг освежило старика, взглядывавшегося в синеву улицы.

Первый раз за последнее время Пахотин решился отступить от своего заточения. Его слабое тело с боязнью шагало по некогда блаженной почве, а сегодня замурованной под снегом и асфальтом. Он ощущал силу, таящуюся под ногами. Вот только этой силой дед и был обделён.

Устало приняли лёгкие свежий, покалывающий воздух. Меланхолическая ночь подвывала. И, не церемонясь, Пахотин вступил на облюбованную и изученную в течение нескольких суток тонкую полоску льда, уже слегка припорошенную белыми хлопьями. Как в сказке заскользил он, приподнимая снежную пыль, и улыбнулся так искренне, что даже небо заплакало. И также быстро проскользнула в его голове вся сознательная жизнь, в лучших своих мгновениях. Такая лёгкость обнимала тело, такое благоговение перед природой. Пахотин радовался, вспоминая и падая на холодную поверхность действительности. И инфантильность, поцеловавшая никчёмную старость, прогоняла худую жалость к самому себе. Неподвижную, распростёртую фигуру украшали крупные снежинки, согревающе нависал сон...

Под утро чёрно-белую массу почтили вниманием люди, презрительная проходя мимо и заметив невпопад: "Напьются же, что ноги не держат!". Но ложь уже никого не оскорбляла. Одним лишним человеком в этом мире стало меньше.

Лазурное видение

Не обманитесь! В них нельзя бесконечно смотреть, хотя нестерпимо влечёт. Это веретено ваших мыслей. На мгновение задержавшийся взгляд, и вы — пленник. Видите только их, они созерцают и вас... Вы связаны?!

Они подобны облакам: рядом и в то же время недостижимы. Лёгкость и прозрачность играют в них. Они заманивают радостным веянием полёта. Солнечность пробивается к вашему сердцу и ослепляет дух. А они всё подзадоривают ясностью, не упустив из вида первые набухшие почки. И наивность владеет разумом, поддавшимся их жизнитоку. Вас оковала слабость, и ложно вы чувствуете сильные удары в груди. Это их мощь коснулась девственных стенок мечты. Но правда затуманивается в предрасветных сумерках. Они уже божественны для вас. Они — необъятные просторы вашей юности. Их не обхватывают слова красоты. И вы целуете сказочную явь, благословляя счастье! Окрылённые их бирюзовым сиянием, вы забываетесь... Всё — лишь здоровый цвет неба.

"Слишком поздно!" — шептал разум, отрясая голубой воздух. "Очень рано!" — разрыдалась память, убегая в калитку тумана, взглядом боли ища неба. Только вы, оставаясь бессильной, не решаясь будить ресницы, понимая слова в прошлом, колебались... А они всё сияли лазурью, глаза смеха и печали безумной. Взгляд владыки любви.

Читатель

Прикрыл сияющие очи день. И только робкие подрагивания от промелькнувшего будня. Засопела всякая пылинка, даже если не сном, то покоем мироздания. И я вплетена в это покаяние на минуты, покапывающие слишком громко для этого ажюра тишины. А в голове, в параллель времени, бодрствуют слова из прочитанного романа. Теперь они как на перинах тепла, устроившегося на коленях земного. Роман высказался и успокоился, а я?! Я осталась с его судьбой, его боль задрожала в материи, в мягком комочке оцепенения. Я не могу, не желаю бороться с никчёмностью человека. Ведь даже ночь преклонилась перед бессмертным, духовным благом рисунка — полюбовно сплетённых букв в чёрные кружева белого раздолья. Впереди бесконечность... Полёт...

И вдруг! Почему? Минуты опять забарабанили. И уже рядом не миг воплощения чаяний, а блеф красивой истории, книга, задышавшая холодом. Вздрагивают ресницы блестящей стали глаз от реалий, от застучавшего в окно трепета жизни... В лицо смотрит правда.

Скоро новые судьбы, истории с перипетиями. Сон или не сон на мгновение?! Но всегда остаётся жизнь. Не книжная, а собственная жизнь, которую любишь не так, как искусство.

Спасаясь, гибнуть

Сестра!.. Прости. Я не могла, не должна была тогда уйти. Но почему же?! Боже! Почему ты выпустила из своих дрожащих рук мои? Я тогда не знала. Да и ты знала ли? А теперь, теперь хочу к тебе, быть ладонь к ладони, раздавить боль: жалкие ткани сил, отрепья. Забери, сестра, меня и мою прокажённую суть...

Сейчас поняла тебя так, как ты хотела, чтобы тебя поняли... только сейчас. Так поздно и так рано! Да, рано для меня, мамы, брата... для всех в этом мире. Всегда рано чувствовать то, что жизнь уже не жизнь, любовь — это исчадие ада...

Ненависть, взываю к тебе. О, каменное сердце! Где оно? Я отдам за него все просторы души; все моря, что я уже выплакала; все океаны, разрывающие доброе в груди, превращающие в ветошь раньше срока. Нет!!! Слишком поздно, уже для жизни не время...

Господи, к тебе ли смею вопрошать?! Отпусти в круги огненные, отрекись от окаянной. Я пепел, разлетаюсь, когда дышит быт, и мне больно. Боже, пощади, уведи от греха сестры. "Ведь не ведаем мы, что творим", когда любим, ненавидим себя: плоть и кровь, чайные берега, в которых утопали от счастья. Зачем? Они никогда уже не рассмотрят сияние мира. Отче, где нежность, где трепет? С кем-то рядом засыпают, целуют...

Сестра, ты одна меня не осудишь. Знаю, что сердце твоё, как и прежде, током бьётся в лазури небесной. Ты жива, ты нужна мне, приди же, обними как тогда, в белых платьях. Обними, только я буду плакать. Ты не смей: за своё ты в оплате, за своё всех родных ты измучила болью. Но и им тот же жребий. Позже. К тебе все стремимся...

Только мама! От того ли ещё надежды в мечтания, от которых багряные осколки. Но нет им жизни, как нет мне ожиданий. Всё. Сестра, я любила, жила... Пора признаться, что свою судьбу зачеркнула на девственных тропках веры...

Одна! Вокруг люди, но не те. Стремлюсь и страшусь, где же лукавый? Призови, сестра, помоги, успокой мой плач, как в детстве. Ты как мама меня защищала, помнишь, ты ошибки исправлять не боялась: все мои и свои, даже брата. И доспехами путь устилала, когда не было мамы... Почему ты решила, когда ты устала? Не тогда, ещё раньше, теперь понимаю. И к тебе улетаю таю, всё, обо всех забываю, ничего, никого не знаю, умираю... Сестра, я плутаю! Дай скорей свои тёплые руки, прикоснись к стальному лицу и стану, который простился с пульсом. Прикоснись быстрее, лишь пока донеслось дыхание. Ближе, ближе! Пусть простят меня Боже и Матерь! Пусть простит и поймёт меня мама: любить я её не устану. Всё остальное из сердца вырву: гадкую поросль жизни; тех, кто дороже дорогого, что любимей уже не бывают; то, что объяснить не сумела, передать на

словах и деяниях. Вырву святую землю из-под ног, на которых стоять не в силах, на коленях ползти спеси много...

Гордость тоже великое чувство, если в дело она: не срубает бутончики смеха, не толкает под поезд постылости, не советует плачи сестринские, не бросает от Господа к Дьяволу. Гордость та, что ругает за прошлое, за твоё настоящее сетует, так идти, продолжать не советует. Это разум! Это снег в майской полночи. Это то, что к любви возвышает мосты и от них же метёт, но безжалостно. Это, милая, временно. Это знаешь, сестра, безнаказанно на земле, в небесах?! Там тебе всё извещено. Но молчи!!! Я к тебе, уже выпила. Пусть не всю до краёв жизнь, но гадкую, безобразную, одинокую, однобокую...

Нет прощения. Бог дарил, он забрал... Всё свершилось так, как вышло. Я врагам и друзьям не оставлю свои ощущения. Только слово последнее: я за маму прошу! Дай ей, Господи, сил!!! Я ж любовь схороню...

Чуждое

Плачу! Я плачу давно! Я плачу всегда! Не смейте говорить, что мой смех заполняет лабиринты опустошённых душ. Я не смеюсь, я плачу. От любви и ненависти, от счастья и горя, от печали и радости, от хвори и здоровья. Это не моя прихоть, это не я игрок: мной играют, мне послали всё это. Это моя эстафета жизни!

Бегите, люди! Дальше! Быстрее! Бегите от меня! Я не то счастье, которое ложно красуется перед вами. Я — беда! Я — беда! Я — крах всему, что коснётся меня. Не я так решила, это посчитали нужным. И не мне роптать...

Плачу! Я опустошаю свой сосуд, который мы называем тело. Я выливаю из него всё, что просочилось, не спаслось от гибели, даю жизнь другую. Я осушаю берега, но почему же нет дна? Давно тружусь, а нет отдыха, нет пустоты. Настоящей пустоты, в которой не блуждаешь, от которой не страдаешь, от которой не бежишь. Пустота — облегчение! Пустые глаза, речи, чувства, мысли — всё пустое! И нет боли.

Как её обретают? Где скрыто это блаженство? Кто её владелец? О, Пустота! Я соглашусь в рабство. Я хочу пересохнуть. Я не родник, вы ошиблись. Уходите! Спасайтесь! Я — не я! Всё чужое. Чуждое! Я...

Господи! Вот и утро!

Вера ВАСИЛЕНКО

“Во мне живёт моя тревога...”

Как скоро жизнь во мне не сошла с колёс
 И покуда я малая кладь в повозке,
 Покажи мне, Господи, тот погост,
 Где хранится память в лоскутном лоске...
 Я — ошибка, пылинка в пыли планет.
 Так и хочется время к себе приставить,
 Запропавшее где-то на сотни лет,
 Не истлевшее в гнили болот и ставен.
 Не застывшее в плоти, рождённой вне
 Закона, в икоте ушедших войн.
 Так и хочется, Господи, быть и, воя,
 Осознать эту меру мер на живое
 Слово, вызревшее во мне.
 Не стряхнуть со лба, не сбежать в разбег,
 Как на Чёрной речке самый красный снег,
 Так на связь времён уговоры Змея.
 Он не спас Его и он не спас меня,
 Но в пустой простой, раздобыв огня,
 Я спасусь сама, как умею...

Перетекая из любви
 В любви подобие и зная,
 Что это не любовь, но плен,

Вера Владимировна ВАСИЛЕНКО

родилась в Курганской области 22 декабря 1957 года. После окончания в 1976 году Кустанайского медицинского училища приехала по распределению в город Рудный. По 1980 год служила в органах милиции санитарным инспектором, затем работала в различных медицинских учреждениях города. С 1995 г. трудится в управлении горного железнодорожно-

го транспорта Соколовско-Сарбайского горно-обогатительного комбината.

Лауреат премии московской ассоциации “Искусство народов мира”, областного литературного конкурса (2006), печаталась в коллективных сборниках “Просветление души” (1994), “Пьеса экспромтов” (1996),

Объяснение в любви” (1998), “Новый день” (2006), в журнале “Простор”. Давний автор “Нивы”.

Бежишь за далью перемен,
Себя в себе не узнавая.

Перформанс утренний такой,
Бескрылая калека Кали...
Под колокольчики сандалий
Пройти, где имени не знали,
Махнув на истину рукой...

Из духа в плоть, из плоти в дух
Перетекая зазеркально,
Любить рождён один из двух.
Лгать бесполезно, виртуально
И к слову непривычен слух.

Из дома в дом. Из уст в уста.
В рассвет. В последний час поста.
Из Зазеркалья в край без края,
Гореть в себе, не угасая,
Безликой белизной листа.

В наших пределах обиды никто не знает,
В каждом прохожем не станешь искать себя.
Видеть затылком по случаю выпадает —
И выбираешь... но... выбирают тебя...

Впрочем, тебе-то, конечно, давно всё по фиг.
Столько утрат, что не снилось и в страшном сне.
День оставляет анфас или бледный профиль,
Голос живёт за тебя иль поёт извне...

Друг предаёт и не вдруг позвонят из ада,
Так и застынешь босой из нутра к нутру.
Только не надо, обиды держать не надо...
Свет, как обычно, появится поутру...

Здесь нет тебя и нет меня...
Собою в небо прорастая,
По дому бродит тень чужая
С глазами завтрашнего дня.

Декабрь приносит Новый год
И вешает пиджак на ёлку.
Он в этом действе ищет толку,
Уткнувшись в каждую иголку,
Так и замрёт...

И, растворяясь в пустоту,
Вдруг понимаешь: жизнь-то рядом,
За пядью пядь даётся взгляду,
Верста уходит за версту.

За каплей капля — не вода,
Но жажда жизни. Понемногу
Выходишь не на ту дорогу
И исчезаешь в никуда...

Когда в тебе молчит планета
Мятежной точкой в никуда,
Гудят листвою провода,
Глядит осеннею приметой
Высоковольтная звезда.

И бродишь дураком по свету,
Выкуриваясь в сигарету,
Иль мир через неё вдыхая,
Изломанной кривой впадая
В строку, бегущую объятий,
Касаний, губ, измен, проклятий.

С нуля не поздно никогда...
Но, выходя посидиочке,
Боишься этой самой точки...
Так имена даёт в рассрочку
Высоковольтная звезда...

Какая-то искра невидимо мелькнёт
Меж нами — и падут границы сновиденья.
Уйти в завет. Не вынести волненья,
Но там и без меня сочтется мёд

Простых речей, доступных самоедству.
Чужая музыка карманных телефонов
Играет невпопад. Летальному озону
От мира оградиться нету средства.

Холодным утром торжество озноба
И неуютно слишком очевидно.
В толпе автобусной псалмы Давида
На ум нейдут, и прячется хвороба

В пьянящий шелест голосов. Любимый!
Ты был, конечно. Словно из Эдема,
Гонимы светом, мы проходим мимо
Своих шагов, не понимая, где мы...

Вот и кончилось время полётов
В нереальном, придуманном мире.
Муж ушёл. Сын пропал. По квартире
Только лёгкие дочкины ножки
Незаметно шуршат, да по лету
Пара мух с надоедливой мошкой
Кружат танцы свои. Листопад...
Я любить разучилась и плакать.
Скоро долгая-долгая слякоть
И врачующий всё снегопад...

— Ты изменял мне, дорогой?
Я изменяла. — Это слишком...
— С потухшим клёном за окном,
С ещё нетронутым вином...
И поделом мне, что делишки
Мои ни с места. Моросит.
Во мне живёт моя тревога.
Внутри изнутри зовёт дорога,
Но жабрами дверей болит
Мой лёгкий шаг к тебе... к тебе...
Исчезнут зёрна в молотье
По осени, и клён устанет.
Он замолчит. Он ржавым станет
Ко мне. Так вянут, не любя...
Я жду тебя... И жду тебя...

г. Рудный
Костанайской области.

Великий сын великого народа

Если бы был жив выдающийся сын азербайджанского народа Гейдар Алиевич Алиев, в этом году 10 мая ему исполнилось бы 85 лет. Вся его судьба — пример служения Родине.

35 лет жизни было отдано руководству государством. 14 лет Г. Алиев возглавлял Центральный Комитет Компартии Азербайджана, по советским временам это приравнивалось к главе страны. 5 лет он считался практически вторым человеком в Советском Союзе и был членом Политбюро ЦК КПСС. В постсоветскую эпоху с его именем связано создание и становление независимого Азербайджана, лидером которого он был свыше 10 лет.

Он, будучи носителем высоких нравственных и моральных убеждений, глубоко порядочным и исключительно благородным человеком, честно работал и отдавал свой талант на благо народа: и когда был одним из руководителей Советского Союза, и когда в трудный период встал во главе независимого Азербайджана. Поэтому люди старших и средних поколений в бывших советских республиках всегда поминают его добрым словом.

Говорят, великим считается тот, который способен что-то создать. Чтобы сделать что-то великое, человек должен из себя что-то представлять. Горбачёв развалил Советский Союз, Гейдар Алиев же на этих развалинах создал государство Азербайджан, который сегодня является одним из авторитетных государств мирового сообщества.

Как это присуще великому человеку, он умел уловить дух времени и требований, понимал временность всего, чему присуще исчезновение. Единственное, что было для него важным и святым, — это был его народ.

Многое его связывало и с братским казахским народом, в том числе и добросердечные личные отношения с Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым. Благодаря их обоюдным симпатиям, дружеским чувствам, которые упрочились ещё в далёкую советскую пору, прошедшим нелёгкие испытания временем, они стали символом дружбы между нашими народами.

В связи с 85-летием со дня рождения великого сына азербайджанского народа и архитектора современного Азербайджана мы предлагаем вниманию читателей “Нивы” главу из второй части книги Эльмиры Ахундовой “Гейдар Алиев. Личность и эпоха”, в которой раскрываются малоизвестные эпизоды из жизни общенационального лидера Азербайджана Гейдара Алиевича Алиева периода семидесятых — начала восьмидесятых годов, когда он руководил республикой.

д-р Лятиф ГАНДИЛОВ,
Чрезвычайный и Полномочный Посол
Азербайджанской Республики
в Республике Казахстан.

Эльмира АХУНДОВА

Алиев “без галстука”

Неприхотливость, естественная, а не напускная скромность образа жизни моего героя, порой доходившая до аскетичности, давно стала притчей во языцех. Такая же строгая, щепетильная атмосфера царила в семье, в воспитании детей. Не могу припомнить никаких разговоров, слухов о личной жизни 1-го секретаря ЦК или его близких. Во-первых, и Гейдар Алиев, и его супруга были открыты для людей, всегда находились в гуще народа, а, во-вторых, — не существовало самой почвы для каких-либо кривотолков. Это обстоятельство играло большую воспитательную роль, положительно влияло на нравственную атмосферу в обществе и делало честь Г. Алиеву, который стоял на

вершине власти, пользовался всей её полнотой, однако ни разу не злоупотребил своим положением в личных целях.

Известный азербайджанский писатель, публицист, переводчик, общественный деятель **Эльмира Гусейновна АХУНДОВА** является одним из первых биографов Гейдара Алиева. Её книги “Смерть полиграфиста” (2001), “Мгновения истины” (2003), “Стеклянный дворец” (2006) стали событиями в культурной жизни страны.

Многотомный роман-исследование “Гейдар Алиев. Личность и Эпоха” Эльмира Ахундова считает главным проектом своей жизни. Около пяти лет напряжённой работы, сотни записанных на плёнку бесед с друзьями детства и юности, родными, близкими героя книги, интервью с известными политическими и государственными деятелями, работа в архивах КГБ и личном архиве Президента — всё это составляет уникальную документальную основу романа, в котором предпринимается попытка создания наиболее обстоятельной и объективной биографии выдающегося лидера азербайджанского народа. Книга насыщена массой малоизвестных фактов, эпизодов, эксклюзивной информацией, которая сопровождается их глубоким анализом и авторскими комментариями. Личное знакомство и дружба писателя с Гейдаром Алиевым придают роману особую эмоциональность и искренность.

Эльмира Ахундова — заслуженный журналист республики, депутат Милли Меджлиса (национального парламента), лауреат премий имени Г. Зардаби, Р. Рзы и Н. Наджафова, кавалер ордена “Шохрат” (“Слава”).

В этой главе я хочу затронуть достаточно деликатную тему и показать Гейдара Алиева, как сейчас модно говорить, “без галстука”. Где и как он проводил свободное от работы время, чем были наполнены редкие часы досуга, какую он предпочитал музыку, какие фильмы любил смотреть и т. п. Личная жизнь людей такого ранга обыкновенно составляет тайну за семью печатями, однако мне удалось приоткрыть завесу благодаря воспоминаниям близкого окружения Г. Алиева. Особая благодарность — дочери Гейдара Алиева Севиль-ханум и его верному телохранителю Александру Иванову, предоставившим в моё распоряжение эксклюзивный материал для этой главы.

Как мы уже говорили, частных вилл и дворцов Гейдар Алиев за годы руководства республикой так и не заимел. Да что там вилл: собственной квартиры — и то не было. Жил в государственном коттедже на улице Дружбы молодёжи да в летней резиденции в посёлке Загульба, доставшихся ему в наследство от прежних правителей.

Из беседы с Александром Ивановым:

“В городской правительственной резиденции на “Гянджликке” (мы её между собой называли объект “73”), кроме него, жили второй секретарь ЦК, председатель Президиума Верховного Совета, председатель Совмина и командующий Бакинским округом ПВО. На территории резиденции стояли пять двухэтажных коттеджей. И ещё большой гостевой дом — для приезжающих зампредов Совмина СССР, союзных министров. Гейдар Алиевич с семьёй и детьми проживал в типовом коттедже, ничем не отличавшемся от тех, в которых размещались другие руководители.

На первом этаже — холл, раздевалка, кухня, столовая. Плюс помещения для обслуживающего персонала. Наверху — две или три спальни. Был на территории ещё и спортзал с бассейном, у нас там своя комната имела, которой один только Гейдар Алиевич по утрам пользовался. Бассейн, плавание — это была его страсть. Он использовал любую возможность, чтобы поплавать. У него по утрам было так заведено: минут 40 быстрой ходьбы по территории дачи, после этого — комплекс гимнастических упражнений и ещё минут сорок, полчаса — плавание вольным стилем. И так практически каждый день. Если не было каких-то спешных дел, важных мероприятий — кого-то встретить, куда-то уехать. Была на территории и сауна, но он туда не ходил. Только плавание, ходьба и утренняя гимнастика.

— А гимнастику он делал сам или под наблюдением врача?

— Нет, врачей он всегда принимал в штыки. У нас был методист Жилищев, с физкультурным образованием. Он наблюдал за занятиями, иногда мерил Гейдару Алиевичу давление до нагрузки и после.

— В 70-е годы он больше в городе жил или в Загульбе?

— В Загульбу ездили только летом. Порой, очень редко, в зимний период он мог наведаться туда на выходной день. Рабочие-то дни “под завязку” забиты. На территории Загульбы — система таких же коттеджей. Потом построили новый гостевой дом, но он там ни разу не жил до отъезда в Москву, да и потом, уже будучи членом Политбюро и наезжая в Баку по делам, он в этом гостевом доме не останавливался. Бассейн там специально построили, это была его мечта”.

Беседуя с дочерью Г. Алиева, я спросила, как проводил её отец свободное время, с кем любил общаться вне работы.

“Зимой по воскресеньям мы ездили за город, в Загульбу, — рассказывает Севиль-ханум. — Летом переселялись туда. Нашим единственным

кругом общения были соседи по даче — председатель Президиума Верховного Совета Халилов, председатель Совета Министров Ибрагимов, второй секретарь ЦК Козлов и командующий округом ПВО генерал-полковник Олиферов. И, конечно же, наши искренние семейные друзья — Виталий Сергеевич и Надежда Алексеевна Красильниковы. Мы общались очень часто, мама дружила с Надеждой Алексеевной, а я с их дочкой Анечкой. Папа и мама очень любили шутки, веселье, обожали устраивать воскресные обеды. Мама играла на фортепьяно, папа пел. И всем было очень весело и хорошо. Летом мы порой обедали на пляже.

Папа любил плавать. Мы с братом выросли на море. Моё детство прошло в доме отдыха КГБ в посёлке Бильгя. Когда папа стал первым секретарём и мы переехали в Загульбу, в его загородную резиденцию, я первое время тосковала по своим друзьям. В Бильгя была большая территория, и у меня там было много сверстников.

Мы ездили всей семьёй в Ялту, когда папа брал отпуск. Там были хорошие государственные дачи. Завтракали, ходили на пляж. Потом возвращались, обедали. Папа работал с бумагами, звонил в Баку по ВЧ. Вечерами смотрели фильмы. Родители иногда ездили к Леониду Ильичу Брежневу на дачу. Моя мама была дружна с его супругой Викторией Петровной”.

Об образе жизни обитателей городской резиденции мне рассказал бывший председатель Совета Министров республики Гасан Сеидов:

“Эта дача раньше называлась “арменикендская”. А ещё её называли “дача Теймура Кулиева” — по имени секретаря ЦК, а затем председателя Совета Министров в период Мирджафара Багирова. Большой участок, много фруктовых деревьев, по территории разбросаны пять двухэтажных домиков. Один наш коллега в шутку называл эту обитель “культурной тюрьмой”, потому что мы и на работе вместе, а приезжаем туда, опять те же лица. Территория-то была общая, дома друг от друга не огорожены. В гостевом доме мы иногда вместе смотрели кино.

— *Встречались ли вы с семьёй Г. Алиева в неформальной обстановке, отмечали ли какие-то семейные праздники, дни рождения? Каким был ваш шеф вне работы?*

— В принципе мы часто встречались в семейной обстановке, но это не было празднованием дней рождений. Он их не любил и от таких вещей всегда уклонялся.

— *А по какому поводу вы встречались?*

— По календарным праздникам: Новый год, 7 ноября, 1 мая, да и то не всегда.

— *И как это происходило? У кого-то дома стол накрывали?*

— Нет, зачем? У нас гостевые комнаты были и в городе, и в Загульбе. Мы, пять семей, собирались в этом помещении. Гейдар Алиевич, безусловно, бывал очень весёлым, жизнерадостным. Иногда, смотришь, вроде совсем другой человек: шутит, анекдоты рассказывает.

— *А о чём говорили? Также о работе, о делах или на какие-то культурные темы?*

— О работе мы очень мало говорили, потому что Зарифа-ханум, шутя, всегда прерывала нас: “Хватит о работе, давайте перейдём к делу”. Она была заводилой, хорошо играла на пианино. Вообще их семья была очень музыкальной. Сестра Зарифы-ханум руководила ансамблем “Дан улдузу”. Зарифа-ханум была очень весёлой, любила сопровождать своего супруга. А Гейдар Алиевич с удовольствием пел.

— Какой у него был репертуар?

— Он в основном азербайджанские песни пел, правда, знал и русские. Я помню, в середине 70-х годов приехал в Баку первый секретарь ЦК Компартии Болгарии Тодор Живков с дочкой и зятем. И вот они во время застолья всей семьёй запели какую-то болгарскую песню. Тогда Гейдар Алиевич говорит:

— Давайте мы тоже что-нибудь споём.

И мы хором спели “Подмосковные вечера”.

А как Гейдар Алиевич танцевал! Будто настоящий профессионал — и национальные танцы, и вальс, и под быстрые западные ритмы”.

Бывший заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК партии Джахангир Ильдырыззаде вспоминает об одной неформальной встрече Гейдара Алиева с приехавшими в республику журналистами:

“... В Баку проходило совещание собкоров газеты “Правда” по Закавказью и Северному Кавказу. Приехал заместитель главного редактора “Правды” Складов, человек 10 корреспондентов: собкоры трёх закавказских и северокавказского регионов — до самого Ростова. Я сообщил Гейдару Алиевичу об их желании встретиться и побеседовать с ним. Он согласился. Позвонил управделами ЦК Балабеку Мирзаджанову, назначил встречу вечером в доме гостей, в “Багировском доме”. Пригласили и Курбана Халилова, Али Ибрагимова, Сулеймана Татлиева*, кого-то ещё.

Было уже немало выпито, за столом царил весёлое оживление. И Лебанидзе — собкор “Правды” по Грузии — обратился к Гейдару Алиеву: “Гейдар Алиевич, хочу рассказать вам одну историю, связанную со Сталиным. Приехал как-то Сталин в Сухуми, и там у него разболелся желудок. Ему организовали опытного врача. Пришёл старик, худой, высокий, стал лечить вожда, и где-то минут через 30-40 у Сталина боль прошла. А когда врач собирался уходить, Сталин решил как-то отблагодарить его. “Чего бы ты хотел? Чем я могу помочь тебе?”. Врач ответил: “Товарищ Сталин, я человек обеспеченный. Меня здесь приглашают на все торжества, я пользуюсь у людей уважением и авторитетом. Единственное, что меня мучает — это язва желудка. Меня часто приглашают в гости. А на всех застольях первый бокал за товарища Сталина. Разрешите мне не пить за вас полный бокал”. Сталин задумался, прохаживаясь с трубкой. Потом сказал: “Я думаю, вам не надо выделяться”.

Гейдар Алиевич долго смеялся, услышав этот рассказ. А потом стал уговаривать К. Халилова и А. Ибрагимова станцевать. Он любил подшутить над людьми, к которым питал добрые чувства. “Вот, у нас Курбан Алиевич Халилов”, когда дежурит в Москве в Верховном Совете, каждый раз там пытается жениться браком сийга”. И стал объяснять, что такое “сийга”***. Все хохотали. Гейдар Алиевич, когда позволял себе расслабиться, был очень душевным и интересным собеседником, мог и анекдот рассказать.

* Руководители Советского Азербайджана.

** Курбан Халилов — председатель Президиума Верховного Совета Азербайджана в 70-е годы.

*** Сийга — временный брак, который, по шариату, разрешается заключать мусульманину, находящему вдали от родного дома, в чужой стране.

На этом вечере каждый из журналистов рассказывал что-то интересное. Гейдар Алиевич любил такие застолья”.

Бывшему командующему войсками Бакинского округа ПВО Анатолию Устиновичу Константинову также доводилось участвовать в дружеских застольях с Гейдаром Алиевым, и, по его рассказам, вне работы он производил совершенно иное впечатление:

“Во время официальных приёмов, когда речь шла о визите зарубежных делегаций — это был серьёзный политический руководитель республики: протокольные речи, официальные тосты. Во время дружеских приёмов, застолий он вёл себя свободно, раскрепощённо, не как государственный человек, а как простой во всех отношениях гражданин. Он и Зарифа-ханум были единым целым. Она играла на пианино, пела, а он танцевал со всеми дамами.

Иные руководители как начнут говорить, так никому и рта раскрыть не дают. Здесь всё было иначе. Мог выступить и я, или моя супруга, выступали и другие товарищи. Поднимали тосты, рассказывали какие-нибудь забавные истории. Он не был любителем охоты и прочих развлечений. Зато обожал плавать.

— *Все отмечали, что у них с Зарифой-ханум были трепетные, по-настоящему хорошие отношения, что Гейдар Алиевич её очень любил и уважал.*

— Это была дружная семья. Когда наступала очередь танцев, тут Зарифа-ханум была заводилой. Она могла переодеться в национальный костюм, а могла взять в рот сигарету, надеть шляпу, чтобы изобразить что-то, представить какую-то смешную сценку. Она была очень весёлым человеком, а Гейдар Алиевич это в ней поддерживал.

Зарифа-ханум была надёжным тылом, на который Гейдар Алиевич всегда мог опереться в трудные минуты. Уважение к себе и другим — вот что лежало в основе их взаимоотношений, и он остался преданным этим принципам после преждевременной смерти супруги”.

Севиль-ханум рассказывала, что, отправляясь по работе в Москву — на пленумы, совещания, сессии — он часто брал с собой Зарифу-ханум, а Зарифа-ханум брала детей:

“Мама не могла оставаться без нас. И мы вчетвером ездили всюду. Мы были с ним и в 1976 году, когда его избрали кандидатом в члены Политбюро. Мы так радовались за него, так гордились им!”.

Подруга Зарифы-ханум, профессор Захра Гулиева вспоминает:

“Зарифа была своего рода “нейтрализатором”. Она могла смягчить всю отрицательную энергию, которая в нём и вокруг него накапливалась. При этом она отчётливо осознавала, какая на ней лежит огромная ответственность. У неё перед глазами всегда был пример отца. Со стороны все завидуют, а она трясётся: за мужа, за детей.

Я отдыхала в санатории под Москвой, когда в “Литературной газете” было напечатано сенсационное интервью Гейдара Алиева “Пусть справедливость верх берёт”. Вместе со мной отдыхали бывшие министры, высокопоставленные партийные работники. Помню, они меня окружили, стали расспрашивать, что за человек наш первый секретарь ЦК, почему он так решительно настроен, так откровенно высказывается.

Я поражалась: ведь он всё делал от чистого сердца, на благо людей, а сколько было недругов! Поэтому Зарифа всегда очень за него

беспокоилась: улетит Гейдар Алиевич куда-то, а она уже звонит, волнуется, как он долетел.

Когда мы с ней выезжали в командировку, то, не успеем приехать в аэропорт, она хватает трубку телефона и звонит домой. Её можно было понять. А люди со стороны завидовали. Когда сняли президента Академии наук Гасана Абдуллаева, она очень переживала. Говорит мне как-то:

— Зара, ты знаешь, муж раньше был с ним в контакте, мы дружили семьями. Я позвонила, поговорила с его женой, хотела как-то смягчить обстановку, объяснить, почему так получилось.

И сколько было подобных случаев. Она старалась всё отрегулировать своей мягкостью, дипломатичностью.

Она его очень любила, дрожала над ним, строго следила за его здоровьем, весом”.

Об этом же рассказывал мне депутат Милли Меджлиса Михаил Забелин, некоторое время работавший референтом 1-го секретаря ЦК:

“Зари́фа Азизовна была удивительным человеком, я очень часто связывался с ней по телефону, может быть, по пять-шесть раз в день. Гейдар Алиев редко просил соединить его с домом, в основном звонила она. “Гейдар Алиевич приехал?”. — “Да, — говорю, — Зари́фа Азизовна, приехал”. — “Всё у него нормально?”. — “Всё нормально”. — “Не забудь, в одиннадцать часов дай ему лекарство и морковный сок”. — “Зари́фа Азизовна, не забуду”. Он выпивал стакан морковного сока, часов в одиннадцать принимал лекарство. Через некоторое время она опять звонит: “Пусть он там не обедает. Я приготовила и послала ему паровые котлеты. Пусть он это поест”. Через некоторое время ещё что-то. То есть она постоянно беспокоилась о нём, заботилась. Многих мужей, особенно такого ранга, это может раздражать. Его же такая забота никогда не раздражала, может, ему это даже было приятно. Потому что он её очень любил.

— В чём проявлялась эта любовь? В разговоре? В интонациях?

— Я не часто присутствовал при их разговорах, но как-то раз застал. Видимо, Гейдар Алиевич был в комнате отдыха. Я вошёл к нему в кабинет, потому что Зари́фа Азизовна позвонила и сказала, что Гейдар Алиевич не поднимает трубку. Она просила меня проверить, всё ли в порядке. Я зашёл, вижу, действительно, его нет, уже хотел выйти, а тут он входит, вытирая руки, и спрашивает: “Что там?”. Я говорю: “Зари́фа Азизовна не могла дозвониться и просила, чтобы я зашёл”. Он попросил меня закрыть окно, а сам снял трубку и стал говорить с ней. Он не говорил каких-то ласковых слов, но по интонации я почувствовал, что он питает огромную любовь и теплоту к этой женщине и благодарен за её заботу. Она понимала, что это великий человек, и как можно иначе к нему относиться, как ещё можно беречь, хранить его, если не этой своей помощью, поддержкой.

Зари́фа Азизовна вообще была очень внимательной женщиной. Она прекрасно помнила дни рождения моих дочек. Звонит мне как-то: “Мишенька, я послала на день рождения твоей доченьки платьице. По-моему, это её размер. Анатолий тебе передаст”. Или перед Новым годом она часто звонила: “Я вам кое-что послала, и Гейдар Алиевич от себя сделает вам подарочки на Новый год. Водитель привезёт, ты раздай”. Нам постоянно от имени Гейдара Алиевича делали подарки на Новый год, от Зари́фы Азизовны отдельные подарки. Это было страшно приятно. Мы чувствовали, что о нас думают, что мы не просто какие-то винтики в механизме, а — люди, которые тоже чем-то полезны”.

Я спросила у Севиль-ханум, какими были любимые блюда Гейдара Алиева?

“Он не любил жирную пищу, — ответила она. — Ему очень нравилась нахичеванская кухня. Женщина, которая готовила нам обеды, в своё время работала ещё у родителей моей мамы. Она меня знала со дня рождения. Тётя Нина хорошо готовила, в стиле моей бабушки Лейли. У неё был стиль еревано-нахичеванский.

Но папа любил пробовать и новые блюда. Я помню, мы в 1976 году поехали все вместе в Югославию. Прекрасный был отдых! Каждый день на пляже мы ели спагетти. Папа всякую кухню воспринимал — и точную, и европейскую. Он рассказывал маме, что где-то даже лягушек пробовал. Мама ужасалась, потому что была очень разборчива в еде. Если куда-то выезжала, то ела только то, в чём была уверена. Большей частью куриное мясо. А папа любил попробовать всё новое. Мы с ним и устриц ели”.

Не часто, не каждое лето, но всё же удавалось выбраться вместе с семьёй на отдых в Ялту. Представители высшей партийной элиты стремились оказаться в Ялте именно в тот период, когда там отдыхал Леонид Ильич Брежнев. Хотя удавалось это далеко не каждому, даже члену Политбюро. Однако Гейдар Алиев с семьёй мог приехать туда в любое время. Останавливались они обыкновенно на четвёртой даче в Мисхоре. Мисхор — небольшое дачное место под Ялтой. А Брежнев отдыхал неподалёку — на 1-й даче в Ливадии.

“Но вообще, это только называлось отдыхом, — с улыбкой вспоминает Александр Иванов. — Сама дача расположена в горах. От неё на машине надо ехать к морю, минуты три-четыре. Море тоже огорожено, везде охрана. Плавал он великолепно. Я, молодой, за ним не поспевал — и на спине, и так, потом исхитрился его на лодке сопровождать. Гейдар Алиевич очень долго плавал. Плавание было для него самым любимым занятием на отдыхе. Он практически даже и не загорал. Затем садились в машину и возвращались на дачу. За это время фельдсвязь приносила огромное количество пакетов: материалы Политбюро, переписка из Москвы, газеты. После обеда он уже на море не выезжал, садился и работал. Вечером на дачу иногда привозили кино, он любил киножурналы “Новости дня” и “Фитиль”, или если какие-то новые фильмы, снятые азербайджанскими кинематографистами. Вот и весь его отдых — час-полтора на море да кино. А ведь в Крыму летом много всяких развлечений: всевозможные конкурсы, артисты. Ни на какие концерты в Ялте он не ходил”.

По рассказам А. Иванова, один раз за лето Генеральный секретарь ЦК КПСС устраивал в Ливадии своеобразную тусовку: дружеский вечер для всех руководителей, которые в тот период находились на отдыхе в Ялте. Кроме того, Гейдар Алиев мог быть приглашён в резиденцию к генсеку, если тот принимал каких-то гостей из социалистических стран или если какой-то вопрос был напрямую связан с Азербайджаном.

“Я видел, как Брежнев встречал его на своей даче в Ялте, — рассказывает А. Иванов. — Видно было, что нас по-особому принимают. Леонид Ильич сам выходил, вместе с женой, тепло обнимались, по всему чувствовалось, что Брежнев ему очень рад”.

Переехав на работу в Москву, Гейдар Алиев старался летний отдых совместить с поездкой в Азербайджан. Размещались с семьёй в Загульбе, в том самом деревянном коттедже номер 5, в котором он жил, будучи 1-м секретарём ЦК. Даже став членом Политбюро и занимая один из высших государственных постов в СССР, он не соглашался поселиться в доме гостей, который сам же и выстроил незадолго до своего переезда в столицу. Удивительная щепетильность!

Александр Иванов вспомнил курьёзную историю, приключившуюся в загородной резиденции во время очередного приезда Г. Алиева в Азербайджан:

“Я завёл порядок плавать рядом с ним. До меня это не было принято. Он — в воду, я за ним, он молчит, никак не реагирует. А что делать? Моя смена — я несу за него полную ответственность. Тем более, море, тюлени... Или судорога ногу сведёт. Заплывал он далеко, до второй мели обязательно, потому что любил плавать в чистой воде. Уходил далеко, а потом плыл параллельно берегу. Кямран Багиров предпочитал плаванию теннисный корт, а уж если плавать, то на катере. Когда в Баку в первый раз приехали, в Загульбе катера появились. При нём таких излишеств не было”.

Итак, первый секретарь ЦК предложил Гейдару Алиеву прокатиться на катере. Катер небольшой, прогулочный. Поднялись они на него вдвоём, следом — телохранитель. Багиров говорит: “Саша, может, не надо? Мы как-нибудь сами”. “Не положено”, — ответил Иванов и взобрался на катер. Гейдар Алиев улыбнулся, знал, что переубеждать начальника охраны бесполезно — инструкция! Поплыли они вдоль берега к дому отдыха МВД. А Гейдар Алиев возьми да скажи: “Махнём в КГБ, я давно там не был”. Погода хорошая, народу на берегу полно: загорают, купаются! Гейдар Алиев с Багировым спрыгнули с катера в воду и поплыли к берегу. Отдыхающие узнали их, поднялся шум, переполох. Весь пляж сбежался! Ещё то зрелище: член Политбюро и 1-й секретарь ЦК в одних плавках! Гейдар Алиев со всеми здоровается, шутит, многих чекистов сразу вспомнил. Директор дома

отдыха Халилов на своей “Волге” тоже к берегу подкатил. В общем, пообщался Гейдар Алиев с народом, порасспросил, кто как живёт. Пора возвращаться. Подплыли они к катеру, а он не заводится. Что делать? “Волга” Халилова пока на берегу стоит. Решили в обход к даче добираться.

“Мокрые, в плавках, садимся в машину, — улыбается Александр Алексеевич. — Они вдвоём сзади, я — рядом с водителем. Подъезжаем к “первой” даче, шофёр сигналист. А там ворота закрыты, охрана-то знает, что Алиев на берегу с Багировым... Продолжаем сигналить. Выходит милиционер, рукой машет, нельзя, дескать. Потом разглядел меня на переднем сидении в плавках, растерялся. Я ему говорю: “Двери открывай скорее”. Гейдар Алиевич смеётся. Тут погода начала портиться. На берегу “первой” дачи народ собрался. Мы возили из Москвы в Баку свои машины и брали московских водителей. Гляжу, стоят на берегу наши водители, заместитель мой Виктор Иванович Немушков, а также Юра Камаев. Все стоят и смотрят в море. Гейдар Алиевич шепчет: “Тихо, сейчас подъедем, для них сюрпризом будет”. Они оборачиваются нам навстречу, и мы видим, что на лицах тревога. “Что случилось?”. Отвечают: “Ильхам за вами отправился”. И вот тогда я впервые услышал, как Гейдар Алиевич выругался. Оказывается, Иля лодку вызвал из соседнего турлагеря “Гинджлик”, какую-то плоскодонку, и поплыл за нами. А погода-то испортилась. Гейдар Алиевич на Юру Камаева напустился, я тоже своих ругаю, как могли парня одного отпустить. Гейдар Алиевич спрашивает у меня: “Что делать?”. Я говорю: “Сейчас машину в Загульбу загоню и кого-нибудь пошлём искать”. Вдруг слышим, катер тарыхтит, Ильхам возвращается”.

Из воспоминаний Севиль Алиевой:

“Отец очень ценил честность. Он не воспринимал ни малейшей лжи. Я это понимаю, потому что сама нетерпима ко лжи, даже самой маленькой. Откровенна я была с обоими родителями. Конечно, с мамой я была ближе и откровеннее, мы с ней были как один человек. Она знала абсолютно всё, что у меня в душе. Отношения с папой также были доверительными, как у близких друзей. Я могла ему рассказывать о своих кавалерах и подругах, об учёбе и о людях вообще. Он давал мне советы, и мы всегда шутили. Шутки, юмор в нашем доме были неотъемлемой частью нашей жизни.

— Была ли в Вашей семье проблема “отцов и детей”? Не случалось ли разногласий с родителями по поводу Ваших вкусов и пристрастий в музыке, кинофильмах, увлечениях, манере одеваться, в выборе будущей специальности? Гейдар Алиевич ведь на работе был властным человеком. А в семье эта властность как-то проявлялась?

— Вы знаете, у нас вообще не было разногласий, потому что мама и папа — это было такое необыкновенное сочетание. Он мне как-то сказал, что если бы не встретил маму, то, наверное, вообще никогда бы не женился. Она настолько дополняла его и так старалась подстроиться под его настроение, — у неё самой характер был очень мягкий, дипломатичный, что повода для конфликтов просто не находилось. И потом, он же без причины замечаний не делал. Были определённые вещи, которые ему в людях не нравились. Но у нас в семье этого не припомню. Мы, дети, старались вести себя так, чтобы не портить настроения родителей.

Родители всегда с уважением и пониманием относились к моим увлечениям. Я любила слушать западную музыку, тогда большого выбора в

Баку не было, и я просила кого-нибудь привозить из-за границы пластинки. Очень любила короткие юбки и туфли на платформе, это было модно в то время.

Папа был современным человеком. Он всегда меня понимал, тем более что и сам любил модную, хорошую одежду. Если куда-то уезжал, то привозил мне и маме красивые наряды. Ему не нравилось, если я за собой не следила и не очень хорошо выглядела. Он даже делал замечание. Помню, у меня была очень удобная, но несколько старомодная, длинная юбка. И папа как-то сказал: “Чтобы я этой юбки на тебе больше не видел”.

— Как вы справляли дни рождения Гейдара Алиевича, что дарили ему?

— Он часто забывал о них. Так много работал, что забывал о своём дне рождения. Мы ему в детстве писали поздравительные открытки. А так чтобы специально кого-то приглашать на день рождения — этого не было.

— Имел ли возможность Гейдар Алиевич что-нибудь читать, будучи руководителем республики? Каких писателей особенно любил — что предпочитал из классики, из современных писателей? Какие любил фильмы? Какой у него был любимый актёр? Мы знаем, что он был очень музыкален и любил петь под аккомпанемент Зарифы-ханум. А что он исполнял, какие конкретно песни?

— Папа очень хорошо знал литературу, особенно классическую. Он нам рассказывал, что всё это прочёл ещё в школе. Хорошо знал мировую классику, цитировал Шекспира, например, из “Гамлета”. Любил Гусейна Джавида.

Фильмы любил комедийные, особенно советские. Мог по несколько раз смотреть “Служебный роман”, “Мимино”, комедии с участием Игоря Ильинского — “Карнавальная ночь”, “Старый знакомый”. Он вообще любил посмеяться.

С удовольствием пел, часто под аккомпанемент мамы исполнял песню Тофика Кулиева “Сене де галмаз”. Иногда он слова забывал, мама ему тихо подсказывала. А из советских любил песню из фильма “Ночной патруль”. До сих пор помню слова из этой песни: “Даже птице не годится жить без родины своей”. По-моему, её Бернес пел.

Ещё ему нравилась “Миллион алых роз” Аллы Пугачёвой. Когда Пугачёва была в Баку в 2001 году, она спела её по папиной просьбе. Во время исполнения она подошла к папе, и они вместе пропели припев. Эта мелодия вызывает у меня особые чувства, потому что папа с мамой любили танцевать под неё. Эта была их любимая песня.

В 70-е годы была популярна мелодия “Эль Бимбо”. Помню, когда были на отдыхе в Югославии в 1976 году, мы её там часто слышали в ресторанах и клубах. И она ему тоже очень нравилась.

Но самой дорогой для него песней была моя — “Возвратись, любимая”, которую я посвятила маме. Каждый раз, когда папа её слушал, он плакал. Даже когда это ещё была просто мелодия без слов, он говорил, что она ассоциируется с мамой и его состоянием после маминого ухода. Мне эта песня сейчас вдвойне дорога, потому что она для меня — память о маме и папе”.

Об удивительно трепетных отношениях Гейдара и Зарифы Алиевых написаны поэмы, сняты фильмы. И всё же многое ещё недосказано. Как отобразить силу той жертвенной любви, с которой относилась к Гейдару

Алиеву его супруга. Рискну предположить, что никто и никогда на свете (быть может, за исключением Иззет-ханум) не любил Гейдара так, как его Зарифа. Она буквально окутывала его своей заботой, поистине материнским вниманием, растворялась в его личности и была готова положить на алтарь своей любви самое драгоценное, чем обладала, — свою жизнь.

Лидия Расулова вспомнила потрясающий эпизод, рассказанный ей самой Зарифой-ханум. Все члены бюро во главе с первым секретарём ЦК отправились в театр музыкальной комедии, на премьеру оперетты Рауфа Гаджиева “Перекрёсток”. В перерыве спектакля Лидия-ханум разговаривала с Зарифой Азизовной, которая всегда сопровождала супруга. И та ей рассказывает, что навещала детей в Москве, а когда возвращалась, Цвигун предложил ей полететь на своём самолёте. Только взлетели, как обнаружилась техническая неполадка: шасси не закрылось. Командир корабля подаёт команду, что, мол, у него проблема. И сесть они не могут, пока всё топливо не израсходуют, чтобы самолёт при посадке не взорвался. Вначале сидящим в салоне ничего не сообщили, но они ведь смотрят в иллюминатор и видят, что кружат на одном месте. И вот Зарифа-ханум рассказывает:

“Видим, на взлётную полосу подъехали пожарные, машины “скорой помощи”. Понимаю, что каждую минуту может случиться непоправимое, а у меня одна только мысль: как сообщат об этом Гейдару Алиевичу и что будет с ним после этого”.

“Я была поражена трепетностью этого чувства, — вспоминает Лидия Расулова. — Человек в тяжелейшей ситуации думает не о себе, а о том, как муж перенесёт её потерю”.

Начальник охраны Гейдара Алиева — Александр Иванов был рядом с Зарифой Азизовной, когда случилась поломка самолёта. Он до сих пор с восторгом вспоминает о замечательных человеческих качествах супруги моего героя.

— *Какой вам запомнилась Зарифа Алиева?*

“Сейчас моему младшему сыну 27 лет. Когда я начал работать, его ещё на свете не было. Заканчиваю я работу, она меня к себе вызывает или с крыльца позовёт и говорит: “Возьми этот пакет”. Я говорю: не надо, неудобно. Она отвечает: “Я не тебе даю, Ирке отнесёшь. Беременным женщинам надо кушать морепродукты, чтобы у ребёнка глаза были голубые”.

Или позвонит и говорит: “Саша, Володя (её водитель) повёз вам ящик абрикосов”. Здесь, в городской резиденции, росло много абрикосовых деревьев. Она просила садовника их собрать, а потом отправляла мне, водителям, ныне покойному Тамерлану Азизовичу. Она обо всех заботилась. У неё только и разговоры были о детях, внуках, о Гейдаре Алиевиче.

История с поломкой самолёта произошла, когда Гейдар Алиевич ещё работал 1-м секретарём ЦК. Идём как-то рано утром из бассейна в свой коттедж, и Гейдар Алиевич мне говорит: “Саша, сегодня летишь в Москву за Зарифой Азизовной”. В таких случаях надо проводить соответствующие оперативно-технические мероприятия через КГБ — аттестовать самолёты, пилотов и пр.

Созвонился с Москвой, мне взяли билет, и я после обеда улетел. Приехал, меня Юра Камаев встретил. Разместились в гостинице. Билеты на обратную дорогу нам здесь Юра уже заказал через постпредство. Вечером Зарифа Азизовна нашла меня и говорит, что папа позвонил (мы Гейдара Алиевича “папой” между собой называли) и сказал, что Цвигун летит в

Баку, поэтому мы с ним полетим спецрейсом. Цвигун отправлялся в Баку на совещание по линии КГБ и ему как генерал-полковнику полагался спецсамолёт. А у меня на руках два билета на обычный 861-й рейс, правда, самолёт с подготовленным экипажем, аттестованный по нашей оперативной линии.

У Гейдара Алиевича своего самолёта не было. В советское время ни у одного члена Политбюро не было личного самолёта. Тогда существовал специальный 235-й отряд при Министерстве гражданской авиации, который обслуживал кандидатов, членов Политбюро и глав зарубежных государств (нынешняя авиакомпания «Россия»).

Короче говоря, вечером «папа» позвонил, что мы летим с Цвигуном. Вылетали из Внуково-1. Зарифа Азизовна села рядом с Цвигуном, я подальше, с его охраной — их было два офицера, всего нас в самолёте пять человек. Взлетели, стюардесса принесла конфеты. И вдруг шасси начали издавать какие-то непонятные звуки. Я же много летал, и звук мне что-то не понравился, но счёл за лучшее промолчать. Я охрану Цвигуна знал, но близкого контакта с ними не было. Краем глаза смотрю — уже Тёплый стан идёт. Никак мы высоту не наберём. Когда самолёт на третий круг пошёл, Цвигун говорит: ребята, узнайте, что там с самолётом. Его охранник пошёл, возвращается весь белый и говорит: ребята, что-то произошло, стюардесса сидит, плачет, а экипаж закрылся и не открывает. Зарифа Азизовна это услышала и тут же ко мне подсела, видно, что взволнована. «Что случилось?» — спрашивает. Говорю: «Ничего, всё нормально, сейчас поднимемся». Куда поднимемся? Самолёт опять пошёл вниз. Пять раз самолёт поднимался, опускался. Потом узнали: оказывается, топливо сбрасывал. На второй круг на полосу уже пожарная приехала, «скорая помощь». Зарифа Азизовна взяла меня за руку и, представляете, ни одного слова о себе: что будет, если Гейдар Алиевич или Иля узнают? Как они всё это воспримут?

Она всегда меньше всего о себе думала».

В числе давних семейных друзей четы Алиевых был выдающийся художник Таир Салахов. Я спросила у него, какой парой были Зарифа и Гейдар. Обычно ведь как бывает: один любит, другой позволяет себя любить.

«Нет, у них такого не было, — подумав, ответил Таир Теймурович. — Они удивительно дополняли друг друга. У нас было много общих воспоминаний. Помню наши встречи в Москве, когда Гейдар Алиевич шесть месяцев там учился или проходил стажировку. Зарифа Азизовна звонила мне из Баку, говорила:

— Таир, окружи его вниманием, теплом. Потому что он там один.

Она была очень заботливой».

«Он её называл «Зариша», — рассказывал мне Муслим Магомаев. — А уж она за ним ходила как за ребёнком. При нас с Тamarой она его только по имени и отчеству называла: «Гейдар Алиевич, вам уже хватит... Это вам нельзя». Хотя был один случай. Я приехал в Баку, чтобы встретиться с Г. Алиевым по делу. Дело незначительное, но я одному человеку обещал, что с Гейдаром Алиевичем переговорю. Приехал, отметил у Рафаэля Аллахвердиева: «Передай Гейдару Алиевичу, что я в Баку». — «Хорошо». Сижущий день, второй, третий — никаких вестей.

В конце концов позвонил Зарифе Азизовне, мол, так и так, у меня в Москве срочные дела, мне буквально пять минут с Гейдаром Алиевичем надо переговорить. Не могли бы вы посодействовать? “А он тебя не принял ещё? Погоди-ка”. И вот, забыв, видимо, что я по другому телефону жду и всё слышу, она в другую трубку ему выговаривает: “Гейдар, мальчик приехал, сидит здесь три дня, ты что, не мог ему пять минут уделить?”. Это было таким тоном сказано, что я понял: она обладает на него большим влиянием. А все эти “Гейдар Алиевич” — для нас, для того, чтобы пиетет соблюсти.

Она была хохотушка, душа любой компании. Мудрая и весёлая, музыкально одарённая, хорошо играла на рояле. Если бы не была врачом, женой политика, стала бы актрисой, музыкантом. Как и Гейдар Алиев, который мог стать прекрасным художником, актёром. Он выступал по всем правилам актёрского мастерства”.

Светлана Касумова вспоминает, с каким уважением и восторгом отзывались о Зарифе Азизовне жёны первых секретарей ЦК Компартий союзных республик, приехавшие в Баку на празднование 60-летия Азербайджанской ССР:

“Я впервые так близко общалась с ней, когда мы принимали делегации из республик. Хочешь — не хочешь, мы сравнивали, что и как говорит Зарифа Азизовна и что говорит жена другого первого секретаря.

Зарифа Азизовна была уникальной личностью — высококультурной, эрудированной, грамотной и вместе с тем очень простой и искренней. Она действительно создавала очень хороший климат вокруг себя, давала почувствовать каждому из гостей, что такое Азербайджан, азербайджанская женщина. Она была символом азербайджанской женщины”.

Конечно, в бытовых вопросах Гейдар Алиев был совершенный профан. Дети, внуки, продукты для большой семьи, организация хозяйства — всё это тщательно контролировалось Зарифой-ханум. Хотя первый секретарь ЦК, несмотря на свой высокий статус, любил пройтись по магазинам, посмотреть, как идёт торговля в городе. Особенно в конце семидесятых — начале восьмидесятых годов, когда возник дефицит продуктов. Г. Алиев нередко практиковал и незапланированные выходы, чтобы его подчинённые не успели “подсутиться” и устроить в отдельно взятом гастрономе мнимое изобилие продуктов. “Едем с работы домой, — рассказывает Саша Иванов. — В сторону “Гянджлика”. Маршрут — через Азнефть, вниз по Чкалова. Подъезжаем к Коммунистической, сигнальщики направо на трассе стоят через проспект Нефтяников, а он говорит: “Толик, ну-ка давай налево”. В сторону Крепости и вниз на улицу Зевина. И заходит во все магазины по пути. Представляете: “ЗИЛ” уже один, впереди нет сопровождения. Нам могли перекрыть дорогу. Не успеешь за это время ни в КГБ сообщить, ни в МВД.

... Он в магазинах интересовался всем: ценами, ассортиментом. На улице имени лейтенанта Шмидта, угол 28 Апреля был “крутой” продуктовый магазин. Я всегда вспоминаю этот случай. Гейдар Алиевич подошёл к прилавку, а там лежит аппетитный тамбовский окорок. Он у меня спрашивает: “Саша, деньги есть?”. Министр МВД Джафар Велиев за меня отвечает: “Есть”. — “Я не у тебя спрашиваю. Саша: есть? Купи килограмм

окорока". Продавщица взесила большой кусок. Я в кассу подошёл — 3 рубля 70 копеек. Потом ещё в какой-то магазин заглянули. Приехали в резиденцию. Зарифа Азизовна всегда его встречала. "Зариша, — улыбается Гейдар Алиевич, — посмотри, какой подарок я тебе купил!".

Один раз мы ехали в какое-то неурочное время, через проспект Строителей спускались к "Олимпу". То ли кого-то встречать, то ли ещё что-то. В общем, выехали с работы непривычно рано. Не доезжая до "Олимпа", он вдруг говорит: "Слушай, я знаю, тут раньше хорошая пивная была!".

Зашли туда. Бедный парень, который там работал, перепугался, у него и пиво из кружек проливается, и руки трясутся. Выпили по кружке. Сели в машину, он Толику, водителю, говорит: "А ты лишился этого удовольствия". Он любил подтрунивать над людьми".

Конечно, первому секретарю ЦК, жившему в обстановке строгого протокола, хотелось иногда "свернуть" с колеи, устроить весёлый переполох, расслабить узел безукоризненно завязанного галстука. Порой в буквальном смысле этого слова.

"Однажды я купил в Москве спортивного покроя лёгкий костюм из хлопка, с рубашкой навыпуск, — рассказывает Александр Иванов. — Мы же мучались всегда страшно в этих шерстяных пиджаках, галстуках—"удавках"! Когда в очередной раз в район поехали, решил надеть этот костюм. "Шеф" из вагона вышел, на меня посмотрел, молчит. Ничего не сказал. Потом Намик Тагизаде мне выговаривал: "Ты что, как оделся?!" . Когда только в машину сели, Гейдар Алиевич спрашивает: "Это что у тебя за костюм такой?". Я отвечаю, что он очень удобный, а главное — лёгкий. Через некоторое время он вызвал портного, заказал себе такой же.

Костюмы ему в основном шили, в мою бытность я не припомню, чтобы он готовые костюмы покупал. И в Москве он шил в спецательне на Кутузовском проспекте. Из готовой одежды покупал только рубашки. Ни на одной примерке Зарифа-ханум не присутствовала, и материал, и покрой он сам себе выбирал. В подборе галстуков, туфель могли участвовать женщины".

Об этом же вспоминает референт Г. Алиева Туран Гусейнов:

"В 70-е годы все свои костюмы он шил у портного. Не было никаких спецмастерских. Управделами ЦК Балабек Мирзаджанов говорит однажды: "Я показал Гейдару Алиевичу несколько пиджаков разных портных. Он остановился на этом". Позвали портного, который и сшил этот пиджак. Бакинский армянин, фанат своей профессии, шил — ювелирно. Помню, он даже себе специальную швейную машинку из Франции выписал, потому что она строчку специальную для костюма делала. Он много лет "первого" обшивал. А потом он куда-то уехал, и Гейдару Алиевичу стал шить портной по имени Назим.

Когда я бывал по делам в командировке в Москве, мне женщины про Гейдара Алиевича говорили, вздыхая: "Он у вас душа. Такой мужчина!".

Дочь Гейдара Алиева Севиль-ханум подтверждает: "Папа любил, чтобы всё было подогнано до миллиметра, поэтому готовые костюмы не покупал. Хотя у него фигура была идеальная и ему бы подошла даже готовая одежда".

Севиль-ханум с улыбкой вспоминает о мире вещей, окружавшем её отца. В этом мире не было места роскоши, излишествам, каждый предмет обихода имел функциональное значение и служил своему хозяину

десятилетиями. Единственная “слабость” моего героя — хорошо сшитый костюм и подобранный в тон галстук.

“Папа был очень требовательным к тому, как он выглядит, и всё должно было быть на сто процентов. Ткани он выбирал сам, и мы иногда в этом ему помогали. Он любил серые и синие ткани, разные оттенки этих цветов. Чёрные костюмы он категорически не воспринимал, у него не было ни одного чёрного костюма.

Рубашки ему было трудно подобрать, потому что он любил какой-то один определённый тип. Он предпочитал классический стиль, и воротник должен был идеально подходить для узла галстука. Я как-то купила ему рубашки одной итальянской фирмы, и они ему очень понравились. Он меня попросил: “Всегда покупай мне такие рубашки”. Папа выглядел всегда модно и элегантно.

Галстуки и сорочки ему раньше покупала мама. Он вообще любил яркие цвета галстуков, говорил, что они придают хороший оттенок лицу. Мне было сложно подбирать ему галстуки: это должна была быть и ткань соответствующая, и чтобы узел был хороший, и цвет чтобы ему нравился, и рисунок. Помню, я привезла ему из Лондона несколько светло-голубых галстуков. И они ему так понравились, что он каждый день надевал новый. А потом сказал мне: “Видишь, всё, что ты привезла, я надеваю каждый день. А потом повторяю по второму кругу”.

Он был очень аккуратным во всём. Даже на фотографиях в молодости — он ведь был очень беден, но всё равно выглядел таким элегантным. У него каждая вещь лежала на своём месте. Но и к вещам привыкал. Например, к старому, изношенному свитеру, в котором уже и дырочки появились, но он говорил: мне эта вещь нравится, мне в ней удобно.

Он любил красоту, но у него никогда не было стремления к роскоши, к дорогим вещам”.

Помимо хорошей одежды, Гейдар Алиевич был ценителем качественных напитков — тонких вин, выдержанного коньяка, виски. Из водки предпочитал пить любимую Леонидом Ильичом Брежневым “Зубровку”. Её в Баку специально привозили из Белоруссии.

“В конце 70-х годов у него появился ещё один любимый напиток: азербайджанский марочный коньяк “Ширван”, — вспоминает Александр Иванов. — “Ширван” был его гордостью. Он и форму бутылки сам выбирал, и этикетку сам разрабатывал. Помню, покойного Юниса Рзаева, председателя Госкомитета по виноделию и виноградарству, Гейдар Алиевич замутил из-за этикетки”.

Бывший заведом ЦК Закир Абдуллаев вспомнил в связи с “Ширваном” любопытную историю:

“Однажды после зонального совещания возвращаемся поездом в Баку. В одном купе едем я, помощник по сельскому хозяйству Ариф Мустафаев, глава МВД Джафар Велиев и министр сельского хозяйства Мамед Аскеров. Мы заранее знали, что придёт ехать поездом, поэтому взяли с собой в дорогу немного еды. После совещания все были выжаты как лимон, поэтому примерно через полчаса после того как поезд тронулся, решили: чёрт с ним, выпьем граммов по сто водки. Поверьте: только успели выпить одну рюмку, как появился начальник охраны Гейдара Алиева Намик Тагизаде и сказал, что Гейдар Алиевич нас вызывает.

— Что вы за никчёмные люди! — встретил он нас шутливым “разносом”. — Сами втихоря пьянствуете и совсем не думаете про своего первого секретаря: как он там, что делает. Садитесь!

Он налил нам всем свой любимый коньяк “Ширван”, плеснул и себе в бокал. На столе стояла разная закуска. Этот необычный вечер в его компании запомнился мне на всю жизнь.

— *Кстати, про “Ширван”. Говорили, что он всегда гордился этим коньяком. Сам придумал дизайн бутылки.*

— Было несколько образцов. Из всех эскизов бутылок он выбрал для “Ширвана” именно этот вариант, по-моему, самый оригинальный. “Ширван” появился в 1980 году, к шестидесятилетию Советского Азербайджана. Помню, всем гостям подарили сувенирные варианты в бутылках в форме бочки и хрустальную вазу”.

В Баку нередко наезжали высокие правительственные делегации, в программе которых, помимо официальной части, предусматривались мероприятия культурного характера: показ местных достопримечательностей, рыбалка или охота. Гости, как правило, оставались довольными и изъявляли желание приехать ещё. Бывший сотрудник КГБ Азербайджана вспоминает в связи с этим два любопытных эпизода.

Из беседы с Альбертом Саламовым:

“В конце октября 1970 года Гейдар Алиевич во главе большой делегации, куда входили члены правительства, специалисты-производственники, журналисты (в группе сопровождения было несколько оперативников КГБ Азербайджана) выехал в Астарту, куда должна была прибыть правительственная делегация во главе с Председателем Президиума Верховного Совета СССР Николаем Подгорным на открытие газопровода Иран — СССР.

Мы выехали большой колонной на новых “Волгах”, недавно поступивших в республику. Подгорный же прибыл в Астарту на поезде, где его торжественно встречали руководители республики во главе с Гейдаром Алиевым. Подгорный вышел из вагона, закурил папиросу “Наша марка” и в сопровождении встречающих сел в машину. Все двинулись в сторону границы с Ираном, к месту торжества.

Здесь был разбит большой брезентовый шатёр для гостей, установлена аппаратура ВЧ-связи. После церемонии открытия газопровода Подгорный с несколькими представителями местной власти и нашим чекистом — заядлым рыболовом и охотником, полковником В. Банцеровым — двинулся на остров поохотиться на уток. Охота была удачной, и Подгорный остался ею доволен. После охоты он говорил с Л. И. Брежневым по ВЧ, сообщил ему об открытии газопровода, затем по просьбе Гейдара Алиева пригласил Леонида Ильича приехать поохотиться, отметив, что здесь много дичи и прекрасная природа. Леонид Ильич, как сказал потом Подгорный, сожалел, что не может воспользоваться приглашением, так как он очень занят.

29 октября за Подгорным на военный аэродром прилетели два пассажирских самолёта “Ту-154” и “Ту-134”. Гейдар Алиевич провожал гостя, вместе с ним вошёл в салон самолёта “Ту-154”. И вдруг в дверях у трапа самолёта показываются Николай Подгорный и Гейдар Алиев. Гейдар Алиевич в сером костюме, без плаща. Подгорный объявляет провожающим:

— Я забираю вашего Алиева в Москву.

Гейдар Алиевич с улыбкой на лице помахал нам рукой, и они вошли в салон самолёта.

И ещё одно воспоминание, связанное с приездом Тодора Живкова.

1 августа 1973 года в Баку прибыла болгарская делегация во главе с первым секретарём ЦК Компартии Болгарии Тодором Живковым. Он прибыл вместе с дочерью, малолетней внучкой, зятем и охраной.

Гостей повезли из Баку в Гянджу. Сначала посетили ковровую фабрику, где после встречи с работниками Гейдар Алиевич от их имени преподнёс ему в дар большой ковёр небывалой красоты. Тодор Живков сказал, что по-болгарски ковёр называется “килим”. Гейдар Алиевич отметил, что и у азербайджанцев его называют “килим”.

Затем большой колонной на “Чайках” и “Волгах” прибыли на озеро Гёк-Гёль, и гости разместились в гостевом домике. На следующее утро была запланирована охота на джейрана. На охоту в горы вместе с Тодором Живковым выехали его зять, начальник охраны — генерал, полковник Банцеров и ещё двое гянджинцев. Через несколько часов охотники вернулись, но без трофеев. Поговаривали, что джейран, заранее привязанный верёвкой за ногу, смог вырваться и исчез в лесу. Дабы не разочаровывать высокого гостя, ему сообщили, что егеря, пошедшие по следу, оставленному раненым животным, заявили, что тот далеко уйти не сможет. Вскоре на вертолёте был срочно доставлен другой джейран со следами пулевых ран, которого и представили охотникам. Больше вопросов ни у кого не возникало. Здесь же нашлись специалисты, которые освежевали джейрана, изготовили из рогов сувенир в подарок Тодору Живкову. Руководитель Болгарии решил сфотографироваться рядом с длинными рогами джейрана, укреплёнными на деревянной основе. Высокий гость остался очень доволен пребыванием в Азербайджане. Гейдар Алиевич умел прекрасно организовывать приёмы гостей, был всегда гостеприимным и хлебосольным хозяином”.

Удивительные качества характера: при всей любви к работе, доходившей до “трудоголизма”, мой герой был открыт земным радостям: ценил дружеское застолье, удачную шутку, крепкий “мужской” анекдот, был поклонником женской красоты. В последней части трилогии я расскажу о том, с какой почти детской любознательностью и непосредственностью знакомился Президент с историко-культурными ценностями страны, куда попадал с визитом, с каким удовольствием и, я бы даже сказала, бесстрашием пробовал экзотические заморские яства и напитки, как умел рассмешить самую элитную и чопорную компанию на двусторонних переговорах.

Мне кажется, что этому человеку всю жизнь было тесно в рамках протокола, в стенах своего кабинета, в окружении партфункционеров и чиновной бюрократии. Он очень комфортно чувствовал себя рядом с поэтами и писателями, на каком-нибудь детском празднике или общаясь с деревенскими аксакалами.

Когда Гейдар Алиев в последний раз приехал в Нахичевань в 2002 году, он поднялся в горы. Заехал в какую-то чайхану, это не было предусмотрено протоколом. Ему подали стакан чая, он обмакнул кусок сахара в чай, выпил и, глядя вдаль, задумчиво сказал: “Самый счастливый день в моей жизни”. А потом, видимо, подумав, что его не так поймут, добавил: “В Нахичевани”.

Галина ШИМАНОВИЧ

“Помню радости звонкий и солнечный день...”

Разгневан ветер, рвётся в дом.
Январский ливень безутешен —
Он исхлестал стволы черешен,
Из сада сотворил Содом,
Покинутый безгрешной птицей,
Казнимый властною десницею.
Жаль сада. Он не виноват,
Что время года не попад
В разладе со своей погодой.
Природа резче год от года,
Больней отказывает нам
В любви. Подобно снам
Бредовым, в лихорадке,
Её стихи без оглядки
Бесчинствуют и здесь, и там.
А мы? Мы заняты собою,
Успехом, хваткой деловою.
Взрываем, травим, грабим, рушим
Планету-Мать. Черствеют души,
И плесневеют города
В чаду, дождях, в безмолвном оре
Рек воспалённых. Это горе —
Итоги “дела” и беда.
И тесных душ томит усталость,
Но нам любви ещё осталось
Чуть-чуть. Любовь с любовью сложим —
Природе и себе поможем.

В тумане призрачны сады,
Дома и окон свет неяркий.
Всё это — осени подарки,
Дождя размытые следы.

Примолк и затаился мир,
Смущённый призрачной загадкой:
Кому понадобились прятки
И влагой сотканный эфир?

Я не решаюсь разгадать,
Кто млечной мглой легко влечётся,
Чей приглушённый говор рвётся,
Чей шёпот слышится опять.

Но кажется, что вся Земля
Себя туманами укрыла,
Не нам ли тихо говорила
О сокровенном бытия?

Живи, как пишется.
Суди, как слышится.
С расхожей “мудростью” грехи, грехи.

Живой, изменчивой
Души доверчивой
Движение встречное предать спешу.

Обрёл спокойствие,
Кладбищу свойственное?
Укрылся логикой, замолкший сфинкс?

В закон закованный,
Не жмут оковы ли?
Не жжёт сомнение? Смирный спишь?

Не спрячешь в формулу
Заката взорванность,
Волн непокорность, ни явь ни сон.
Тепло касания,
Дар понимания,
Жизнь! — Не понятия, не твой закон.

Бело-розовых яблонь вдохну аромат,
Закружит и взволнует сверкающий сад.
Здесь безудержной радости плещет поток,
И поёт и блаженствует каждый цветок.

Я с открытой душою к цветку наклонюсь,
Прикоснусь к совершенству. В себе сохраню
Все восторги весны — отзовется душа.
В звуках сада ликующих жизнь хороша!

И когда набегают нечаянно тень,
Помню радости звонкий и солнечный день,
Помню сад и ветвей ослепительных взлёт.
Сердце бьётся легко, сердце тоже поёт.

Памяти брата, художника Бориса Шимановича

Хлеб — запахом, ночь — тишиной, шаги — шипами
Меня, почти бесплотного,
В который раз распяли.
А чистый отзвук “жизнь”! —
Возник во мне и замер.
И — смерть, иное бытие, изломом —
В высокой муке дней.
Последних дней...

О, ярость жизни на твоём холсте!
Её познавшие, опали руки.
Так рано...

*Учителям Балкашинской
средней школы А. В. Паиковой,
И. Г. Ткаченко, М. В. Шуховицовой*

Мне помнится Балкашино. Оно
Сияньем голубым озарено.
Сияют сопки, сосны и трава в росе.
Здесь юность начиналась, как и все
Начала, свёрнутые в точку.
Так будущий цветок живёт в весенней почке.
Черёмуха светилась за рекой.
До звёзд, казалось нам, легко достать рукой.
Широкий ветер волновал степной ковыль.
Не сказка стала явью. Это — было.
И в ней открытая, просторная страна
Звучала мягким словом — целина.
А весь великий, солнцеликий Казахстан,
Как отчий дом, надолго жизнью дан.
Балкашино — суровый оберег
Зимой, когда в буран, в спящий снег
Бросались мы. И нас вела метель
Туда, где новых чувств и мыслей колыбель,
И школа ранней юности ждала —
Приют надёжный дружбы и тепла.
Родных учителей раскрылся тонкий мир.
Он нас дыханием познания одарил,
Энергией труда и зовом высоты,
Заворожил загадкой красоты.
Мне не забыть Балкашино. Оно
Свеченьем чистых душ озарено.

Не пропадут ни вздох, ни стон...
И боль всегда к тому вернётся,
Кто преступил Любви закон.
Недобрый шаг наш обернётся
Бедой, бездонною обидой,
И следом — бездны Немезиды:
Отравлен чад душевных трат!
Мы снова вскармливаем ад
Гордыней, ненавистью, мстью,
И мир хрипит на дыбе чести,
Как и столетия назад.
Научимся ли мы любить,
И жить, не сотворив страданий,
Смиренно приняв испытанья,
Нам сужденные? Может быть,
Любой из нас тем и наказан,
Что злом неискуплённым связан,
Что точит нож на брата брат.
И этот веры постулат
Стократ историей доказан.

Вновь города предгорного аллеи,
Деревьев древних дымчатая вязь,
Легчайшей тишины невидимая связь
С тем голосом, который всех роднее,
Зовут меня. Но безнадёжна даль.
И поздний зов запрещен и бесплоден.
А времени покров так неизбежно плотен,
Что перед ним слабеет даже сталь.
Презрев запрет, в свободном светлом сне
Твой голос всё ещё звучит во мне
Из той весны, где мы, как чуда, встречи ждали.
У чуждого в плену, друг друга не узнали
И разминулись. Но с упрямым постоянством
Преодолев и время, и пространство,
Находят нас слепые вести друг о друге.
Упругий миф нас опекает ныне —
Тяжка, как крест, цена моей гордыни,
Пока мы замкнуты в земном и плоском круге.

**станция Калининская
Краснодарского края.**

Ирина ВИНТЕР

Ангел в белом

Повесть

Тоня была самой младшей из шестнадцати детей в семье Бутовых. “Бут” польски — ботинок, и детей из этой семьи деревенская ребятня часто дразнила то “ботинком”, то “обувкой”. Дразнилки эти были среди поселковых ребят безобидным развлечением. В свою очередь, бутовские придумывали своим сверстникам клички, например, из фамилии Топыного получилось “топтыга”, из Тышенберг — “тышка”, из Дыновских — “дыня”. Жили в украинском селе Лозино, на Житомирщине, одной большой и дружной семьёй люди разных национальностей, постепенно смешиваясь, и если бы не сталинские перегибы и репрессии, ущемление по национальному признаку, кто знает, “чистых” украинцев или русских, поляков или немцев с годами не осталось бы здесь вовсе. В тридцатые годы выселению из Западной Украины подверглись десятки тысяч “неудобных” немцев, поляков, болгар, евреев — в основном в Сибирь. Как считала власть: от греха подальше. Да и война внесла свои коррективы в устоявшуюся жизнь небольшого селения.

Село потихоньку вставало на ноги после революционных событий и переборов с продразвёрсткой и коллективизацией. Люди обзаводились личным хозяйством, выращивали пшеницу, овёс, ячмень, просо. Огромная семья Бутовых тоже разжилась кое-каким хозяйством, помаленьку выходила из бедности и уже увереннее смотрела в будущее. Работать приходилось всем — от мала до велика.

У Тони тоже были свои обязанности.

— Улынивать от работы негоже, — приговаривала Тонина мать, когда та с подругами просилась на речку Лозинку покупаться в жаркий день. Увы, это удавалось очень редко. Рабочий день у детей длился почти столько же по времени, как у взрослых. Детство Тони было безрадостным, как и у многих её сверстников в деревне. Надо было делать уборку в большом доме, пасти гусей, выгонять в стадо коров, помогать старшим пропалывать картошку, которой, казалось, нет конца, таким большущим был огород. Картошка-то и была основным блюдом большой семьи. Ею ещё кормили свиней, добавляли в пойло коровам, очистками подкармливали кур.

После третьего класса отец не отпустил младшую дочку в школу, Тоня, как и старшие дети (кто ещё не отделился от родителей), должна была помогать по хозяйству. А учиться она очень хотела. Тоня Бут была одной из лучших учениц в классе, и учитель часто хвалил усердную девочку, это ей нравилось, и она старалась вдвойне. Особенно легко Тоне давалась математика. Подрастая, девочка втайне от родителей мечтала накопить денег и убежать из дома (куда — и сама не знала), чтобы выучиться на фельдшера, а потом устроиться на работу в больницу. Ей нравились люди

в белых халатах. Однажды в детстве она побывала с отцом в районной больнице и на всю жизнь запомнила этот день.

— Папа, а почему на тётеньках белые платья, они — ангелы? — спросила Тоня отца. Про Бога и ангелов в белых одеждах ей втолковывала бабушка, старая, согнутая от непосильного труда, глубоко верующая.

— Это не платья, это больничные халаты, которые носят врачи. А белые они потому, что работать с теми, кто болеет, надо обязательно в чистых белых одеждах. Если на белое попадёт грязь, то это сразу будет хорошо видно, и халат надо постирать. А на тёмном грязное заметить труднее, — попытался объяснить отец.

— Это чтобы на них было видно грязную землю, да? — по-своему поняла девочка объяснение отца. Мать ругала Тоню, когда она, играя с подружками на улице, неосторожно пачкалась в земле.

Девочке казалось, что она попала в какую-то белую сказочную страну или на небо к ангелам.

Но белые одежды Антонина не носила никогда; серые, тёмные — на долгие годы прочно заняли место в её скудном гардеробе, заполнив своими мрачными оттенками всё жизненное пространство в нерадостной судьбе Тони. Она, судьбинушка, распорядилась по-своему — жестоко и бескомпромиссно...

Но прежде чем беда впервые постучалась в её окно, Тоня познала и счастливые дни, короткие, как мгновение.

— Тоня, тебя Роберт зовёт, — шепнула ей на ушко подруга Катя Хомякова, пробравшись в огород, где Тоня пропалывала картошку.

Тоня с Катей были неразлучны и всегда делились всеми девичьими секретами, ничего не утаивая друг от друга. Катя знала о тайной симпатии Роберта Тышенберга и Тони Бут. Тоня же, в свою очередь, выручала подругу, когда Катю приглашал на свидание Петька Мереха. Эти скрытые встречи уже всем в деревне были известны, но молодые люди пока стеснялись открывать свои чувства. Тоня — невысокая, темноволосая, чернобровая, спокойная и уравновешенная, а Катя — выше своей подруги на целую голову, с копной волос пшеничного цвета, с бесинками в светлых, с серыми крапинками глазах, задорная и весёлая. Видимо, разные по характеру люди тем самым и притягивают друг друга, когда зарождается крепкая дружба.

У Антонины сердце ёкнуло от радости: снова Роберт пригласит её на свидание... Она поправила на голове косынку, побежала к корыту с дождевой водой, которая накапливалась, сбегая по желобку на крыше, смыла с ног пыль, обула танкетки и степенно вышла за калитку. Роберт стеснительно переминался с ноги на ногу. Она постаралась скрыть своё волнение, но глаза горели счастьем: её полюбил самый красивый парень в деревне. Многие девушки вздыхали по такому завидному кавалеру, но он почему-то выбрал Тоню. В глубине души она сама удивлялась его выбору, но и гордилась перед подругами. Нельзя сказать, что Тоня была красива, и статью-то особой Бог не наградил, но в ней угадывалось столько женского обаяния, такой внутренней чистотой лучились её тёмно-карие глаза, что на неё обращали внимание многие парни. Девушка не без основания считала, что, к примеру, Катерина, её подруга, и то больше подошла бы по внешности к Роберту — оба высокие, яркие, запоминающиеся. Но тут как

Бог на душу положит. Петька, кавалер Кати, наоборот — щуплый, невысокого роста. Но, в отличие от Роберта, это был смелый, решительный парень, умел красиво ухаживать за девушками, и тут ему равных не было. Он кондебобером ходил вокруг Катерины, сыпал комплиментами, завораживал жгучими взглядами. Трудно было устоять перед таким кавалером. Катя шёпотом рассказывала подруге о том, как сладко обнимает её на свиданиях Петро. Дело у них шло к свадьбе.

— Приходи вечером к речке, на наше место, — смущаясь и краснея, пригласил Роберт. На последнем свидании он робко чмокнул в щёчку свою подругу. Тоне показалось, что весь мир перевернулся, таким оказался этот поцелуй: новое, неизведанное чувство испытала она и, не справившись со стеснительностью, убежала от парня. Антонина сразу поняла, что свидание сегодня будет особенным.

— Коров подою и приду, — ответила девушка и скорей спряталась за калитку.

В руках у неё всё спорилось, она даже не замечала усталости от тяжёлого труда, вспоминала свои встречи с любимым и порхала как бабочка. Вечером она помогла старшей сестре Елене подоить коров, умылась дождевой водой и надела любимое ситцевое в синий цветочек платье. Приличный отрез ткани отец купил года два назад в районном центре, куда возил на продажу масло и картошку. Мать скроила три платья своим дочерям. По тем временам это было богатством! Девушка расчесала густые волосы, заплела косы и корзинкой уложила их на затылке.

Роберт тоже принарядился, надев тёмно-серый костюм, который в семье Тышенбергов мужская половина носила по очереди. Он сегодня волновался сильнее, чем при первых свиданиях. Днём Роберт сказал родителям о том, что хочет жениться.

— Всё-таки на Антонине решил жениться? — спросил отец.

— Откуда вы знаете? — удивился Роберт.

Мать с отцом рассмеялись.

— Да уж весь хутор об этом гутарит, — на украинский манер ответила мать.

— Ничего, хорошая девушка, — согласился отец, — серьёзная, работающая. Женись!

Вечером Тоня с Катей пришли к реке, где их поджидали кавалеры. Петро отвязал лодку, и они с Катериной поплыли на другой берег, чтобы всласть пообниматься в укромном месте. Роберт с Тоней прогуливались вдоль берега.

— Тоня, выходи за меня замуж, — выдохнул Роберт. Он едва справился со стеснительностью. — В воскресенье пришло сватов.

Неожиданно девушка почувствовала такой прилив нежности, таким родным стал ей вдруг Роберт, что она невольно прижалась к нему, не испытывая при этом ни капельки смущения.

Родители Антонины в воскресенье накрыли стол и ждали гостей. По такому случаю мать напекла пирогов с капустой, сварила вкрутую яйца, покрошила на рассыпчатую варёную картошку укроп, выставила на стол сливочное масло и домашний хлеб с холодным, из погреба, квасом, который был очень кстати в жаркий летний день. За стол сели все, кто в этот торжественный для семьи момент оказался дома. Довольство так и светило на лицах хозяев и гостей: родители невесты рады такому работающему, из достойной семьи, жениху, а родители жениха — невесте. Свадьбу

решили не играть, обеим семьям жилось трудно. Решили ограничиться праздничным обедом.

Молодых расписали в районном центре. Тоня, счастливая и похорошевшая, нарядилась в новое ситцевое платье и в новые туфельки, а Роберт — в единственный в их доме мужской костюм и в новую рубашку. За столом собрались только родственники с той и другой стороны, близкие друзья Роберта и подруги Тони. Однако это была большая компания, и застолье вылилось почти в настоящую свадьбу. Карл, брат Роберта, был хорошим гармонистом, он принёс из дома инструмент, и гости под гармошку пели и плясали почти до полуночи. Заходили поздравить соседи и тоже присоединялись к весёлой компании.

Никто ещё не знал, какая страшная судьба уготована этим людям через год-другой...

Первый месяц молодые жили у родителей Роберта. В избе было тесновато, и вскоре родственники помогли молодой семье, как тогда говорили, “построиться”. Камышитовый дом был небольшим, но для Тони с Робертом он казался раем. Две комнаты, сени, вокруг дома достаточно большой огород. Роберт соорудил сарай, родители поделились с молодыми живностью: тёлка, два поросёнка, куры и гуси — это было неплохим подспорьем в хозяйстве.

Но все эти блага уже мало помогли, на Украине начал свирепствовать голод, и в семье постепенно исчезли все продовольственные припасы.

Первенец Роберта и Тони, Сашка, родился уже в тяжёлую годину. Несмотря на трудности, это была счастливая семья. Но беда уже раскинула сети у их дома, поджидая свою жертву.

— Тоня, с Робертом случилось несчастье, — закричала, вбежав в избу и задыхаясь от плача, Катерина. Она была на сносях, но, несмотря на тяжесть своего положения, первая прибежала к подруге, чтобы поддержать в такую страшную минуту.

— Господи, что случилось? — испугалась Тоня.

— В него попала молния!

Тоня оцепенела.

— Тонечка, очнись, не пугай меня, — Катя кинулась за кружкой с водой, пыталась заставить подругу выпить хоть глоток, но всё было бесполезно...

Мужики в этот день начали сенокос. Жаркое, без дождей, лето не давало надежд на хороший укос. Дождь за летний сезон лишь пару раз брызнул и был таков, оставив на произвол судьбы огороды, сады и, что самое страшное, поля и угодья. Чем зимой кормить скот, как прожить без пшеницы, без картошки? И вдруг, в первый день сенокоса, после обеда над землёй повисла бутристая, свинцового отлива туча, грохнул гром и хлынул такой ливень, как будто отыгрывался за упущенные два-три года сухостоя. Казалось, что прямые струи дождя, стоя на земле, крепко держат тяжеленную тучу. Роберт, как и все, побежал под сень дерева, где его и настигла молния.

Родные и односельчане хоронили молодого человека так горько, как, наверное, никого в деревне. Скромный, работающий, безотказный, мастеровитый — его уважали все, кто знал. На юную вдову страшно было смотреть: лицо почернело и осунулось, горькие складки обозначились у губ. Она как будто онемела, только у могилы, когда гроб с телом стали опускать в землю,

у неё вдруг из груди вырвался страшный крик, челюсть свело в сторону. Этот её приступ испугал всех, кто пришёл проводить в последний путь её мужа.

Когда Антонину с кладбища привели домой, у неё неожиданно начались родовые схватки. Её второй ребёнок должен был родиться через два месяца, но нервное истощение надорвало и без того слабый организм, и малыш родился семимесячным. Никто не верил, что мать с ребёнком выживут, настолько плохим было их здоровье. Антонина долго лежала в постели, отказали ноги, а за её сыновьями ухаживала Тонина старшая сестра Соня.

Следом за Робертом похоронили Тониного отца Готфрида Леонидовича. Он уже давно хворал, но продолжал много работать, да и недоедание сказалось, может быть, ещё сильнее болезни. Тоня забрала к себе мать. Елизавета Генриховна ухаживала за детьми, помогала дочери по хозяйству, а Тоня работала с утра до поздней ночи, чтобы прокормить семью.

После нескольких лет неурожая начался страшный голод. Постепенно в деревне не осталось даже кошек и собак — всё было съедено. Люди умирали целыми семьями, дошло до того, что хоронить их позже уже никто не мог от слабости. Те, кто уходил из деревни в поисках пропитания, погибали на дорогах. Звери съедали трупы, их расклёвывали птицы. Многие от голода сходили с ума. Несколько страшных случаев людоедства произошли и в Лозино, когда сумасшедшие родители зарезали своих детей. Никто уже ни на что не обращал внимания, весь смысл жизни сводился к тому, чтобы найти пропитание.

Однажды тронувшаяся умом Тонина соседка Валентина Грибова предложила своей односельчанке Шуре Дробиного сделку, от которой та долго не могла оправиться.

— Давай нарежем твоих детей, а я дам тебе соли, и мы засолим мясо, — заискивающе захихикала она...

Шура страшно закричала на больную женщину, та испугалась, убежала, спрятавшись дома под кровать и уже не вылезала оттуда, покуда не умерла. Шура несколько раз заходила к ней домой, уговаривала Валентину выйти на улицу и нарвать хотя бы лебеды для супа. Но это было бесполезно, Валя плакала и жаловалась, что её хотят зарезать. Потом Шура с Тоней вытащили труп Валентины из-под кровати и закопали в её же огороде, так как тащить на кладбище хоть и тощее тело они были не в состоянии. В скрюченных пальцах покойной была зажата тряпичная сумка с солью. Это — единственное богатство, и несчастная женщина не рассталась с ним, даже умирая.

Но судьба всё-таки не пощадила Шуриных детей. И её тоже. Муж Шуры Василий Дробиного летом подался на поиски заработка в город, да так и сгинул в ненасытной утробе безжалостного времени. Дотянули до зимы, спасаясь травами, грибами, которых, правда, в округе уже трудно было отыскать. А зимой и вовсе есть стало нечего... Все умерли от голода. Сначала тела лежали в доме, потом в сарае, куда их затащили соседи. Морозы сдерживали тление трупов, но к весне, когда Тоня с двумя братьями Емельяном и Леонидом решили всё-таки закопать тела в огороде, они с трудом распознали, кто из них кто: крысы обгрызли трупы до неузнаваемости.

Как-то Тоня в окно увидела, как её одногодок Марьян Дыновский, уже не стоявший на ногах, то шёл, качаясь от слабости, то полз с ножом в сторону чудом выжившей худой собачонки. Животина заметила человека и сразу поняла, что её ждёт. Бегать она уже тоже не могла: собака на полусогнутых лапах отползала от него и выла, человек — за ней, плакал и звал...

Никто не хотел умирать — ни люди, ни животные. У Тони от этой картины началась истерика. На следующий день она пыталась оттащить труп парня с дороги в кусты, но сил на это у неё не хватило. От трупа люди отрубали и отрезали куски и несли домой, чтобы скорее сварить суп, остатки расклёвывали птицы. А собачка, которую Марьян не догнал, тоже трапезничала вместе с теми, кому перепало человечины. Трупы теперь для многих голодающих стали основным питанием, хотя отравления от такой еды иногда заканчивались плачевно...

На земле стало неуютно: летом белое солнце беспощадно выжигало её, выпивало из кормилицы последние соки; зимой серые лютые дни изматывали пронизывающим холодом. Спасения в этом крошечном аду не было. Тоне иногда казалось, что какой-то тайный дух, обозлённый и беспощадный, мстит всему живому на грешной земле таким вот страшным образом: пожирайте друг друга; смотрите на жуткую смерть привычно, равнодушно, бесстрастно; выживайте в этой борьбе с лихом, как хотите; забудьте о святости, о человечности; превращайтесь в нелюдей... Ни заклинания, ни молитвы, ничего не помогало. Добро, казалось, навсегда ушло из жизни сотен тысяч людей, позволив злу завладеть миром. Оно как камень, пущенный из роковой пращи...

Тоня с детьми выжили в схватке с голодом. Они с Робертом, когда он ещё был жив, как и брат Тони Емельян, не зарезали корову (как это сделали почти все в посёлке), изо всех сил добывая сено на её прокорм. Корова-кормилица и спасла семью от неминуемой смерти. Молоко, правда, пили редко, в основном оно шло на масло, которое выменивали в райцентре на хлеб. У них хватало силы воли не съедать зимой всю картошку, оставляя на семена. Её, прежде чем посадить в землю, разрезали на столько кусочков, сколько "глазков" было в каждой картофелине. Также сажали и "лушпайки" от картошки, в которых оставались "глазки", они прорастали и тоже давали кое-какой урожай. Правда, из-за засухи урожай был небольшим, но всё-таки, при разумном распределении, его хватало до весны. Летом собирали ягоды, травы, сушили на зиму, заваривали травяной чай, спасаясь от цинги. Травы шли в супы, забелённые молоком. Постепенно в округе стали исчезать крапива, лебеда, ягоды, грибы. Чтобы отыскать съедобную траву, людям приходилось уходить от посёлка всё дальше и дальше, и многие от слабости не возвращались. Никто их, естественно, не искал.

Умерла Елизавета Генриховна. Она, когда не было дома Антонины, отдавала последние крохи детям, а сама уже едва передвигалась от голода. Тоня догадывалась об этом, за столом сама следила, чтобы Елизавета Генриховна съедала свою порцию. Но это не помогло, старушка слегла и через несколько дней скончалась. Емельян, Леонид и Тоня с большим трудом выдолбили ещё не успевшую оттаять землю, завернули мать в старенькую простыню и опустили тело на верёвках в яму. Потом посидели на земле, чтобы набраться сил, и, задыхаясь от слабости, закопали могилу. Никто при этом не проронил ни слова.

— Боже мой, умерла наша мать, а мы и слезинки не уронили, — сказала Тоня, когда с братьями возвращалась с кладбища. Слезы тоже остались в прошлой жизни. Они облегчают душу, лечат. А к измученным страданиями людям слёзы не приходят..

Старшему сыну Тони было два года и девять месяцев, младшему Володе восемь месяцев. Малыш ел всё, что ели взрослые, так как материнского молока ему не хватало, а потом он был лишён и его — молоко пропало. Единственному в семье, кому полагалось неразбавленное молоко — это самому младшему.

Антонину пугала предстоящая зима. Летом надо накопить сена для коровы, собирать побольше съедобной травы, грибов. Картошка, которая в былые годы в июне цвела пышным цветом, тоже не радовала глаз пожелтелой, сухой ботвой, значит, её будет мало. Сделать запасы, чтобы дотянуть до весны, становилось всё труднее. Сила духа, которой Тоня в душе гордилась, таяла с каждым днём.

Непредсказуемая жизнь продолжала ткать свои тёмно-серые сюжеты...

В июле началось переселение по национальному признаку. Куда — никто не знал. Семьи Бутовых и Тышенбергов тоже попали в списки депортируемых. Тоня собрала кое-какую одежду, старое одеяло, сложила в сумку остатки картошки и лука, кусок хлеба и с этим добром покинула дом. Корову увела к старшей сестре Елене. Сестра почему-то осталась вне списка выселяемых.

Когда на железнодорожную привокзальную площадь согнали переселенцев, Антонина даже растерялась: она никогда в своей жизни не была в городе и никогда не видела столько народу. Одной рукой прижимала к груди младшего сына, в другой тащила узел с пожитками, рядом за юбку держался трёхгодовалый Сашенька. Она строго предупредила малыша, чтобы он крепче держался за маму. Но когда началась посадка в поезд, людей стали подталкивать охранники, торопили с посадкой, боясь, чтобы ненароком кто-нибудь не сбежал. В давке Антонину с младшим ребёнком толпа занесла в поезд, а Сашенька затерялся среди людей на перроне. Тоня страшно кричала, рвалась наружу, но выбраться было невозможно. Она пыталась выглянуть в окно вагона, но и окно было недоступно. Поезд тронулся, часть народа так и осталась на перроне. Несколько женщин бились в истерике, оказывается, не только Тоня потеряла в людской давке своего ребёнка, многие семьи, как потом выяснилось, не досчитались своих родных. На них не обращали внимания, каждый был занят своим горем, никто не знал, куда их везут, что ждёт переселенцев на новом месте...

Антонина пыталась искать сынишку в поезде, в надежде, что толпа могла занести его в вагон. Но пройти по вагонам было непросто: люди сидели прямо на полу — и в проходах, и в тамбуре — из-за нехватки мест. У неё теплилась надежда, что Сашенька найдётся по приезду, и эта мысль немного успокоила несчастную женщину. Тоня не знала, что из поезда людей будут высаживать на разъездах небольшими группами.

Ехали несколько суток с пересадками. Ни еды, ни питья, днём в поезде невыносимая жара, ночью от холода укрывались всем, что попадало под руки. Несколько раз поезд останавливался, людей по очереди выгоняли в лесопосадки по нужде. Измождённые, они пробовали есть траву, но это не спасало от голода и жажды. На остановках успевали выносить трупы, которые оставляли в лесопосадках. Во время пересадок из одного поезда в другой Антонина искала в толпе Сашу, но в такой давке и страшной суете поиски ничего не давали.

На одном из разъездов часть людей высадили и оставили в глухой ночи. Тоня с ребёнком тоже оказалась в этой группе переселенцев. Хорошо что дело было летом, и несчастным не пришлось искать укрытия от холода. Посоветовавшись, разделились на две группы и отправились одни в одну сторону, другие — в другую, в поисках жилья. Антонине было тяжело нести годовалого Володю на руках, от истощения и слабости она едва плелась в хвосте колонны, стараясь не отставать. Каждый из этих измученных людей нёс что-нибудь в руках, поэтому помочь ей никто не был в состоянии.

Вдруг Тоня почувствовала, что силы её оставляют.

— Я не могу идти, — слабым голосом сказала она своей соседке по несчастью, — возьмите ребёнка, помогите ему, ради Бога.

— Я сейчас попрошу, чтобы сделали привал, — ответила женщина, — посидишь немного, наберёшься сил и пойдёшь дальше. Думай о своём ребёнке, — строго сказала она.

Наверное, материнская любовь даёт силы, и Антонина преодолела путь в несколько километров с ребёнком и узлом в руках. Ужас этой ночи, когда люди шли в неизвестность, остался в их памяти навсегда. Тоня потом всю жизнь считала, что им помог Бог, которому все усердно молились: к утру группа переселенцев набрела на деревеньку. Как оказалось, это небольшая сибирская деревушка в Омской области. Спасибо тем, кто дал им временный кров. Через несколько лет, когда переселенцы обжились на новом месте, для них самыми дорогими гостями в уже добротных домах всегда были их спасители...

Но более благополучная жизнь наступила гораздо позже.

Приезжие тут же взялись за постройку землянок, подражались на любую работу. К зиме у многих из них был уже свой кров и даже кое-какие продуктовые запасы. В основном в этой деревне переселенцами оказались немцы. Мастеровитые, усердные в работе, знающие толк в сельском хозяйстве, они быстро освоились на новом месте, им доверяли здешние жители и помогали чем могли; всё это дало новым жителям колхоза шанс на выживание. Без потерь, конечно, не обошлось: от лишений умирали ещё долго. Местное кладбище за два-три года разрослось втрое.

Антонину определили к старикам Комариным, проживавшим с младшей дочерью. Старший их сын жил своей семьёй отдельно. Тоне, конечно, одной невозможно было построить землянку, и старики позволили ей пожить пока у них. Это были очень хорошие люди, и Антонина сердцем прикипела к ним. Ни они, ни она никогда не забывали тот день, когда Антонина с ребёнком впервые переступила порог их дома. Запахи наваристого со свиными шкварками супа настолько сильно подействовали на неё, что она прямо у порога упала в обморок. Старики полмесяца маленькими порциями кормили Тоню, приучая организм к более сытному питанию. Это было такой пыткой, что Тоня ещё не раз теряла сознание от недоедания. Ей иногда хотелось наброситься на еду и есть, есть, есть. Желание наесться у неё проявилось ещё сильнее, чем в то время, когда она вообще не видела нормальной пищи. Малыша в основном отпаивали молоком, разводили в нём варёную картошку, и этой кашницей кормили. В эти дни постояльцы Комариных больше лежали, так как от слабости едва передвигались. Постепенно всё вошло в норму, голод отступил.

Сибирякам тоже жилось трудно, но такого голода, как на Украине, здесь не было. Тоня каждый день с самого раннего утра работала в колхозе, получая за это то немного муки, то подсолнечного масла, то комбикорм для скота. А вечерами управлялась по хозяйству, помогая старикам. Они же и ухаживали за маленьким Володей. Когда их младшая дочь Лидия вышла замуж и ушла от родителей к мужу, дядя Ваня с тётёй Клавой попросили Антонину оставаться у них столько, сколько она пожелает. И Тоня осталась, заменив им дочь. В жизни бывают такие случаи, когда чужие люди становятся родными, и чувства эти вполне реальны и осязаемы. Так сложилось в их семье, и Антонина всегда молилась за здоровье дорогих родных.

— Тоня, говорят, в соседней деревне тоже живут переселенцы, — радуясь такой хорошей новости, сказала ей как-то подруга-украинка Елизавета. — Давай отпросимся в воскресенье, сходим туда, может, кого-нибудь из родных встретим...

Тоня просто задохнулась от такой вести. Кто знает, может быть, её братья или сёстры, которых тоже сослали в Сибирь, живут там. Она вместе со своими новыми подругами сходила туда. И... нашла. Её старший брат Емельян со своими детьми жил во второй половине дома у супругов Ивана и Марии Нейфельд. Муж Марии подался на заработки в Омск, дома бывал редко, мало чем помогал по хозяйству, и оно пришло в упадок. Емельян привёл в порядок подворье, подладил дом, ограду, косил сено, разводил скот, птицу, за что его ценили в семье Нейфельдов.

Емельян овдовел ещё на Украине. Его жена Эмилия Вакенут родила двойню и в этот же день умерла, следом ушли из жизни двойнята. Емельян остался с четырьмя детьми, младшей дочке Агате шёл шестой год. Никогда, сколько жил на белом свете, не забывал он те страшные годы. Каждое утро Емельян видел голодные глаза своих детей, с надеждой смотревших на отца. Он удивлялся тому, что дети никогда не плакали, не требовали еды. Помогали по хозяйству. Он сумел организовать свою жизнь так, что дети выжили. Емельян помогал и своей сестре в те страшные дни, за что Антонина всю жизнь была благодарна брату.

Емельян был умельцем во многих делах: валял валенки, паял прохудившуюся посуду, столярничал, клал печи. К нему с просьбами шли со всей деревни, он никогда никому не отказывал, за что люди уважительно относились к нему. Полдеревни в тяжкие годы ходило в обуви, сделанной Емельяном. Он выдалбливал из дерева башмаки, да так, что ходить в них было удобно. Изнутри эту обувь выкладывали мягкой шерстью, а когда и её не стало в голодном посёлке, в ход пошло сено. В любом случае, зимой люди уже могли выйти из дома, так как из-за нехватки обуви такой роскоши многие были лишены. То же самое было и с зимней одеждой, которую в семьях в холодное время носили по очереди.

Емельян тогда сделал себе и Роберту с Антониной маслобойки, с помощью которых они тоже зарабатывали на пропитание, сбивая масло и продавал его в райцентре. Он запретил им резать корову, чем спас две семьи от голодной смерти. Антонина, когда овдовела, жила крепкой поддержкой старшего брата, как материальной, так и духовной.

... Эта встреча была такой радостной, такой неожиданной для брата и сестры! Как оказалось, Емельян с детьми был во второй группе переселенцев в ту ночь, когда их высадили из поезда и люди разделились на две группы. Но в темноте они друг друга не заметили...

— Емельян, я потеряла Сашеньку, — первое, что сказала ему Антонина при встрече, когда наплакалась на его плече. Никому за это время она не могла пожаловаться на своё страшное горе. Кто мог бы ей посочувствовать так, как родной брат, тем более у всех были свои беды.

— Господи, как же так могло случиться? — у Емельяна на глазах заблестели слёзы. Он хорошо помнил своего симпатичного, смышлёного племянника. Тоня, рыдая, поведала ему историю с потерей сынишки.

Емельян взялся за поиски Сашеньки. Куда он только ни писал письма: в детские дома, в приюты Украины и России. Увы! Как найти ребёнка, который по малолетству даже фамилии своей ещё не знал. Страшнее всего в этой ситуации была неизвестность: что стало с мальчиком, не испытывает ли он сейчас, если жив, мучений. Сколько потом Антонине довелось жить, столько она и плакала по своему сыночку. Карие глаза несчастной женщины постепенно сделались бесцветными, с блёклой полоской вокруг зрачков. А когда-то они были тёмными, блестящими, как сливы.

Володе исполнилось пять лет, когда началась война. Через несколько месяцев Тоню забрали в трудовую армию, а её сын остался с дядей Ваней и тётей Клавой. Молодая мать заходилась криком так же, как и все женщины, когда их отрывали от детей. Но, в отличие от многих, её ребёнок всё-таки был пристроен. Тоня не сомневалась, что старики будут любить его и ухаживать за ним. Одно её беспокоило — их возраст, хватит ли у старых людей сил, чтобы выжить самим и помочь её сыну?

— Не сильно убивайся, — сказал ей на прощанье дядя Ваня, — он ведь не с чужими людьми остаётся...

— Милый, хороший мой дядя Ваня, — причитала Тоня, — всю жизнь буду на вас с тётей Клавой молиться!

Везли женщин в таких же товарных вагонах, как и тогда, когда депортировали из Украины, с той только разницей, что теперь у них на руках не было детей.

Три с лишним года во время войны и три года после Тоня находилась в трудармии на Урале. Сначала бригада, в которой была Тоня, работала на станках в заводском цехе, но через пару месяцев всех перевели на лесоповал, где женщин ждал тяжкий мужской труд. Глубокие сугробы, в которые работницы проваливались чуть ли не по пояс, сначала утаптывали, чтобы легче было добраться до комля дерева, а потом тупыми пилами долго и мучительно пилили толстые стволы. После этого надо было ещё обрубить ветви и оттащить их подальше, чтобы освободить место для транспорта. Но ещё тяжелее эта работа давалась весной, когда женщинам приходилось работать стоя по колено в воде. Перерывов не было, обеда тоже, вместо воды ели снег. У Тони, как и у её подруг по несчастью, болели руки, спина, пульсирующая боль в голове от перенапряжения не проходила ни днём, ни ночью. Норма выработки была непосильной. За недоработку урезали пайки хлеба.

— Вера Петровна, сделай сегодня приписку Марии, — попросила как-то Антонина своего бригадира. — Я понимаю, что это опасно, но посмотри, как плохо она себя чувствует, и, конечно, норму ей не выполнить даже наполовину...

— Нет, ты не понимаешь, о чём меня просишь! Думаешь, тебе одной жалко людей? — ответила Вера Петровна. — Хорошо, я попробую, но кроме нас с тобой этого никто не должен знать, даже сама Мария...

С этого дня бригадир, рискуя собственной жизнью, частенько завышала норму выработки своим работницам, спасая их от голодной смерти. Риск был большой, но, слава Богу, пока всё обходилось...

Самое невыносимое начиналось вечером, после трудового дня, когда нестройная колонна трудармеек плелась в лагерь. От усталости и голода многие падали и уже не поднимались. Потом на плацу нудная переключка и перечисление норм выработки ещё битый час не позволяли женщинам укрыться от холодного ветра в помещении.

Жили в бараках. Как ни конопатили мхом и травой щели в стенах этого жилища, зимой внутри был лютый холод. Морозы на Урале иногда доходили до 40-45 градусов. Кормили два раза в день — утром и вечером. Едой назвать то, что им давали, было трудно. Рабочий день начинался в шесть утра, до этого им ещё предстоял марш-бросок в лес, в сопровождении охраны, а вечером — обратно. Люди падали замертво, и постепенно оплакивать их уже никто не был в состоянии. Если умирали в лесу, трупы наспех засыпали снегом, а летом — землёй вперемешку с листьями.

Особенно сильно, кроме голода и холода, женщины мучались от вши-восты и грязи. Банные дни случались крайне редко, помыться в эти дни тоже удавалось не всегда: много народу, нехватка тазов и мыла. Вечером, после ужина, женщины торопились в бараки, чтобы занять очередь за тазом. Обмылок ценился на вес золота, за него даже иногда могли расплатиться куском хлеба.

В таких условиях человек превращался в равнодушное существо, не способное ни о чём больше думать, как о хлебе и тепле. Сострадание осталось в другой жизни. Даже тех подростков, которых присылали в лагерь взамен умерших, тоже некому было пожалеть. Новые партии трудармейцев, от 14 до 17 лет, пополняли ряды несчастных. Молодые гибли чаще, чем взрослые. Им не хватало житейского опыта, силы воли, чтобы растягивать паёк, а не проплатывать его, не жуя. Единственное, что женщины могли для них сделать, это поручать им более лёгкие работы на кухне и в лесу.

Летом трудармейкам было чуть полегче. Оттаивали после зимней стужи, находили кое-какое пропитание. С голодными людьми делилась своими щедротами тайга, подкармливая ягодой, грибами, травой. Но и это порой таило в себе коварство: травились очень часто. Ров, куда скидывали трупы, трудармейцы рыли сами. Ближе к лету закапывали — тяжёлые запахи отравляли всю округу — и рыли новый. В этом месте вольготно жилось воронам. Жирные, они тучами кружили над “скотомогильником”, как называли это кладбище трудармейцы. И ещё — крысам. Эти твари совершенно не боялись людей, и в тот момент, когда им мешали, они окрысывались с дикой злобой, и даже были случаи, когда нападали на людей, как будто знали, что от слабости человек не сможет защититься или убежать. Женщины боялись их больше, чем злых охранников. Часто этих откормленных грызунов женщины видели и в бараке, и в столовой, видимо, крысы здесь грелись. Их писк и драки по ночам мешали спать.

Так уж устроена жизнь: рядом с человеческими несчастьями всегда вольготно соседствует всяческая нечисть. Но в нормальных человеческих условиях вся эта гадость куда-то исчезает, или уходит “в подполье”, ожидая своего часа...

Тоня подружилась с двумя трудармейками — Эльзой Видиккер и Марией Журавлёвой. Эльза родилась в Саратовской области, немка. Она со своими земляками была депортирована в первый год войны в Сибирь. Их семью подняли ночью, не дав даже толком собрать хотя бы самое нужное (были случаи, когда женщины так и ехали в ночных рубашках, прижимая к себе почти раздетых детей), запихнули в грузовые вагоны и, как скот, везли несколько дней в неизвестность. Половина этого живого “груза” так и не доехала до места назначения... Эльзу забрали в трудармию вместе с сестрой и двумя братьями, но их направили в разные лагеря, и девушка ничего о своих родных не знала. Как выяснилось после войны, когда Антонина уже на свободе (трудовой лагерь все, кто через него прошёл, считали каторгой) переписывалась с Эльзой, её братья умерли в трудармии от голода, а сестра Ирма выжила, но осталась с искалеченной рукой. Ирма в лагере, чтобы несколько дней отлежаться в лазарете, получить более сытный паёк и тем самым спасти свою жизнь, попыталась отрубить себе на руке мизинец, но промахнулась и тяпнула топором по руке, да так, что два пальца остались на пне в лесу, где она это сделала. Началось нагноение, и в лазарете ей отрезали руку почти по локоть.

Мария — землячка Тони из Украины. В Сибири они жили в одной деревне, вместе работали доярками на ферме. В трудармии тоже оказались рядом, да так и старались не отходить друг от друга. Им было что вспомнить, о чём поговорить, поделиться скудными весточками из дома. Это очень помогало, всё-таки кое-какое душевное равновесие тоже давало арестанткам шанс продержаться. Марию оторвали от четверых детей, малмала меньше. Оставаться им было не с кем. Её муж перед самым началом войны умер, так и не оправившись от болезней, преследовавших его ещё с голодной украинской земли. Больше никого из родных у молодой женщины в сибирской стороне не было.

— Мария, я получила письмо от тёти Клавы, — показала Тоня конверт своей подруге, — тут и для тебя есть хорошие вести.

Почта, хоть и очень редко, но доходила до их лагеря.

— Можно мне прочитать? — заволновалась Мария.

— Конечно, читай и радуйся!

Из письма женщины узнали, что детей Марии приютили старики Шнайдеры (переселенцы из Украины). Прочитав это письмо, Мария не могла сдержать слёз, которые вылились в истерику. От большой радости — такое тоже случается. Подруги едва её успокоили.

Но Мария всё-таки не выдержала лагерных испытаний и умерла. В последние дни своей жизни она отказалась от пищи. Организм стал отторгать “пойло” с порченной картошкой, называемое супом, и кашу из недоваренной перловки.

— Тоня, я не боюсь смерти, но из-за детей умирать не хочу. Но, видно, не суждено мне больше мучиться на этом свете. Если, даст Бог, ты сможешь вернуться домой, узнай о судьбе моих сироток, — заливаясь слезами, просила Мария.

Как потом выяснила Антонина, старики Шнайдеры умерли один за другим, а детей Марии определили в детский дом в Омске.

Антонина и Эльза оттащили тело подруги ко рву и осторожно, чтобы самим не скатиться следом, спустили его по заледенелому склону вниз.

А потом, обнявшись, сидя на снегу, кричали и выли так, что распугали ворон, кружившихся рядом в ожидании трапезы. Кто знает, не ждёт ли завтра их такая же участь?!

Тоня резко вдохнула холодный колючий воздух, которым на неё пахнуло из уютного туманного дня, вдруг почувствовала в теле такое тепло, какого не испытывала уже давно. Тоня решила не подниматься, отдаться этому чувству теплоты и безразличия. Когда до её сознания дошёл крик Эльзы, Тоня пришла в себя и увидела, как подруга показывает ей рукой вниз — в ров:

— Тоня, посмотри туда, какой ужас!

Антонина посмотрела в ров и увидела, как крысы с жадностью грызли ещё не замёрзший труп Марии. Их было так много, что они казались одной большой шевелящейся массой.

— Нет, я не хочу туда! Нет, нет, нет!!! — разнёсся по округе жуткий вопль Антонины.

Жестокий дух продолжал мстить миру, лишая всего, чем жив человек. Ничего он не оставил людям: ни еды, ни тепла, ни здоровья, ни элементарных жизненных условий, ни счастья, ни радости. Духовно и физически опустошённые, они всё-таки жадно цеплялись за эту бrenную жизнь, всеми фибрами души стараясь выжить. Иногда Тоня думала: зачем держаться за такое страшное существование, зачем так мучиться, не лучше ли умереть?! Что хорошего ждёт её сына в жизни, зачем она ему такая нужна?! Но потом, вспомнив его симпатичную мордашку, вспомнив, как он, жалея мать, такой маленький, но с таким взрослым, серьёзным взглядом тёмно-карих глаз, пытался помогать ей подметать двор или носить в небольшом ведёрке воду, она снова с неистовостью хваталась за тоненькую соломинку, чтобы не утонуть в этом бесправном мире, за любой слабенький солнечный лучик, выглянувший из-за тучи и дарующий — хоть на час, хоть на день — жизнь. Она мать, она в ответе за своё дитя, она ради него должна терпеть всё, чтобы потом крепко-крепко обнять и помогать своей кровинке столько, сколько ей суждено дышать...

С этими мыслями бедная женщина тянула хрупкую линию своей жизни.

Тоня с Эльзой выжили. Уже после войны жизнь в трудармии стала полегче. Не таким длинным был рабочий день, кормили три раза уже более сытной едой. По карточкам они могли в небольших количествах отовариться мукой, сахаром, овощами. Нельзя сказать, что ели они досыта, но от голода никто уже не умирал. Если умирали, то в основном от болезней, нажитых в лагере, от того, что организм отказывался принять лучшие условия и от слабости не мог справиться с более сытным пропитанием. Работать продолжали в лесу, нормы выработки были уже ниже.

И вот сейчас-то в полной мере стала сказываться тоска по дому, чувства рвались наружу, так сильно женщины соскучились по своим родным, так страстно хотели домой! Но ещё долгих три года несчастным лагерьникам пришлось жить вдали от своих детей и родных.

Эльза познакомилась с парнем из соседнего мужского лагеря, когда мужчины утепляли их барак, складывали в нём новые печи и делили огромное помещение на небольшие комнаты, в которых могли жить по два-три человека. Андрей понравился ей с первого взгляда. Высокий,

темноволосый, глаза фиалкового цвета смотрели на мир с каким-то внутренним удивлением.

— Я, кажется, влюбилась, — секретничала с Тоней подруга. — Такого красивого парня я ещё не видела. Как бы мне с ним познакомиться?

Тоня с Эльзой, как два стратега, продумали план знакомства.

— Андрей, зайди, пожалуйста, в нашу с Эльзой комнату, — пригласила Тоня молодого человека, когда он в очередной раз работал со своими товарищами в женском бараке, — у нас стул сломался. (Подруги пожертвовали стулом — отломили ножку, ради такого случая...).

Это был воскресный день, у женщин — выходной, первый за годы каторжного труда. Они решили провести его с пользой. Утром приготовили “праздничный” обед: сварили суп с капустой, сделали вареники с картошкой, заварили ячменный кофе и даже разжились сахаром. После того как Андрей отремонтировал стул, Эльза пригласила его отобедать с ними. Сначала он отнекивался, но вкусные запахи сломили упорство парня, и он остался на обед. Тоня для приличия посидела в компании, а потом, сославшись на дела, ушла, оставив молодых людей на попечение благосклонной судьбы.

Через месяц к измученным трудармейцам пришёл праздник. Свадьба была такой весёлой, столько в неё было вложено радости, что запомнилась всем присутствующим на всю жизнь. Потом были ещё свадьбы, но ту, первую, вспоминали чаще остальных. Трудармейцы на свои продуктовые карточки приобрели муку, масло, сахар. Напекли пирогов, приготовили винегрет. Комендант лагеря расщедрился и выдал из неприкосновенного запаса спирт, который развели водой. Среди мужской половины нашлись музыканты: где только раздобыли инструменты, особенно всем понравилась игра на мандолине и гармошке. Но не менее заливисто издавали звуки балалайка и гитара. Талантов тоже было немало. Прожив столько лет рядом, многие из них и не подозревали, что среди трудармейцев столько одарённых людей. Песни и пляски перемежались стихами и красивыми тостами.

Тоня помогала подруге в благоустройстве, уступив молодым более просторную комнату в бараке, где она жила с Эльзой. Сама же перебралась в другую, по соседству. Они нашли ситцевых занавесок, вышли красивые накидки на подушки, из тряпочек связали круглые коврики на пол. А потом, когда в молодой семье появился первенец, Тоня бегала нянчиться с малышом, зацеловывая его до безумия. Это был хорошенький, добродушный крепыш, с такими же фиалковыми наивными глазами, как у отца. Его любили все, кто жил в бараке, первый ребёнок, которого взрослые увидели впервые за много лет. Кто-то смастерил ему в подарок деревянного коня, кто-то — сидячую коляску на колёсиках, кто-то из женщин сшил ему штанишки, рубашечку. Малыш как будто тоже платил всем за любовь к нему, улыбаясь каждому, позволяя себя тискать, никогда при этом не капризничая.

Глядя на этого ребёнка, Тоня думала, что, может быть, жизнь наконец-то изменится к лучшему, что добро в конце концов победит зло... Что, может быть, и в её жизни настанут более светлые дни, и она обретёт покой и радость со своим сыном.

Но судьба продолжала куражиться над измученной женщиной...

Антонину Тышенберг, так как у неё есть ребёнок, отпустили домой в числе первых. Незамужних и бездетных ещё некоторое время держали в лагере. Тоня получила “отпускные”, и в городе, перед тем как поехать на

вокзал, купила отрез на платье тётке Клавье, фуражку в подарок дяде Ване, своему сыночку отрез на костюмчик, конфеты, пряники. Со всем этим богатством она приехала домой и, выйдя из вагона, с приятной истомой вдохнула в себя как можно больше свежего вольного воздуха. Нет, это не иллюзия: она выжила, страшная война позади. Она имеет право быть хоть немного счастливой со своей семьёй, она заплатила слишком большую цену за глоток неразбавленного ничем омерзительным чистого воздуха.

Навстречу ей из дома вышел подросток и удивлённо посмотрел на незнакомую женщину. Володя ждал мать, постоянно спрашивал деда с бабушкой, когда же она приедет. И вот — не узнал. Прошло много лет, он из маленького ребёнка превратился в подростка. Тоня тоже не сразу догадалась, что перед ней её сын, таким неожиданным для неё стал тот факт, что Володя сильно вырос. Когда на крыльцо выскочила тётя Клава, женщины подняли такой плач, что испугали мальчишку. Он уже понял, что это его мама, но сторонился и стыдливо прятал глаза, когда она кинулась к нему с поцелуями.

— А где дядя Ваня? — внутренне сжимаясь, спросила Тоня.

— Год назад мы его похоронили, — зарыдала тётя Клава.

Володя тоже утирал слёзы при воспоминании о дедке. Он даже не догадывался, что дядя Ваня с тёткой Клавой были ему по крови неродные. Они очень любили друг друга. Дядя Ваня учил мальчишку мужскому ремеслу: столярничать, чинить прохудившуюся обувь. Они вместе косили сено, управлялись по хозяйству. Когда деда не стало, Володя как взрослый заменил его в хлопотах по хозяйству. Учиться ему не довелось, в те годы редко кому из детей посчастливилось ходить в школу. Надо было выживать, помогать взрослым, работать на колхозных полях и фермах. Руки у подростка были грубые, заскорузлые.

Тоня наплакалась вволю и от жалости к дяде Ване, и от радости, что, наконец, обняла свою кровиночку. Пусть Володе было трудно, пусть он не выучился грамоте, главное, что он жив-здоров. Тоня целовала руки тётке Клавье за то, что она столько лет воспитывала и кормила её сына, отчего та сильно конфузилась. Участливые, нетребовательные, привыкшие заботиться обо всех, кто живёт с ними рядом, эти люди не считали, что, помогая, в сущности, чужим людям, проявляют благородство. А для женщины, нашедшей у них приют и ласку, тепло и любовь, бесценную помощь в такие тяжкие годы, это их бескорыстие было величайшим подвигом, и она боготворила своих дорогих дядю Ваню и тётку Клаву. И Володя сызмальства беззаветно их любил.

Антонина выложила подарки. Фуражку решили подарить брату Емельяну. Володя первый раз в своей жизни видел конфеты, да в таких красивых обёртках. Ему казалось, что ничего вкусней он ещё не ел. Конфеты перевернули его мировоззрение, оказывается, за пределами их деревни есть другой мир, со своими удивительно вкусными конфетами, с красивой одеждой, как у мамы. Антонина перед отъездом домой сшила себе костюм из синей шерстяной ткани, единственный раз в свои 34 года купила туфли на высоком каблуке. Никогда ещё молодая женщина себя такой не ощущала. Эти наряды она надевала по самым торжественным случаям, а позже, когда в деревенском клубе стали показывать по вечерам кино, в них наряжалась в клуб. Но такие праздники в её жизни случались редко.

В тот же год Антонина отдала сына в школу. В послевоенную пору никого не удивляло, что подростки учились в младших классах. Это было нормой. Володя учился хорошо, так же, как и его мама в детстве, любил математику. В 17 лет оставил школу и устроился на работу трактористом. Очень хотел учиться дальше, но в колхозе в те годы наличные деньги за труд не получал почти никто. По количеству трудодней колхозники за свою непосильную работу могли рассчитывать только на мешок или пару мешков муки в год (по количеству ртов в семье), на комбикорм для скота. Голод, правда, отступил, но жилось в деревне трудно. Поэтому Володя пошёл на трактор.

Тоня работала на ферме. Выходных в колхозе никто не знал, праздников тоже. Эти даты числились только в календаре. Отпусков им тоже никто никогда не давал. Работали с самого раннего утра до позднего вечера. По ночам у Тони болели руки. Выдаивать по двадцать, а иногда и больше, коров, причём два, а то и три раза в день во время отёла, было так тяжело, что женщины иногда плакали от боли в руках. Деваться некуда, жаловаться некому. Тётя Клава варила обеды, Володя приходил из школы (это когда ещё учился) и управлялся по хозяйству. Антонина после каждой дойки бежала домой, чтобы постирать, убратсья в доме, помочь сыну по хозяйству, а потом снова торопилась на ферму.

А потом слегла тётя Клава. Она давно уже неважно себя чувствовала. Тоня предлагала ей лечь в районную больницу, но та ни за что не хотела лечиться.

— Просто настало моё время, и я могу уйти к своему Ванечке на покой, — сказала как-то тётя Клава, когда Тоня настойчиво хотела увезти её в больницу. — Дети, слава Богу, живы, внуки тоже. Что мне ещё надо?

Умерла она тихо, во сне. Утром Тоня, уходя на ферму, хотела узнать, как она сегодня себя чувствует, нужна ли помощь. Тело уже остыло... Это было тяжёлой утратой для Тони и её сына. Он так плакал у гроба своей бабушки, что Антонина рыдала уже больше от жалости к нему. Похоронили тётю Клаву рядом с могилой дяди Вани. Всё! Их больше нет на этом свете. На память от стариков осталась фотография, довоенная, где дядя Ваня с Володей на руках сидел рядом с тётей Клавой, а позади них стояла Тоня. Сфотографировал их заезжий фотограф. Этот снимок потом много лет висел на стене под стеклом у Антонины в спальне, она берегла его как зеницу ока. Когда выпадали свободные минутки, Тоня с сыном ходила на кладбище — подровнять дорогие могилки, прополоть траву, покрасить кресты. Возле могил росли две берёзки, низко склонив к холмикам свои ветви. Они как будто тоже оплакивали самых близких людей Тониной маленькой семьи.

“Если есть Бог, — часто думала Тоня, — пусть он подарит им царствие небесное, пусть их души будут в вечном блаженстве. Они этого заслужили сполна”.

Узнав о смерти тёти Клавы, Емельян пришёл проведать сестру.

— Давай-ка, перебирайся поближе ко мне, — посоветовал он Тоне переехать в ту деревню, где он так и жил с сыном Зефридом в семье Нейфельдов. — Сейчас дают кредиты на строительство, построим вам с сыном дом и живите.

Военное лихолетье не обошло и эти семьи стороной. Мария Нейфельд проводила своего Ивана в трудармию, где он сгинул с первых дней отъезда. Сколько потом она ни писала в разные инстанции, чтобы узнать судьбу

мужа, ничего не добила. В тяжёлые военные годы Мария и Емельян объединились, помогая друг другу в нужде.

Сын Марии женился и уехал в районный центр с семьёй, дочь закончила семилетку и устроилась работать дояркой. Однажды в начале шестидесятых годов Мария поехала в Омск за покупками и на железнодорожном вокзале столкнулась нос к носу со своим... мужем. Иван деловито тащил чемодан, рядом, с саквояжем, семенила миловидная женщина лет пятидесяти. Мария не видела своего супруга много лет, но узнала сразу. Они, видимо, ждали электричку, так как устроились в зале ожидания. Что творилось в душе брошенной женщины, какие она испытала чувства в этот миг, трудно описать. Когда она встала перед Иваном во весь свой богатырский рост (Мария была крупной женщиной) и начала хлестать его по лицу с такой силой и яростью, что, казалось, у него лопнет кожа, тот стоял навывтяжку, даже не шелохнувшись...

— Ты всегда был трусом и редким негодяем, — выдохнула она, — но я не думала, что до такой степени.

Иван молчал. Молчала и его спутница. Что они могли сказать в своё оправдание?..

Мария гордо несла голову, когда удалялась от них, но сердце рвалось из груди, и обида разрасталась в ней как снежный ком. Её как будто оплевали с головы до ног. Сколько ей потом довелось жить, она никогда больше ничего о своём муже не слышала и не знала, и знать не хотела. А он и вовсе не пытался наладить с бывшей семьёй хоть какой-то контакт. Родные дети его не интересовали.

Старший сын Емельяна Лейнард пропал без вести на фронте, оставив жену с двумя детьми. Средний Леопольд сначала призвался на фронт, а потом его отправили в трудовую армию. Он выжил, но был очень измождён, долго лечился, пока пришёл в себя. Его жена Марта гостила на Украине у родственников, когда началась война. Она в первые же дни оккупации попала в плен в Германию и там родила первенца Александра, которого Леопольд так никогда и не увидел. После войны Марта не вернулась на родину, впоследствии вышла там замуж за немца, родила троих детей. Связь с бывшим мужем она поддерживала, приглашала в гости, но в те годы съездить за границу было невозможно. Дочь Емельяна Агата совсем юной тоже прошла через трудовое лихолетье, хлебнув сполна всех "прелестей" лагерной житухи. Ни Антонина, ни Агата не знали, что их лагерь располагается рядом... Там же на Урале племянница Тони вышла замуж — тоже за трудового Александра Винтера.

Вместе с Мартой в плен попала и родная сестра Емельяна и Антонины — Елизавета. Она была одиночкой, жила на Украине. В Германии её устроили к богатой фрау служанкой, у которой она работала до тех дней, пока та не умерла. Также одинокая, она всё своё состояние завещала служанке, с которой очень подружилась. Елизавета разыскала Емельяна и долгое время переписывалась с ним, присылала посылки, фотографии. А потом замолчала, видимо, умерла.

На строительство своего жилья собственными силами колхозы в те годы шли охотно и помогали не только ссудой, но и строительным материалом, поэтому здесь больших проблем не возникало. Емельян с Зефридом взялись за постройку дома. Володя жил в это время у дяди Емельяна, помогая строить дом. По-прежнему работал трактористом. Тоня оставила

старый дом Комариных на попечение их дочери и уехала следом за сыном в соседнюю деревню, где уже второе лето достраивалось новое жилище. Дом Марии Нейфельд, в котором обитал Емельян с семьёй, находился по соседству с Тониным. Позже они тоже построили новый. И на новом месте жительства Тоня также работала на ферме.

— Мама, я женюсь, — вдруг объявил матери Володя. Это был высокий, красивый парень, внешне похож на своего отца, только глаза тёмные, как у матери. Он был счастлив, влюблён, радовался жизни.

— Ты хорошо всё обдумал? — с тревогой спросила Антонина.

— А тебя что-то беспокоит? — удивлённо поинтересовался сын. — Неужели невеста не нравится?

Марию, невесту сына, Тоня видела в клубе, когда удавалось сходить туда и посмотреть новый фильм. Для старшего поколения это было единственным развлечением в селе. Молодёжь же устраивала танцы, организовывала концерты с песнями, инсценировками. Село строилось, молодые обзаводились семьями. Пришла пора и её сыну.

Что-то настораживало Антонину в этой девушке: высокомерие, наверное. Мария была очень красива, хорошо, по тем временам, одета, из зажиточной семьи. Многие парни пытались ухаживать за красавицей, но она, когда Володя поселился в их деревне и жил у дяди Емельяна, сразу заприметила его и при первых же встречах с ним дала понять, что он ей по нраву.

— У нас новенький! Навсегда или в гости? — обратилась Мария к Володе, когда тот вечером шёл с работы домой. Она специально подкараулила парня, чтобы обратить на себя его внимание.

— Мы с матерью из соседней деревни переезжаем сюда, — ответил Володя, — строим дом.

Он удивился. Какие здесь, оказывается, красивые девушки! В больших голубых глазах этой милой красавицы он сразу прочёл: не простое любопытство заставило её обратиться к незнакомому. Это его и удивило, и обрадовало. Неужели у такой девушки до сих пор нет кавалера?

— Приходи сегодня на танцы в клуб, — нисколько не смущаясь, пригласила его Мария.

— Хорошо. Я после танцев провожу тебя домой. Согласна?

— А думаешь, для чего бы я стала тебя приглашать, — самоуверенно ответила девушка.

— Неужели боишься, что кто-то из девушек в деревне может перейти тебе дорогу? — тоже самоуверенно поинтересовался Володя.

— Боюсь. Не я ведь одна тебя заприметила, — честно созналась Мария.

После танцев Володя с Марией не успели отойти от клуба и десяти шагов, как на новенького набросились местные кавалеры. Оттолкнув девушку, обиженные парни отдубасили нахала по всем правилам местных законов. На следующий день Володе даже пришлось отпроситься с работы, чтобы отлежаться. Но он не обижался на местных: так, в принципе, и должно быть. Позже эти ребята так же лихо отплясывали на свадьбе Володи и Марии, как и остальные гости...

Родители Марии Зарецкой тоже были переселенцами из Украины. Зарецкие потихоньку обжились на новом месте, обзавелись крепким хозяйством. Мария — младшая в семье, любимица.

Сватать невесту Тоня и Володя пошли с Емельяном и его сыном Зефридом.

— Есть у вас в доме дорогой товар, который бы мы хотели купить, не пожалев никаких денег, — весело с порога начал балагурить Зефрид, но запнулся на полуслове...

Чопорность хозяев удручала, шутки, которыми пытался сыпать Зефрид, они не воспринимали. Сватовство прошло скомканно и безрадостно. За стол гостей не пригласили. Родители всем своим видом дали понять матери и избраннику Марии, что они недовольны выбором дочери, что бедные пусть женятся на таких же. Бутовы сразу поняли это из намёков и недоброжелательности своих будущих родственников.

Но свадьба всё-таки состоялась, на этом капризно и категорично настояла Мария. Устроили её родители невесты в своём доме, где изобилие было выставлено напоказ. Тоня и её родственники чувствовали себя здесь униженно и подавленно. Когда Антонина пыталась войти в долю в затратах на свадьбу, это было резко отвергнуто, что очень обидело мать жениха. Тем более, что Антонина копила на свадьбу, и для неё это было делом чести...

— Мы не бедные, — гордо заявили родители Марии, — для нашей дочери ничего не пожалеем. Не надо нам от вас ничего...

Антонина задыхнулась от обиды. В этот дом, кроме Володи, никто из бутовских никогда больше и не заходил. Их никто и не приглашал, да и гордость не позволила бы им когда-нибудь переступить порог дома зазнавшихся людей.

Володя настоял, чтобы молодая жена переехала к нему, как и заведено испокон веков. Дом недавно достроили, просторный, чистый. Две спальни, кухня, кладовка. Есть огород, сарай. Что ещё надо? Мария пыталась отказаться, но всё-таки переехала. Тоня выделила им большую спальню, сама переселилась в маленькую, где раньше располагался Володя.

Антонине к тому времени исполнилось 47 лет, её сыну 23. Она продолжала работать дояркой, её жизнь мало чем изменилась за эти годы. Правда, с большим трудом ей удалось обзавестись кое-какой обстановкой: две кровати, патефон с пластинками, новые занавески, кое-какая посуда, кухонная утварь — это было куплено в районном центре. А вот стол, стулья, полочки для вещей и посуды её сын смастерил вместе с сыном Емельяна Зефридом. Вот, собственно, и всё богатство. Дома чисто, на стенах фотографии под стеклом, на кроватях расшитые накидушки.

Мария на новом месте сразу распорядилась по-своему. Сменила на всех окнах занавески, в спальне поставила шифоньер — подарок родителей (по тем временам ценная вещь), комод, на кухне — буфет. На столе в спальне постелила вышитую скатерть, на кухонном — нарядную клеёнку. В доме сразу всё преобразилось. За чистотой Мария следила ревностно. Она не работала, времени было достаточно. На кухню свекровь она больше не пускала, готовила сама. Когда Володя приходил с работы, жена приглашала его за стол, а Антонина ела потом. Постепенно дошло до того, что ей пришлось есть в своей спальне ту порцию еды, что приносила сноха.

Всё это было очень унизительно. Много было в жизни Антонины плохого: перенесла и голод и холод, каторжный труд, болезни. От всех невзгод у неё стал расти на спине горб. Измученную лишениями женщину постепенно

скручивал злейший остеохондроз, обозначаясь на спине жутким холмом, от чего она выпрямиться во весь рост не могла. Боли в спине не давали спать. Боли в руках — тоже. Болели ноги, падало зрение. Мучила застарелая язва, сердце пронизывало тупой иглой. Она мечтала о лечении, но на это не было времени. Когда Мария всё чаще стала упрекать свекровь в том, что она грязнуля, что от неё дурно пахнет, Антонина решила напроситься в больницу, чтобы хоть какое-то время побыть вне дома. Положили её сразу, как только увидели её анализы.

Сын навещал мать, приезжая в райцентр на мотоцикле (его молодым подарили на свадьбе родители Марии), привозил кое-какую еду. Он любил её, жалел, пытался примирить жену с матерью. Володя метался между ними, страдая от двойственного положения, но ничего не мог сделать. Он обожал молодую жену и не замечал её злобных выходов против матери, тем более что большую часть времени находился на работе, а при нём Мария не показывала своего скверного характера. Но он догадывался, хотел изменить положение. Увы, Мария люто невзлюбила свекровь и не хотела её видеть.

В 50 лет Антонине дали инвалидность второй группы, и она ушла с работы. Мария к тому времени родила дочь Ольгу, к которой бабушку не подпускали. Тоня даже толком не видела малышку, так как целыми днями сидела в своей комнате и никуда не смела выходить. Еду сноха просовывала ей в дверь всё реже и реже. Когда Антонина устраивала банный день или стирала бельё — это страшно раздражало молодую хозяйку. Она кричала, что старуха налила на пол воды, что она плюхается в корыте как животное, и при этом могла ругаться долго и злобно.

Тоня не выдержала такого к себе отношения и напросилась на житьё к брату Емельяну. Но хозяйке дома Марии Нейфельд тоже не понравилось, что Антонина расположилась у них. Так случилось, что в эти дни в гости к Емельяну приехала его дочь Агата с семьёй, жившая в Казахстане. Агата, узнав о бедственном положении любимой тёти, пригласила Антонину к себе.

— Живите и ни о чём больше не беспокойтесь, — сказала ей племянница, — у нас большой дом, места всем хватит.

Тоня с небольшим узелком уехала в Казахстан. С сыном она даже не попрощалась. Попросила Емельяна передать ему, что уехала.

Она бы, может, никогда больше не переступила порог своего дома, но пенсию ей платили здесь, и поэтому Тоня время от времени должна была приезжать, чтобы получить деньги. Мария с ней не разговаривала, не замечала. Она родила троих детей, не работала, занималась домашним хозяйством. В доме идеальная чистота, дети ухожены, с мужем лад и покой. Конечно, Антонина могла заявить свои права, всё-таки она хозяйка дома, но не хотела мешать семейному счастью сына. Поэтому изгнанница приезжала на несколько дней и снова уезжала.

У Агаты ей жилось спокойно и сытно. В этой семье никогда не было раздоров. Если иногда и случались между супругами недомолвки, на суд окружающих это не выносилось. Антонина была ухожена, дети относились к ней как к своей бабушке. Она вязала им носки, рукавицы, шарфики. Чем могла помогала по хозяйству, хотя Агата не позволяла ей работать. Но почистить картошку, просеять молоко, взбить масло — это ей было вполне под силу. Агата, кроме хозяйства, целыми днями шила на заказ платья, костюмы, пальто. Времени у неё всегда было очень мало, но многое по дому делали дети. Муж Агаты учительствовал и большую часть времени проводил в

школе, но хозяйство старался не запускать. Он был мастером на все руки. Столярничал, плотничал, был прекрасным музыкантом. Всё в доме сделано его руками, красиво и добротно. Культурный, интеллигентный — он снискал уважение всех, кто его знал. К Антонине относился ровно, уважительно, помогал ей оформлять нужные документы, когда это требовалось.

Когда она стала получать пенсии побольше, то иногда ездила в гости к своим братьям и сёстрам, жившим в Омске, Новосибирске, Томске (их разыскал Емельян уже после войны). Делала она это специально, чтобы никому особо не надоесть, как считала, хотя Агата говорила, чтобы тётя жила себе спокойно в её доме и считала его своим.

Антонина устала жить вне своего дома, она всегда чувствовала себя неловко от того, что обитает у своих родственников. Тоня хотела к сыну, хотела нянчить его детей, радоваться успехам своих внуков, но толком их даже не видела. Они выросли без неё. Дожив до старости, бедная женщина так никогда и не познала чувства радости, никогда не жила с лёгким сердцем. За всю жизнь Бог подарил ей всего пару счастливых лет с любимым, да и то омрачённых лишениями. Она часто думала: за что на её долю выпали такие тяжёлые испытания, почему судьба всегда показывает ей изнанку своей стороны — без участия и сострадания?

Болезни измучили Антонину, горб сильно пригнул её к земле. Однажды она приехала к сыну ненадолго и слегла. Старшая Володина дочь Ольга уже была замужем и жила отдельно от родителей. Узнав о состоянии бабушки, она пришла к отцу с матерью и забрала её к себе. Ольга помнила с детства, что её мать плохо обращалась со своей свекровью, а когда стала старше, то осуждала её за это. Однажды, когда Марии не было дома, Антонина в очередной свой приезд к ним разговорилась с уже повзрослевшей Ольгой и рассказала о своей тяжёлой жизни. Внучка ужаснулась, узнав, сколько пришлось пережить её бабушке. Ольга выросла в послевоенные годы, когда в стране уже не было таких лишений.

Ольга ухаживала за бабушкой как могла, но Антонине становилось всё хуже. Боли одолевали, но она мужественно терпела. Фельдшер, пришедшая к больной по вызову Ольги, в прихожей надела белый халат, а бредившей Антонине показалось, что это ангел в белом одеянии.

— Папа, — тихо спросила Тоня, — почему люди, которые лечат, в белых платьях, они — ангелы?

— Да, это ангелы в белом, они ждут тебя, доченька, — ответил ей отец. — Ты скоро попадёшь на небо, тебя окружают белые облака, тебе будет хорошо, покойно и светло.

— Знаешь, Оля, — приходя в себя, уже чётко произнесла Антонина, — у меня никогда не было белого платья. Но на небе я вечно буду в белом.

В пустоте всё становится таким восхитительно лёгким. Плечи, руки, столько лет тяготившие своей усталостью, теперь утратили вес, весь мир стал вдруг лёгким, воздушным, освобождённым от камней и глыб. Вся тяжесть жизни падает куда-то вниз, а тело устремляется в высоту, радуя своей невесомостью.

г. Павлодар.

Владимир ГУНДАРЕВ

Земля обетованная... в отеческих пределах

Недавно впервые побывав в Карабалыкском районе Костанайской области, я был поражён и очарован увиденным в райцентре, поскольку ещё далеко не везде на родных казахстанских просторах благодатные перемены последних лет, вызванные ростом потенциала, успешным социально-экономическим развитием страны, получают такое основательное, яркое, впечатляющее и гармоничное воплощение, как это наглядно и весомо демонстрирует Карабалык.

И тут нельзя не вспомнить о прошедшей 12 октября 2007 года в Астане с участием Президента Н. Назарбаева представительной международной конференции, посвящённой 10-летию Стратегии “Казахстан-2030”, на которой были подведены промежуточные итоги реализации этого важного программного документа, обеспечившего прорыв нашей республики в число наиболее активно развивающихся стран мира и обсуждены перспективы дальнейшего продвижения вперёд к намеченным целям.

Десять лет назад в самый сложный переходный период глубоких кризисных тенденций как внутри страны, так и в мировой экономике, разработанным стратегическим планом действий была поставлена дерзкая и амбициозная задача стать успешным, современным и динамично развивающимся государством, занять лидирующие позиции на постсоветском пространстве.

Выступая на этой конференции, Нурсултан Абишевич, говоря о результатах сделанного, подчеркнул:

“В эти десять лет на основе Стратегии мы смогли сделать качественный прорыв в своём развитии. Сделали тот объём работ, на который у многих стран ушло не одно десятилетие.

Сегодня мы можем с полным основанием заявить, что Стратегия “Казахстан-2030” полностью подтвердила свою жизнеспособность и эффективность. Она бесповоротно изменила парадигму нашего развития — от модели выживания к модели опережающего развития”.

Так вот, убедительной иллюстрацией этого вывода, неуклонного подъёма социально ориентированной экономики и улучшения качества жизни, благосостояния соотечественников с полным на то правом может, на мой взгляд, служить Карабалыкский район и прежде всего его центр.

Певец родного края

Поездкой же туда, оставившей в моей памяти неизгладимые впечатления, я обязан своему давнему приятелю, известному столичному живописцу, заслуженному деятелю РК, академику Академии художеств Казахстана Марату Туксайтову — уроженцу Карабалыкского района.

Предыстория такова.

Весной 2006 года по приглашению Марата Тулегеновича я побывал на его очередной персональной выставке в музее современного искусства Астаны. И там впервые познакомился с его родным краем — талантливо запечатлённым на полотнах “Осень”, “Тёплый день”, “Середина лета”, “На

Южном Урале”, “Стога”. От этих и других пейзажей, насыщенных мягким светом, прогретым воздухом и звенящей тишиной, веяло умиротворённым спокойствием и вместе с тем сдержанным ликованием, сердечной взволнованностью, искренней сыновней любовью к отчей стороне. “Так и тянет своими глазами увидеть эту красоту, которую вы так мастерски и поэтично изобразили”, — сказал я тогда художнику. “Пожалуйста, приглашаю, в любой момент, как решитесь на это”, — ответил он.

А в конце октября прошлого года мы оказались с ним за одним столом на юбилейном торжестве нашего общего друга. “Так когда поедem на мою родину? — поинтересовался Марат Тулегенович. — Уверю вас, не пожалеете”. И в таких ярких красках — уже как художник слова — эмоционально, с подробностями расписал свой Карабалыкский район. Что в райцентре за последние 5-6 лет произошли потрясающие изменения. И если раньше посёлок утопал в грязи, а ночью — в кромешном мраке, находился в таком запустении, что это производило гнетущее впечатление безысходности и полнейшего развала, то теперь картина совершенно иная, посёлок преобразился, стал как игрушка. В общем, не Карабалык, а чуть ли не земля обетованная... И так восторженно говорил, что я загорелся. Хотя и допускал, что художник, может, и приукрашивает, согласно пословице о кулике, хвалящем своё болото.

Однако осуществить поездку по разным причинам нам удалось только в морозные дни последней декады минувшего января.

Поездом поутру мы приехали в Костанай. На вокзале нас встретил Султанбек Айдаркулов. Киргиз по национальности, филолог по образованию, большой любитель и знаток литературы. Он уже много лет живёт у нас в республике, женат на близкой родственнице Марата Туксайтова, занимается предпринимательской деятельностью — в основном поставкой медицинского оборудования из России. Как свои пять пальцев знает и Карабалыкский район. Под его водительством мы и отправились по отличной автотрассе Костанай — Челябинск на крайний северо-запад Костанайщины, откуда до известного российского города Троицка всего несколько десятков километров.

Визитная карточка страны

Нет, художник не приукрасил! Ещё издали панорама посёлка, привольно раскинувшегося на белоснежном полотне противоположного возвышенного берега речки Тогузак, привлекала внимание весёлым и нарядным видом чётко прочерченных улиц с непременными палисадниками возле опрятных домов, аллеями хвойных и лиственных деревьев. Если уж зимой эта картина мгновенно создавала жизнерадостное, приподнятое настроение, то можно себе представить, какая благодать здесь весенне-летне-осенней порой — настоящий оазис в окрестной степи, перемежающейся островками берёзовых рощ и множеством озёр.

Опекал нас в Карабалыке заместитель акима района Муратхан Исенбаев. Вместе с ним и начальником районного отдела образования Камилем Ибрагимовым мы и осмотрели интересовавшие нас местные достопримечательности.

Что поражает в облике райцентра в первую очередь, так это обилие не примитивных, а вполне современных и ладных объектов сферы обслуживания — всевозможных магазинов, кафе, ресторанов, гостиниц, салонов, ателье, парикмахерских, различных развлекательных заведений. И все эти помещения — большие — выглядят, как бы точнее выразиться, — молодцевато, радуют глаз и внешним красочным оформлением, и внутренним убранством.

По их количеству на душу населения райцентр может соперничать если и не с Парижем, то с крупным городом — точно. А не перебор ли это для посёлка, в котором всего десять тысяч жителей? Оказывается, нет. Все эти заведения востребованы, никогда не пустуют. Гордость Карабалыка — открытый четыре года назад торгово-развлекательный центр с причудливым названием “Статуслэнд”, под просторной крышей которого уютно разместились DVD-кинотеатр, кафе-бар, танцевальный зал, гостиница, сауна, бильярдная, парикмахерская, свадебный салон, мини-рынок, цветочный киоск, магазины продуктов, подарков и сувениров, детских игрушек, канцелярских товаров, газет и журналов.

Большой популярностью у населения пользуется обновившийся после реконструкции 2005 года ресторан “100 %” — или “Стольник”, как его называют в народе. Здесь по традиции отмечаются юбилеи заслуженных людей и играют свадьбы со всего района. Кстати, “Стольник” — единственный ресторан в округе, где звучит “живая” музыка, между прочим, талант выступающего здесь скрипача Павла Шевчука по достоинству оценил побывавший в Карабалыке выдающийся скрипач Владимир Шехтман.

Однако всего этого мало! Ведь услугами разветвлённой торговой сети, в состав которой входит, в частности, и крупный универсальный магазин “Стамбул” (с лучшим в регионе ассортиментом товаров из Турции), комплекса заведений сферы сервиса пользуются не только жители райцентра и окрестных сёл, но и гости, постоянно приезжающие сюда из районов сопредельной Челябинской области России, из других стран не только ближнего, но и дальнего зарубежья. А что пользуется спросом, то и получает развитие.

Скоро в Карабалыке появится уникальное по архитектуре и дизайну трёхэтажное здание под условным названием “Айсберг”, сооружение которого ведётся полным ходом. Общая площадь будущего общественно-торгово-развлекательного комплекса в два с лишним раза превысит площадь довольно обширного “Статуслэнда”. В цокольном этаже разместятся две сауны, душевые, просторная бильярдная, на втором этаже — два кафе — с европейской и восточной кухней, крупный супермаркет. Возможно, здесь же будут салоны — мебельный и сложной бытовой техники. А третий этаж займут офисы всех структурных подразделений многопрофильной фирмы “Статус”, владельцем и создателем которой является талантливый предприниматель Марат Айтказин (речь о нём впереди).

О чём всё это говорит? Да о том, что малый и средний бизнес в районе развивается успешно.

Амбициозные — в хорошем смысле этого слова, творчески восприимчивые и деятельные люди живут в Карабалыке.

Именно благодаря этим качествам и появился в прошлом году в райцентре свой Арбат протяжённостью, как уточнил аким посёлка Сергей Левицкий, 420 метров. Великолепно обустроенный

и толково, со вкусом оборудованный Центральный бульвар — с цветниками, фонтанами, аллеями могучих деревьев — сразу же стал излюбленным местом отдыха не только карабалыкчан, но и жителей российского Троицка, охотно приезжающих сюда, чтобы провести свободное время. И нельзя было не дивоваться (специально употребляю это устаревшее, но такое самородное слово из лексикона незабвенного баснописца И. А. Крылова) местному Арбату — подлинному творению садово-паркового искусства, так удачно вписавшемуся в облик райцентра, придавшему ему новые колоритные черты и сохраняющему неповторимое очарование даже скупой на краски зимой.

Между прочим, тротуарная плитка, уложенная на бульваре, собственного производства. Предприимчивые умельцы отыскивали залежи подходящей для этой цели глины, организовали её добычу, быстро наладили выпуск плитки, излишки которой поставляют тем же соседям-россиянам.

С одной стороны карабалыкский Арбат соединяется с большим парком, перед которым находится “переселённый” сюда с центральной площади памятник из нержавеющей стали вождю мирового пролетариата (кстати, работы известного российского скульптора В. П. Щербакова), являющийся настоящим произведением монументального искусства. И по-прежнему одна из главных улиц посёлка носит имя Ленина, что свидетельствует об уважительном отношении к истории.

Память о прошлом бережно запечатлена в монументах, установленных в разных местах Карабалыка. Это обелиск в честь павших героев Великой Отечественной войны на площади Мира, памятник первопроходцам целины у въезда в райцентр, “Первый целинный трактор”, перемещённый в 2005 г. из села Бурли на Молодёжный бульвар, монумент жертвам политических репрессий на том же бульваре, памятник воинам-интернационалистам, погибшим в Афганистане. А на центральной площади перед зданием районного акимата запечатлён в бронзе уроженец здешних мест, первый казахский журналист, видный писатель, просветитель и общественный деятель Мухамеджан Сералин. Данная работа выполнена известным скульптором Баян Баталовой.

Сегодняшний Карабалык разительно отличается от того, каким он был ещё в начале наступившего века — унылым, запущенным, неприглядным, а ныне по всему чувствуется, что благоустройству, озеленению, наведению чистоты и порядка здесь уделяется большое и постоянное внимание, и по ночам райцентр не погружается во мрак, как было прежде, а ярко освещён, весело и приветливо сияет разноцветьем огней.

Эти и другие характерные штрихи и приметы убеждают в том, что посёлок зримо преобразуется, хорошеет, становится привлекательным.

“Иначе и не может быть, — объясняет заместитель акима района Муратхан Исенбаев. — Понимаете, ведь Карабалык — это не просто один из сотен райцентров. Он стоит практически на границе с Россией, по существу ворота Казахстана, своеобразная визитная карточка нашей страны. И по внешнему виду посёлка наши соседи судят о том, какие перемены происходят в Казахстане, каковы реальные результаты проведённых экономических реформ. И мы теперь имеем возможность, силы и средства для того, чтобы создавать привлекательный имидж родной республики на примере нашего района. Для нас это большая честь и ответственность”.

Стар и млад — заботе рад

Внешнее убранство — это, конечно, важный элемент. Но одной “одежки” мало. Необходимо органичное слияние формы и содержания. Как же обстоит с этим?

Известно, что об авторитете и дееспособности власти любого уровня во многом судят по её отношению к старикам и детям. Ибо старшее поколение олицетворяет прошлое, а юное — будущее. Пристальное внимание к ним, сфокусированное в настоящем, и даёт сплав конкретной философии действия на перспективу.

Сначала о детях. Ныне в райцентре три средних школы. Старейшая из них — имени М. Горького — в следующем году отметит 90-летний юбилей. За этот продолжительный период свыше пяти тысяч её питомцев получили аттестаты зрелости, достигли значительных высот в различных сферах жизнедеятельности. Сейчас здесь 840 учащихся. Три года назад

школьное здание было капитально обновлено, приобрело современный вид и, по словам директора Коркем Айтпаевой, представляет собой настоящий дворец детства.

Вторая средняя школа носит имя Абая. Открыта в 1975 году. На её счету 1800 выпускников, 38 из них стали обладателями золотых медалей. В данное время в ней более семисот учащихся.

А первого сентября прошлого года к этим учебным заведениям добавилась средняя школа имени Мухамеджана Сералина с обучением на государственном языке. Причём учатся здесь не только дети казахов, но и представители других национальностей. Мы побывали в этой школе, разместившейся в бывшем лабораторном корпусе Казахстанского агротехнического колледжа — капитально отремонтированном, оснащённом всем необходимым, и

убедились, что здесь созданы прекрасные условия для полноценной учёбы. Пока в школе двести учащихся, а в перспективе будет пятьсот. Молодой директор школы Аскар Бисенов с видимым удовольствием показывал владения: просторные учебные классы, профильные кабинеты, огромный актовый зал, продемонстрировал компьютерный класс, при этом уточнил: “Его нам подарил аким области Сергей Витальевич Кулагин”.

Есть в новой школе и своеобразный филиал детского сада — так называемый мини-центр для дошколят. Эти обширные комнаты соответствующим образом оформлены, обставлены и оборудованы, а игрушки здесь соседствуют с книжками. Начальник районного отдела образования Камиль Ибрагимов пояснил: “К сожалению, у нас в райцентре действует пока один детский сад — “Улыбка”. В нём 190 детей. А ещё около двухсот ребятшек определить в детсад мы, увы, не можем. И чтобы как-то решить эту острую проблему, открыли в трёх средних школах Карабалыка и в сельских округах мини-центры для детей с двух до шести лет. Здесь малыши проводят время до обеда, играют, получают под руководством воспитателей соответствующую дошкольную подготовку. Дело в том, что в девяностые годы в процессе “оптимизации” и приватизации здания, в которых размещались типовые детские сады, перешли в частную собственность. Теперь мы бы их выкупили, но их владельцы наотрез отказываются возвращать эти помещения. И создание таких мини-центров в учебных заведениях — хоть какой-то приемлемый выход в сложившейся ситуации”.

А вот мальчишкам и девочкам школьного возраста, проявившим особую склонность к наукам, к каким-либо видам творчества, к спорту, повезло — для них четыре года назад был открыт центр проживания “Жас талап”, другими словами — интернат для одарённых детей, “поштучно” собранных со всего района. Кроме того, здесь обитают и ребята из отделённых небольших населённых пунктов, где нет средних школ. Всего в “питомнике” юных талантов 140 “постояльцев”, как сказал заведующий интернатом, а по существу глава этой большой семьи Ерлан Оразбаев.

Условия детям, отмеченным божьим даром и окружённым теплом и заботой персонала, созданы для занятий, отдыха и сна вполне приличные — не в каждом родительском доме такие: тепло, уютно, хорошее калорийное питание и т. д. Мне, во всяком случае, там понравилось.

Ещё одна примечательная особенность Карабалыка — детская школа искусств, о которой Марат Туксайтов рассказывал мне с нескрываемым восторгом, а увидев её своими глазами, я испытал те же эмоции (кстати, в ней занимаются и многие одарённые дети из “Жас талапа”).

Вначале это специфическое учебное заведение успешно действовало с 1972 года как музыкальная школа. В период затяжного экономического кризиса её чудом удалось сохранить благодаря самоотверженным усилиям небольшого коллектива во главе с Сергеем Лысоченко. К счастью, настали более благополучные времена, и в 2005 году школа искусств — получившая именно такое наименование, справила новоселье в реконструированном для неё пустовавшем здании бывшего кинотеатра “Рассвет”.

Теперь она обрела второе дыхание. И в ней 300 юных дарований получают не только музыкальное образование (по классам фортепиано, баян, аккордеон, домбра, гитара, балалайка, духовые и ударные инструменты), но и постигают азы мастерства в изобразительном искусстве и хореографии. Школа обеспечена полным набором необходимых музыкальных инструментов.

Есть даже старинная, ещё XVIII века, фисгармония с благородным органным звучанием. А что касается отделения изобразительного искусства, то оно располагает учебными пособиями — в частности, гипсовыми “античными” бюстами, привезёнными аж из Санкт-Петербурга. Выставленные на всеобщее обозрение работы юных живописцев и скульпторов и даже первые персональные выставки наиболее одарённых из них именитый земляк-художник Туксаитов рассматривал с особой заинтересованностью и страстием, но, судя по всему, остался доволен. Он уже не первый раз внимательно следит за творчеством будущих мастеров кисти и резца и радуется их первым успехам в изобразительном искусстве.

А вообще воспитанники детской школы искусств на протяжении многих лет составляют в районе ядро многих известных коллективов художественной самодеятельности, славящихся на всю область. И не только. Интерес к здешним народным талантам проявил знаменитый российский центр “Играй, гармонь”. Два дня в Карабалыке велись съёмки для телепрограммы “Играй, гармонь, звени, домбра”, показанной на первом канале “Евразия” в конце марта 2004 года.

Имеются в райцентре профессионально-техническая школа (ПТШ) и Казахстанский агротехнический колледж, расположенные в одном комплексе зданий и готовящие кадры для сельского хозяйства, потребность в которых начинает возрастать. Об этом свидетельствует тот факт, что в данных учебных заведениях сейчас 560 учащихся. Выпускники ПТШ получают дипломы электрогазосварщиков, механизаторов, мастеров-наладчиков, слесарей, поваров и продавцов, а колледжа — агрономов, технологов-организаторов сельскохозяйственного производства, бухгалтеров-экономистов. Причём почти третья часть окончивших профтехшколу продолжает обучение на очном и заочном отделениях колледжа.

Как сообщила нам директор агротехнического колледжа Галина Дмитриева, в прошлом году за счёт средств районного бюджета удалось значительно улучшить условия для обучения и проживания учащихся — восстановлены и капитально отремонтированы столовая на 200 посадочных мест и общежитие на 80 мест, в котором проживают в основном ребята из сельских округов, а часть комнат занимают не имеющие собственного жилья молодые специалисты — учителя, юристы и т. д.

И впечатление эти помещения производят отрадное, оборудованы на уровне современных стандартов, с привлекательным дизайном, чем не грех и похвалиться.

А тема развития массового спорта в районе — баскетбола, волейбола, футбола, вольной борьбы, лёгкой и тяжёлой атлетики, кикбоксинга и других

видов заслуживает отдельного разговора. Достаточно сказать, что здешняя детско-юношеская спортивная школа стала настоящей кузницей кадров участников, призёров и чемпионов многих престижных соревнований областного, республиканского и международного уровня, а стадион в Карабалыке — один из лучших на Костанайщине.

В целом всё это и есть всестороннее проявление конкретной заботы о будущем нашей страны, контуры которого вырастают на почве сегодняшних будней.

Не обделено вниманием и поддержкой и старшее поколение. С подъёмом экономики стало улучшаться и материальное положение пенсионеров, а малообеспеченные из них получают адресную помощь. Органы власти и сами работают в тесном контакте с советом ветеранов района, и предпринимателей подключили к благородному делу по оказанию постоянной поддержки пожилым людям. К сожалению, есть в районе одинокие старики, оказавшиеся никому не нужными, кроме государства. И единственным приютом для престарелых и инвалидов вот уже 16 лет является дом-интернат, расположенный в бывшем здании центральной райбольницы. Сейчас в нём 48 постояльцев в возрасте от 70 до 90 с лишним лет, а обслуживающего персонала — 40 человек. В прошлом году на содержание интерната из казны выделено 18 млн. тенге — на три миллиона больше, чем в предыдущем.

Надо сказать, что карабалыкские пенсионеры не утратили своей активности и принимают самое деятельное участие в общественной и культурной жизни, в проведении праздников, в патриотическом воспитании молодёжи, художественной самодеятельности (один хор ветеранов “Русская песня” заслуживает всяческой похвалы).

Именно по предложению райсовета ветеранов, поддержанному акимом района, установлены памятник героям-“афганцам”, монумент жертвам политических репрессий, сооружены аллея первоцелинников, аллея Славы, где увековечена память знатных земляков, фонтан Скорби на площади Победы.

В частности, ветераны четыре года назад выступили с полезной инициативой по благоустройству и озеленению Карабалыка, взяв на себя ответственность за чистоту и порядок в райцентре, закрепив пенсионеров за улицами. И во многих других добрых деяниях есть лепта пожилых граждан. Так что они не полёживают на печи, а беспокойны и неутомимы, старики по-прежнему идут в бой с несправедливостью и бездушием, безнравственностью и другими негативными явлениями — за достойную жизнь для себя и своих потомков.

История в лицах

Старшее поколение — живая история минувшего времени, история в конкретных лицах, а его деяния подробно отражены в интересных экспозициях краеведческого музея. Вообще-то его — как музей казачьего быта — основал в бывшей казачьей станице Михайловке историк по образованию Яков Дмитриевич Брегеда. Двадцать лет назад его музей получил статус этнографического отдела областного музея. Однако там он находился как бы на отшибе, к тому же в теснённых условиях, и его мало кто посещал. И в прошлом году аким района принял решение перевести этнографический отдел Брегеды в Карабалык в качестве составной части созданного районного историко-краеведческого музея, в котором также заняли

подобающее место и элементы казахского народного быта, открыты панорама “Караванные пути XVI-XVIII веков”, зал местной фауны и флоры, представлены многочисленные экспонаты, дающие наглядное представление о прошлом и настоящем родного края, собраны бесценные материалы о знаменитых земляках, которыми по праву гордится район. Ознакомив нас с обширной экспозицией, научный сотрудник нового музея Умутжан Бийсембаева подчеркнула, что теперь здесь бывает много посетителей — это и любознательные школьники, и гости райцентра, регулярно устраиваются тематические выставки, проводятся встречи с интересными людьми.

Следует отметить, что благодатная карабалыкская земля, славящаяся высокими урожаями хлеба, “произвела” на свет удивительно много и замечательных личностей. Среди них целое созвездие Героев Советского Союза и Социалистического Труда, видные политические и общественные деятели, крупные хозяйственные руководители, генералы, депутаты парламента, известные учёные, писатели, актёры. Это, к примеру, кроме упоминавшихся выше Мухамеджана Сералина и художника Марата Туксайтова, основоположники сценического искусства в Казахстане народный артист республики, лауреат Государственной премии СССР, Герой Социалистического Труда Серке Кожамкулов и народный артист республики, лауреат Государственной премии СССР Капан Бадыров, народный писатель республики, бывший сенатор Иван Щеголихин, государственный и политический деятель современного Казахстана Адильбек Джаксыбеков, доктора наук, профессора Жакен Таймагамбетов, Максут Темирбаев, Эрнст Куссуль, ведущая актриса Санкт-Петербургского академического театра имени Ленсовета, заслуженная артистка России Светлана Письмиченко и многие другие славные уроженцы района.

Духовному наполнению жизни — не только в религиозном значении этого понятия, но и в светском, общепринятом, способствуют восстановленные районный Дом культуры, возрождённые библиотеки, а также храмы для верующих. Это православная церковь преподобного Серафима Саровского, действующая с 1992 года, мусульманская мечеть, торжественно открытая в 2006 году с участием акима области С. В. Кулагина, подарившего имаму храма автомашину, так называемый Дом молитвы всех народов, принадлежащий общине евангельских христиан-баптистов, испытывавших гонения при прежней власти.

Вообще Карабалык, обладающий сильным духовным и интеллектуальным потенциалом, умеет красиво подать себя, запечатлевая минувшее в книгах, которые можно назвать своеобразными рукотворными памятниками и музейными коллекциями. Так, например, в 2004 году был выпущен капитальный научно-познавательный труд “Наш отчий край Карабалык”, подготовленный известным в области историком-архивистом Петром Чернышом, приуроченный к 50-летию освоения целины и 60-летию Великой Победы и профинансированный районным акиматом.

А в прошлом году местные талантливые энтузиасты во главе с журналистом Владимиром Максименко выпустили (уже вторым изданием) внушительную по объёму и оригинальную по содержанию книгу-визитку “Знай наших”, проиллюстрированную великолепными фотографиями Дмитрия Миронова, тем самым доказав, что здешние творческие личности не лыком шиты.

Книга содержит богатейший материал о прошлом и настоящем посёлка и района, о происходящих в последние годы позитивных переменах,

прослеживает яркие судьбы именитых земляков, тепло и задушевно повествует о тех, кто сегодня своим созидательным трудом преобразует родную землю. Кстати, некоторые сведения о Карабалыке я почерпнул из этой весьма интересной и полезной книги, которая, видимо, будет переиздаваться и впредь, пополняясь новыми материалами. Средства же на издание этой книги-визитки выделил местный предприниматель и меценат Марат Айтказин. Вот уж поистине “Знай наших”!

Если же коснуться экономики, то на её развитие ныне оказывают существенное влияние некоторые крупные производственные и коммерческие компании, включая знаменитую “Иволгу”, прочно обосновавшиеся в районе. Однако на родной почве успешно действует и местный бизнес, флагманами которого можно назвать Марата Айтказина и Геннадия Кригера. Они относительно молоды, энергичны и инициативны, отлично зарекомендовали себя ещё в дореформенную пору. А примерно 16 лет назад, обладая незаурядными способностями, рискнули пуститься в опасное и трудное плавание по бурному морю рыночной экономики. Геннадий Владимирович начинал свою коммерческую деятельность с небольшой торговли, а Марат Нургалиевич и его жена Пюльнара Сулейменовна, ставшая его надёжной помощницей и сподвижницей во всех делах, — с заурядного пимокатного цеха и крохотного магазинчика в арендованном помещении. Сейчас фирма “Максим”, которой владеет Геннадий Кригер, — многопрофильное и крепкое предприятие, дающее работу и стабильные заработки многим местным жителям, особенно молодёжи.

Что касается Марата Айтказина, то и его успехи в бизнесе оказались впечатляющими, причём по различным направлениям предпринимательской деятельности.

Его ТОО «АгроЦентр Статус» — хорошо налаженная система структурных подразделений разного профиля. Прежде всего, это широко разветвлённая торговая сеть, насчитывающая около двух десятков универсальных магазинов и заведений сферы обслуживания. Между прочим, ресторан «100 %», торгово-развлекательный центр «Статуслэнд», будущий «Айсберг» — всё это Марат Айтказин. Одной из ведущих в производственной деятельности «Статуса» стала строительная отрасль. Почти все объекты, о которых упоминалось выше: детская школа искусств, школы имени Сералина и Гурького, столовая и общежитие агротехнического колледжа, детский сад «Улыбка», мусульманская мечеть и т. д. реконструированы, капитально отремонтированы строителями фирмы Марата Айтказина. Монумент жертвам политических репрессий, памятник Мухамеджану Сералину, фонтаны на улице Мира и на местном Арбате — тоже дело их рук. Занимается «АгроЦентр Статус» (название обязывает) и выращиванием яровых культур, из года в год его нива дает приличные урожаи пшеницы. Свои у разворотливого бизнесмена и предприятия по переработке зерна, вплоть до пекарни. Так что в «Статусе» имеют высокий статус как хлебобобы, так и хлебопёки. Газификацией и освещением улиц райцентра первым начинал заниматься тоже Марат Айтказин. В общем, чего ни коснись, ко всему имеет отношение этот уважаемый в районе и по-современному мыслящий человек. Мало кто может с ним сравниться и в гуманном деле благотворительности, бескорыстной поддержки нуждающихся. Марат Нургалиевич не жалеет средств на оказание помощи ветеранам войны и труда, детям, спортсменам, верующим.

Такие люди, как Айтказин и Кригер (а Геннадий Владимирович тоже из тех, кто щедро творит благо), — опора независимого Казахстана, достойные наследники славных традиций старшего поколения созидателей, творцы современной истории нашей страны.

От «лирики» — к магии цифр

Те черты обновления, что сегодня определяют облик Карабалыка, стали возможными благодаря значительному укреплению экономического потенциала района, на что существенное влияние оказала прежде всего трёхлетка государственной поддержки аула, поскольку сельскохозяйственное производство является здесь преобладающим.

Заместитель акима района Муратхан Исенбаев любезно снабдил меня обстоятельными цифровыми выкладками, которые легли в основу проходящих отчётов акимата перед населением о результатах проведённой работы в минувшем году, и сам их прокомментировал.

Положительные сдвиги в развитии района начались в 2002 году с аграрного сектора. Посевные площади со 180 тысяч гектаров увеличились до 223 тыс. За этот период возросла урожайность сельскохозяйственных культур. В 2006 году, например, она достигла наивысшей отметки за всю историю существования района — 21,5 центнера зерна с гектара (кстати, это самый высокий показатель среди районов области и второй в республике), в прошлом году на круг получено по 17 центнеров. Благодаря высоким закупочным ценам на зерно местные агроформирования укрепили своё финансово-экономическое состояние, реализовав по достойным ценам выращенный хлеб, полностью рассчитались с тружениками по заработной плате, погасили имеющуюся кредиторскую задолженность и большие средства направили на развитие материальной базы — приобретение тракторов, другой

сельхозтехники. “Особенность нашего района в том, что у нас работают крупные зерновые компании, которые сейчас полным ходом ведут подготовку к посевной, закупают новые современные посевные комплексы, высокопроизводительные зерноуборочные комбайны, — пояснил Муратхан Айсенович. — Улучшение финансового состояния положительно отразилось и на повышении налогооблагаемой базы района. Так, если в 2003 г. доходная часть бюджета составляла 300 млн. тенге, то в минувшем она превысила 400 млн. Это позволило увеличить вложения в развитие и восстановление объектов социальной сферы. К примеру, в 2005-2006 годах проведён капитальный ремонт в шести школах района — на эти цели израсходовано 45 млн. бюджетных и 28 млн. привлечённых средств, закончена реконструкция ранее бездействовавшего кинотеатра “Рассвет” под детскую школу искусств, детского сада “Улыбка” — на что затрачено соответственно 12 и 9 млн. тенге. В прошлом году на капитальный и текущий ремонт школ было направлено 93 млн. тенге, в том числе 60 млн. составили средства хозяйствующих субъектов, то есть спонсорская помощь. В Карабалыке вы видели новую среднюю школу с казахским языком обучения, восстановленные и открытые столовую и общежитие агротехнического колледжа — всё это результат укрепления экономики. Кроме того, сделан капитальный ремонт Приреченской и Боскольской средних школ, ремонт трёх котельных в учебных заведениях. Из 16 средних школ осталось отремонтировать только две.

Многое делается и в сфере культуры, — продолжал Муратхан Исенбаев. — И не только в райцентре, но и во всех 14 сельских округах. В прошлом году мы восстановили два Дома культуры и два клуба, в позапрошлом — четыре объекта культуры. То есть то, что в переходный период бездействовало, сейчас возрождается. У нас отремонтированы все объекты здравоохранения — как в Карабалыке, так и в сельских округах — 11 врачебных амбулаторий и 42 медпункта; центральная райбольница со стационаром на 80 коек, поликлиника на 250 посещений (сюда вложено 35 млн. тенге). В прошлом году за счёт средств бюджета приобретено современного медицинского оборудования на сумму 25 млн. тенге. Укрепление материально-технической базы здравоохранения оказало влияние на повышение уровня выявляемости заболеваний, их своевременной профилактики, снижения количества больных тяжёлой формой туберкулёза”.

Большое внимание уделяется коммунальной сфере, особенно газификации, благо что по территории района проходит магистральный газопровод “Бухара — Урал”. В прошлом году на строительство наружного газопровода в посёлке Карабалык израсходовано 62 млн. тенге, к газовой сети подключено 14 улиц (380 абонентов). Нынче эта работа будет продолжена. На эти цели выделено 107 млн. тенге. Планируется подключить к газовой трубе 12 улиц райцентра, дом-интернат для престарелых и инвалидов, райбольницу, а также посёлок Научный, где располагается знаменитая Карабалыкская опытная сельскохозяйственная станция.

В минувшем году по району введено 2670 кв. метров индивидуального жилья. Это, конечно, маловато, но уже больше, чем в предыдущем году. Стало быть, тенденция развития индивидуального строительства налицо. В районе взят курс на приведение в надлежащий вид брошенных зданий (а такие есть и в райцентре, и в сёлах) и передаче их в коммунальную собственность с последующим распределением нуждающимся семьям.

Население в посёлке увеличивается — и это хорошо. Однако уже ощущается дефицит жилья, особенно для молодёжи. Поэтому районные власти и решили: предоставить жильё в пустующих многоквартирных

домах молодым семьям. У них нет больших средств на приобретение готовых квартир, а вот на то, чтобы жильё восстановить, отремонтировать своими силами, денег потребуется значительно меньше, обойдётся такое жильё гораздо дешевле. Что ж, вариант вполне приемлемый.

Многое делается по благоустройству и озеленению не только в райцентре, но и во всех населённых пунктах, а также по установке уличных световых приборов. Сейчас в Карабалыке, например, 1240 уличных фонарей, тогда как всего 4 года назад их было 150-200. В течение нынешнего года и следующего намечено полностью осветить райцентр — установить ещё 330 светильников. К установке уличного освещения приступили и на центральных усадьбах сельских округов.

В этом году (видимо, в августе или после хлебоуборки) Карабалыкский район (с 1962 по 1997 года он именовался Комсомольским) будет отмечать 80-летний юбилей. “Да, мы готовимся новыми достижениями отметить эту важную дату, — подтвердил мой собеседник Муратхан Исенбаев. — В феврале на сессии районного маслихата будут утверждены планы социально-экономического развития всех сельских округов. Нам предстоит выполнить большой объём работ в аграрном секторе экономики, продолжить ремонт и восстановление объектов в сфере образования, культуры, в том числе сельских клубов, вплотную заняться приведением в порядок автомобильных дорог, связывающих Карабалык с населёнными пунктами района и давно не видевших ремонта. Кстати, на эти цели будет направлено 70 млн. тенге. В общем, юбилей мы готовимся встретить достойными результатами в дальнейших преобразованиях”.

О яркой личности — без околичности

Надо признаться, что в Карабалыкском районе мы оказались не совсем ко времени. Дело в том, что примерно за десять дней до нашего приезда здесь сменилось руководство — прежний глава администрации Гауез Нурмухамбетов был назначен акимом города Костаная, то есть пошёл на повышение, а сюда был переведён Фёдор Филиппов, до этого возглавлявший Аулиекольский район. Приступив к обязанностям, он объезжал все сельские округа, встречаясь с населением. Так что увидеться ни с тем ни с другим не удалось. Невольно подумалось: как много значит то, когда нужный человек оказывается в нужное время в нужном месте. Все положительные перемены, что произошли в районе за последние годы, люди напрямую связывают с кипучей и плодотворной деятельностью Гауеза Торсановича.

Впечатляет его биография. В своё время он окончил Рязанское высшее военно-десантное училище, молодым офицером участвовал в боях в Афганистане. Демобилизовавшись из армии, окончил агрономический факультет сельскохозяйственного института (впоследствии получил и юридическое образование). Муратхан Исенбаев рассказал, что трудится под его руководством вот уже 12 лет — с 1996 года, когда он работал гл. бухгалтером ТОО “Боскольский” Карабалыкского района, а Нурмухамбетов прибыл туда в качестве нового директора этого хозяйства. Через два года проявившего свои исключительные организаторские способности Гауеза Торсановича поставили акимом Тарановского района. Нурмухамбетов взял Исенбаева в свою команду — заместителем по экономике. Там они проработали в одной упряжке пять лет. За этот период в районе произошли значительные перемены в развитии экономики, социальной сферы,

инфраструктуры, строительства. А с осени 2002 года продолжили совместную работу снова в родном карабалыкском краю.

Чего греха таить, порой бывает и так, что работает какое-то время районный аким — а эта фигура у всех на виду, потом его заменяют, а доброй памяти о нём в народе не остаётся: или ничем особенным себя не проявил, ничего путного не сделал, или же в административном зуде наломал таких дров, что люди вздыхают с облегчением, когда такого, не в меру ретивого, но бестолкового начальника в конце концов убирают.

А вот в Гауезе Нурмухамбетове люди увидели ту неординарную личность, которая стала катализатором всех значительных дел и начинаний, опытного и умелого руководителя, пекущегося не о собственном благе, а об улучшении жизни своих земляков. И тот вклад, что он внёс в развитие экономики и социальной сферы района за пять с небольшим лет, поистине неоценим. Есть английская, не лишённая парадоксальности, мудрость: «Главное средство достижения цели — существование препятствий». Чего-чего, а препятствий и преград было на пути немало, но энергичный Нурмухамбетов, думая о перспективе, сумел сплотить свою команду, увлечь людей, направить их совместные усилия на достижение весомых результатов.

Вот как характеризует Гауеза Торсановича Муратхан Исенбаев: «Прежде всего, это человек самокритичный, самодисциплинированный. Как он относится требовательно к себе, так и к остальным, в первую очередь к подчинённым. Волевой, целенаправленный, он умеет смотреть далеко вперёд, видеть конечный результат. Своим примером он поднимал всех на большие дела, своей неистощимой энергией заряжал остальных. Несмотря ни на какие трудности, начатое дело всегда доводил до конца, умудрялся изыскивать на благородные начинания средства, а то и вовсе обходиться без них, используя, так сказать, человеческие резервы. Работать рядом с ним, — признаётся Муратхан Айсенович, — было, конечно, нелегко, но в то же время очень интересно. Его целеустремлённость не может не импонировать. В частности, среди других первоочередных задач он большое внимание уделил наведению порядка в районе, благоустройству и озеленению не только райцентра, но и всех населённых пунктов. Но первым делом, разумеется, Карабалыка, поскольку, как сказал он, это лицо района, оно должно быть красивым и привлекательным. И с самого начала у нас вошло в практику проведение два раза в неделю субботников — это обычно четверг и пятница. Каждый раз после обеда в посёлке начинает громко звучать мажорная музыка — и все жители, все труженики, госслужащие, работники бюджетных учреждений, предприятий и организаций всех форм собственности во главе с руководителями как в райцентре, так и в сельских округах выходят наводить чистоту и порядок. И личный пример в это показывает сам аким. У всех трудовых коллективов есть закреплённые за ними участки, в том числе и у районного акимата. Благодаря таким субботникам в прошлом году, например, без привлечения каких-либо бюджетных и спонсорских средств, руками наших жителей восстановлен центральный сквер, в предыдущие годы — восстановлены парк культуры и отдыха, спортивный парк возле механического завода, оборудованы спортивные сооружения.

Кроме того, по инициативе акима в прошлом году проведена реконструкция центрального бульвара — нашего Арбата, где уложено шесть тысяч кв. метров брусчатки, установлено множество светильников. На это было затрачено 8 млн. бюджетных и 6 млн. спонсорских средств.

Проведение газификации — это тоже идея Гауеза Торсановича, получившая реальное воплощение. А ещё он замыслил восстановить в райцентре

систему канализации, которая в советское время в посёлке была, а в переходный период практически была уничтожена. Он сумел убедить областное руководство в необходимости проведения этой важной работы, и на этот год нам выделили на изготовление проектно-сметной документации для канализации 20 млн. тенге.

В общем, то, что сделано за последние годы, — это на виду, люди прекрасно это видят и по достоинству оценивают реальный вклад Гауеза Торсановича. Это не только моё мнение как чиновника, так считают и жители района. И сейчас на сельских сходах, которые мы проводим, они искренне жалеют о том, что такого деятельного акима, с которым по-настоящему сроднились, от нас забрали.

Однако, как говорится, всё течёт, всё изменяется. А большому кораблю — большое плавание. Откровенно сказать, Гауез Торсанович уже перерос масштабы района, ему у нас уже тесновато было, ему по плечу более значительные объёмы работы. Думаем, что в должности акима областного центра он успешно реализует свой потенциал”.

Теперь население района выражает надежду, что новый аким продолжит дело своего предшественника по дальнейшему укреплению экономики и повышению социального благополучия людей.

Предпосылки к этому есть. Фёдор Ильич Филиппов (татарин по национальности) — местный уроженец. Кандидат сельскохозяйственных наук. Ему 50 лет. В 1979 году окончил Троицкий зооветеринарный институт, после чего был ветврачом в совхозе “Боскольский”. Потом восемь лет находился в этом же районе на партийной работе. А в сложнейший период затяжного экономического кризиса — с 1992 по 1998 год — возглавлял одно из самых крупных хозяйств района — бывший совхоз “Станционный”, преобразованный в производственный кооператив. В то время как вокруг всё рушилось, распалось, банкротировалось, “Станционный” оставался островком благополучия и стабильности в мире хаоса и развала. Фёдор Филиппов сумел сохранить это хозяйство и кадры — а это 400 рабочих мест, на основе высокой культуры земледелия поднять урожайность зерновых, одним словом, сделать всё возможное, чтобы “Станционный” был крепким агроформированием. В 1998 году Фёдора Ильича назначили первым заместителем акима Карабалыкского района, а с апреля 2000 года он почти восемь лет успешно руководил Аулиекольским районом. Теперь вот вернулся в родные места, где его хорошо знают и помнят по прежней работе.

В общем, можно надеяться, что эстафета в надёжных руках.

Проблемы и перспективы

Конечно, есть в районе и проблемы, требующие своего решения. И острейшая из них — Тогузакский механический завод, расположенный на территории райцентра. Предприятие было эвакуировано сюда в начальный период Великой Отечественной из подмосковного города Егорьевска. На новом месте выпускало продукцию для фронта. Впоследствии завод специализировался на ремонте автомобильных и тракторных двигателей, выпуске в широком ассортименте запасных частей, а также на производстве буровых установок, нефтяных двигателей, дизельных электростанций, отопительных котлов и другой нужной продукции. К сожалению, сейчас некогда знаменитого механического завода по существу нет. На его

базе создано ТОО “ТМЗ-2030”, начавшее выпуск запчастей к сельхозмашинам, однако говорить о полном возрождении предприятия пока рано. Чтобы этого добиться, усилий района, да и области, явно недостаточно. Решить проблему можно только на республиканском уровне.

Не во власти местной власти и такое обстоятельство: незначительный участок Южно-Уральской железной дороги МПС России пролегает по территории Карабалыкского района. На этом отрезке пути несколько небольших станций. Однако пассажирские поезда и электрички, следующие со стороны Оренбурга в Челябинск, останавливаясь на них, пассажиров с казахстанскими паспортами в последние годы не берут — таково распоряжение свыше. Это создаёт неудобства для жителей населённых пунктов района, расположенных возле границы с Россией. Вроде бы вопрос выведенного яйца не стоит, но уладить его, убрать бюрократические препоны людям во благо возможно лишь на межгосударственном уровне.

Руководство района видит настоятельную необходимость и в продолжении работы по дальнейшему возрождению, преобразению, благоустройству сёл и аулов, так сказать, по образу и подобию Карабалыка. И хотя в реализации этой программы уже многое достигнуто, но и сделать предстоит ещё немало. В чём я убедился, когда вечером мы наконец-то приехали в посёлок Новотроицк, откуда родом художник Марат Туксайтов.

Он и радовался встрече с отчей землёй, хотя и бывает здесь часто, и сокрушался: “Вообще-то эти места надо видеть летом. Природа тут удивительная. Представляете, внутри села целых три озера и вокруг него ещё пять. Благодать для рыбаков. Село старинное, основано российскими и украинскими переселенцами, в недавнюю пору славилось своей основательностью, зажиточностью, пригожестью, добротными домами, была приличная участковая больница, имелись все объекты социально-культурной сферы, прекрасную типовую школу отгрохали. Жизнь кипела. Население росло. А в девяностые годы и сюда пришёл спад. Многие жители поразъехались, беспризорные дома пустуют, разрушаются, больницу закрыли. Хорошо что теперь оборудовали — уже в другом помещении — вполне сносную врачебную амбулаторию. Средняя школа, правда, сохранилась, но количество учащихся в ней уменьшилось в несколько раз. Жалко и обидно было видеть такое большое прежде село в запустении. Утешает то, что сейчас понемногу жизнь здесь налаживается, улучшается”.

В Новотроицке мы сначала навестили его лучшего друга детства и одноклассника Виктора Фёдоровича Рыба-Рака, заранее предупреждённого о нашем приезде. За чаепитием мне рассказали следующую забавную историю.

Жена его друга Нина Михайловна до замужества носила родительскую фамилию Покин-Соха, над чем местные остроловы подшучивали. И матери Нины очень хотелось, чтобы дочь, выйдя замуж, сменила фамилию на более благозвучную. Когда Нина дождалась возвращения из армии Виктора и влюблённые решили пожениться, дочь объявила матери, что выходит замуж. “Наконец-то, — обрадовалась та, — у тебя будет фамилия не Покин-Соха, а другая. Кто же твой будущий муж?”. Нина ответила: “Виктор Рыба-Рак”. Мать всплеснула руками: “Господи, угораздило же тебя! И чем эта фамилия лучше нашей?”.

У Виктора и Нины Рыба-Раков две дочери. И замужем они за казахами. Так что от “смешной” фамилии отца они избавились...

Ночевали мы у младшего брата Марата Тулегеновича — Мухтара, чья младшая дочь Эльмира после окончания в 1996 году Костанайского

государственного университета работает в родной школе, выпускницей которой является, преподавателем русского языка и литературы.

По её мнению, это обычная сельская школа с теми же проблемами, что и у всех. Главная из них — продолжающийся отток учащихся в райцентр, в города, куда переезжают их родители, чтобы получше устроить свою жизнь, а также будущее детей. И всё же работает Эльмира с большой увлечённостью. Она рассказала, что в их школе особое внимание уделяется военно-патриотическому воспитанию. Новотроицк — родина Героя Советского Союза Петра Филипповича Надеждина, погибшего в 1944 году. И ребята, участвовавшие в работе краеведческого кружка — тогда Эльмира Туксаитова ещё школьницей была — собрали много документов, фотографий об отважном лётчике-штурмовике, встречались с сёстрами Петра Надеждина, приезжавшими в посёлок из России в гости, в дальнейшем вели с ними переписку. Все эти материалы бережно хранятся в школьном музее, на презентацию которого в прошлом году приезжали со всех учебных заведений района. Представлены в экспозиции и материалы о пятиерых воинах-«афганцах», родившихся в Новотроицке: погибшем в боях Сергее Мошкове (посмертно награждённом орденом Красной Звезды, его именем названа одна из улиц посёлка), Омирбеке Батибаеве (его жизнь трагически оборвалась уже на Родине) и ныне здравствующих Орынбасаре Абдугалиеве, Сабыре Минайдарове и Сергее Фролове.

Родом отсюда и упоминавшийся выше видный казахстанский писатель Иван Щеголихин. В 1988 году Михаил Федосеевич Каптилов, много лет проработавший учителем в Новотроицкой средней школе, вместе с учащимися одного из классов побывал в Алма-Ате у писателя, подарившего землякам свои книги. Все они нашли своё место среди экспонатов школьного музея, однако ни одного из произведений именитого автора, вышедших в течение двух последних десятилетий (а их было немало), там нет. Иван Павлович так и не удосужился прислать их в Новотроицк школьникам, да и сам, с тех пор как уехал из посёлка ещё в тридцатые годы, на своей малой родине по каким-то причинам ни разу не был. А ведь в Карабалыкском районе им по праву гордятся. Как и всеми яркими личностями, прославившими родной край.

Меня порадовало, с каким почтением относятся в районе к художнику Марату Туксаитову. В частности, его полотна есть и в районном историко-краеведческом музее, и в детской школе искусств, и в Новотроицкой средней школе, где на следующее утро мы — как ни спешили в обратный путь — всё же несколько часов провели, уступая настоятельным просьбам. Осмотрели библиотеку и обширный музей. Встретились с педагогами и старшеклассниками, восторженно принявшими своего дорогого земляка, о встрече с которым давно мечтали. Оказалось, что Марат Тулегенович хотя и часто навещает Новотроицк, но в основном бывает здесь летом, когда учащиеся на каникулах. Поэтому родную школу за многие годы он посетил впервые. И был приятно удивлён, увидев, что в музее есть уголок, посвящённый ему. Здесь и фотографии, и газеты, и журналы с публикациями о нём, и, разумеется, полотна, подаренные живописцем. Когда же Марат Туксаитов увидел на стенах картины, написанные Николаем Яковлевым Ивановичем, долгие годы преподававшим в школе рисование, он взволнованно сказал: «Николай Яковлевич был моим первым учителем в живописи, именно он заметил во мне, ещё мальчишке, художественный дар, определил моё призвание. Я этого никогда не забуду».

Правда, Марат Тулегенович — единственный профессиональный художник, вышедший из стен Новотроицкой школы. Но это пока. В прошлом году школу окончил Марат Жумабаев (кстати, его дядя преподаёт здесь изобразительное искусство), отличный рисовальщик, его работы направлялись в область и республику, получили одобрение, видел их и Марат Туксаитов и тоже высоко оценил. Как знать, может, со временем и Марат Жумабаев продолжит творческий путь своего известного тёзки.

А вот пишущих стихи в Новотроицке почему-то не оказалось. Как мне объяснили, сейчас школьники больше тянутся к точным наукам — математике, физике, информатике, компьютер для них гораздо интереснее литературы. А жаль. Одно другому не мешает. Во всяком случае, не должно.

В целом же непринуждённое общение с учащимися и преподавателями оставило отрадное впечатление атмосферой жизнерадостности, приподнятым оптимистическим настроением. Это была встреча с будущим.

Вернувшись из Карабалыкского района Костанайской области в Астану и осмысливая увиденное там, я подумал: бывая за рубежом, на Западе или Востоке, мы восторгаемся заграничными достопримечательностями, достижениями в экономике и культуре, красивыми городами, высоким уровнем жизни населения и т. д.

А вот хорошие перемены и преобразования в своей стране, колоритные черты обновления, возрождения подчас остаются вне поля нашего зрения. А ведь и у нас есть чему удивляться и радоваться. И земля обетованная не где-то там, в дальней стороне, а в родных пределах. Карабалыкский район — этому конкретный пример. Я бы хотел жить в Карабалыке.

P.S. Пока я писал эти заметки, произошло значительное событие — наш Президент выступил 6 февраля с Посланием народу Казахстана “Повышение благосостояния граждан Казахстана — главная цель государственной политики”. Этот важнейший документ, как отмечалось в прессе, логическое продолжение предыдущих Посланий 2006 и 2007 годов, посвящённых стратегии вхождения нашей республики в число 50 наиболее конкурентоспособных государств мира, модернизации общества и инновационному развитию экономики страны.

Особое внимание Нурсултан Абишевич уделил социальным вопросам, направленным на дальнейшее повышение благосостояния населения, которое должно сопровождаться повышением качества жизнедеятельности, а также человеческих ресурсов страны.

Внимательно изучая Послание, я мысленно видел перед собой Карабалыкский район, его увлечённых людей. Разительные перемены, которые произошли в районе, — результат воплощения целенаправленной государственной политики, развития социально ориентированной рыночной экономики. И можно быть уверенным, что полюбившийся мне Карабалыкский район, энергично продолжая реализацию программы начатых преобразований, и в этом году добьётся весомых успехов, что благотворно отразится на социальном самочувствии людей, умеющих своим трудом украшать жизнь, наполняя её духовным содержанием.

Фото Дмитрия МИРОНОВА из книги-визитки “Знай наших”.

Владислав ВЛАДИМИРОВ

Три лиры генерала Перовского

Курмангазы * Даль * Пушкин

Полемические эскизы

(Продолжение. Начало в № 4 за 2008 год)

V. Что сказал Черномырдин про Курмангазы

Само присутствие Курмангазы на великолепном балу у Перовского в честь генерала Брауна очень и очень примечательно. Это одна из самых памятных встреч Курмангазы с Перовским — и отнюдь не виртуальных.

Вот уже не первое десятилетие (и теперь-то даже не первое столетие) вокруг них карусельно вращаются несколько версий.

Как убедительных, так и не очень.

Все они соответственно множат (а заодно искажают или, наоборот, приближают к истине) конкретные представления потомков об этих во многом полярного свойства, но явно неординарных личностях XIX века, давшего миру вместе с ними — Пушкина и Даля, Алябьева, Вагнера и Чайковского, Бисмарка и Горчакова, Маркса с Энгельсом и Ницше, Гасфордта с Чоканом Валихановым, братьев Гумбольдтов и Пржевальского, Алтынсарина и Кунанбаева, Кауфмана, Колпаковского, Фриде...

Версии эти и сами внушительные, можно сказать (и это хорошо сегодня видно), исполинские фигуры Курмангазы и Перовского представлены в самых разных жанрах искусства, литературы, кинодокументалистики, политической событийности.

Но как представлены?

Прежде всего, заведомо порознь.

Фигура Перовского, как правило, отдалена от Курмангазы и заведомо обозначена (обрисована) по принципу гибкой **восьмёрки** — он **такой**, этот друг Государя, но больше — Государыни, однако в то же время он и **этакий** — может понять нужды простого народа Степи да и кое-что предпринять для его блага и пользы.

Жанровая амплитуда тут весьма внушительна.

От оперы Ахмета и Газизы Жубановых "Курмангазы" и скульптур работы Хакимжана Наурызбаева, полотен Абылхана Кастеева, Молдахмета Кенбаева, Аубакира Исмаилова, Сахи Романова до мемориальных кюев Карши Ахмедьярова и речей российского экс-премьера Виктора Степановича Черномырдина, известного на просторах Содружества независимых государств своими коронными афоризмами — "Хотели — как лучше, а получилось, как всегда" или "Хуже водки лучше нет".

Однако на празднике 11 октября 1996 года в честь Курмангазы на родной казахскому композитору российско-астраханской земле, видимо,

сошла на Виктора Степановича некая благодать Божья и он сказал совершенно правильные слова:

“Курмангазы великий музыкант. Он великий человек и принадлежит всем народам. Он всем нам нужен”.

См.: “Егемен Казахстан”, Алматы, 1996, 17 октября.

Воистину так, а не иначе.

Курмангазы с его неутолимым беспокойством, благородной тоской по общечеловеческой справедливости сегодня действительно всем нам нужен. Ибо до полной справедливости повсюду, что и прежде, далеко как до Луны и даже Марса с Юпитером.

Но и Перовский для нас нынче тоже отнюдь не **лишний человек**.

Неспроста же в его **феномене** под конец своей жизни — повторю — попытался разобраться творец “Войны и мира”, стал собирать материалы, да не успел — ушёл от деспотии собственной семьи и от самой жизни навсегда, в бессмертие, но откуда, увы, уже никто не шлёт новых своих гениальных рукописей. Лев Николаевич Толстой тоже.

Поэтому с Перовским мы должны разбираться сами.

Луна же ещё в XX веке стала для человечества достижимой, в новом столетии на очереди Марс и даже Юпитер, а вот справедливость, как видим, от него (человечества) в наступившем Третьем тысячелетии откатилась ещё более и далее.

Прискорбными свидетельствами тому рвущие сердце на части глобальные непотребства на всей планете, очумевшей от самоистребительной людской дурости и как будто бы напрочь забывшей уроки Истории, давней и недавней.

Поможет ли нам вместе с другими панацеями музыка Курмангазы отрешиться от губительного манкуртства и по праву заботы о грядущих поколениях возвернуть справедливость хотя бы на её прежнее место?

На сходный вопрос Сталина — “Может ли музыка остановить бомбардировщик?” — великий Шостакович без колебаний отвечал великому вождю нашему:

“Да, может. Если эта музыка — “Интернационал”!

Но эпоха вождей, “Интернационала” и “Интернационалов” (в каждой части света они были множественны и довольно не схожи, как по их текстам, так и по результатам) если не миновала, то определённо, кроме огромного Китая, который ещё покажет себя, **как надо**, — съехала (сдвинулась) на периферии всемирного исторического процесса, хотя и вовсе не утасла — опыт Кубы, Вьетнама, а вот теперь и Венесуэлы тому отнюдь не лишнее свидетельство.

Эпоха же “Маршей Перовского” и “Балбраунов”, освящённая истовым стремлением древних и молодых народов к подлинной справедливости, несмотря ни на какие ухищрения пресловутой **глобализации** и **глобализаторов** (читай: **неоколонизаторов**) только занимается над всеми земными континентами (верно, исключая Антарктиду).

Видеть и слышать это непременно надо.

VI. Кто в лес. А по дрова — кто?

Хотел бы я спросить у своих коллег помоложе: а кто же первым из наших творцов нетленных художественных ценностей отважился воссоздать образ (облик) Курмангазы в его истинную величину?

Однако заведомо знаю: многие весьма затруднятся с ответом.

Поэтому, не дожидаясь его, напомню сам.

В дореволюционной очеркистике им стал современник Курмангазы, российский путешественник, журналист-бытописатель, художник и поэт Н. Ф. Савичев. Не далее как в 1868 году он повстречал Курмангазы дома у большого любителя домбровой, балалаечной, гитарной и скрипичной музыки, казачьего есаула Иова Фокеевича Бородина, который сам хорошо играл на этих инструментах.

Обращаю внимание на такую самоочевидность, как плотное знакомство куйши Курмангазы с **есаулом** Бородиным.

Есаул не последняя спица в колеснице казачьей иерархии. Чин, приравненный в армейской кавалерии к чину ротмистра, что соответствовало званию капитана в пехоте. Есаул, как правило, командовал казачьей **сотней**. Но это вовсе не означает, что под его началом было ровно сто человек. В казачьих войсках русской армии конная **сотня** по численности примерно соответствовала **эскадрону** регулярной армейской кавалерии, то есть двумстам кавалеристам.

Так что немалой величиной в своей округе был домбрист, балалаечник, гитарист и скрипач Иов Фокеевич Бородин, этот **человек-оркестр**, и если Курмангазы был с ним весьма дружен, то это кое-что да значило. В доме же недруга или просто антипатичного человека кюев не играют.

Савичев писал на страницах 44-го номера “Уральских войсковых ведомостей”:

“Я назвал бы его игру вольной песнею жаворонка или соловья, но это сравнение слишком узко... Он сам сочувствует своей игре, увлекается до экстаза... **Сагырбаев — редкая музыкальная душа и, получи он европейское образование, то был бы в музыкальном мире звездой первой величины**”.

Савичев прав тут в своих определениях.

Но прав ровным счётом наполовину.

Да, бесспорно, **Сагырбаев — редкая музыкальная душа**.

Это действительно так. Но самоочевидно и другое.

А именно то, что **Сагырбаев — эта поистине редкая музыкальная душа, и без европейского образования был и остаётся в евразийском музыкальном мире в славном созвездии светил первой величины**.

Спустя почти сто лет после Савичева столь бесспорную истину устремился подтвердить в стихах классик казахской поэзии XX столетия Хамид Ергалиев, он же и видный переводчик на казахский язык ряда произведений Шекспира, Навои, Байрона, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Маяковского, Хикмета, Неруды, по счастью хорошо знакомый мне лично.

Мы с ним немало лет кряду обитали в близких соседях по нашим квартирам вместе с Морисом Давидовичем Симашко и Абилямужином Жумабаевым в одном **писательском** подъезде дома № 178 на южнотолочной улице Чайковского.

В своём рабочем кабинете на втором этаже Хамид-ага (в Великую Отечественную войну доброволец, боевой конник, сохранивший потом на долгие годы военную выправку и душевную бодрость) держал на подоконнике свой крупный (гипсовый или алебастровый) бюст работы не известного мне скульптора.

Нередко под позднелетний вечер, когда окна у всех были распахнуты настежь, наш красиво убелённый сединами классик брал в свои крепкие

руки домбру и не слишком громко, но темпераментно исполнял на ней перед своим бюстом многое из кюев Курмангазы и собственного репертуара.

Честно скажу: слушать Ергалиева было одно удовольствие.

Голос у него был задушевный, чуть хрипловатый и надтреснутый. Такой, как правило, остаётся у боевых авиаторов, долго на больших высотах летавших в кислородных масках. Чистый кислород, когда его много, непременно обжигает голосовые связки на всю жизнь. И никакие облепиховые или иные масла не спасают. Однако Ергалиев никогда не был в лётчиках, но его обожгла невиданная война, где без наркомовских “ста граммов”, (конечно же, кто этого не знает?) не обходилось.

Ни в авиации и на флоте, ни в пехоте.

Ни тем более в кавалерии.

Хамид-ага однажды рассказал мне, как его кавалеристы и сам он в войну **снимали стресс** у боевых коней. Для этого в полуведёрко чистой воды вливался стаканчик водочки (или же четверть стаканчика медицинского спирту), и конь с большим удовольствием выхлёбывал этот напиток. Диковину, услышанную мной от Ергалиева, потом подтверждал не только мой старший наставник по литературе Дмитрий Фёдорович Снегин, горячо влюблённый в боевых коней — войну он прошёл в Панфиловской дивизии артиллеристом, командиром гвардейского полка и там без лошадей не воевали. От казахстанского друга Фиделя Кастро, маэстро циркового искусства Жауке-Жени Идрисова (да будет земля ему пухом!) я узнал, что и слонам после каждого большого выступления на арене полагалась бутылка коньяку, да вот только ни один советский слон не получил ему положенного. Всё доставалось дрессировщикам, слона же утешали чем-либо менее дефицитным. Ну, например, ею родимой, обычно-привычной сорокаградусной водкой или хуже того — королём питья безденежной шабобратии — портвейном “777” (“Три семёрки”).

А большая поэма у Ергалиева так и называлась — “Курмангазы”. В русском переводе (в основном Евгения Михайловича Винокурова, тоже фронтовика неподдельного и поэта необыкновенно-интеллектуального) она большущим тиражом выходила в свет ещё в 1964 году. Причём в самом авторитетном московском издательстве “Советский писатель”.

Как отмечалось в её аннотации (а их обычно составляют сами авторы вкупе с переводчиками, сам не раз этим занимался), поэма “отобразила жизнь Курмангазы, полную лишений и страданий, его борьбу с правящей феодальной верхушкой, его бескорыстную дружбу с прогрессивными людьми России”.

Да, так оно и есть — **отобразила**.

И эту самую жизнь, и эту самую борьбу, и эту самую дружбу.

Правда, в старательно-добротных переводческих **отображениях** Винокурова нет ничего о встречах Курмангазы с Перовским. Эти randevу так и остались для русскоязычного читателя спрятанными в казахском тексте. Нет, увы, не сумел даже такой мастер лирической и философской планиды, как Евгений Михайлович Винокуров, посредством “великого и могучего” передать строки Хамида Ергалиева о том, что виртуозная музыка великого кюйши навсегда осталась в суровой душе и большом сердце генерала Перовского.

Винокуров (как переводчик) обошёл линию Перовский — Курмангазы далеко стороной. Уж не знаю, почему с этим согласился (как автор) Ергалиев. А вполне может статься и так, что в Москве тоже нашлись, как и

у нас, бдительные цензоры, изъявшие русский перевод фрагментов, подобных этому, по известной логике: долой всё, что касается верных слуг царского самодержавия.

К чему гадать понапрасну?

Ну а как там у нас в ретроспективе с жанрами эссе и очерка?

Здесь, пожалуй, во всём широком их библиографическом ряду, посвящённом Курмангазы, мало равных основательному труду “Струны столетий” (1958) академика Ахмета Куановича Жубанова.

“Всадник — широкоплечий, большелобый, с крупными чертами лица и большой раздвоенной бородой... за спиной у него ружьё, а на передней луке седла — домбра”, — таким увиделся Жубанову Курмангазы со слов его достойной восприемницы, знаменитой казахской домбристки Дины Нурпеисовой, девять лет учившейся мастерству у своего мэтра.

Сама же Дина Нурпеисова как-то в гостях у великого казахского акына Джамбула Джабаева (сейчас настойчиво пишут: **Жамбыл Жабаев**, хотя он по дореволюционному и советскому паспортам, по диплому лауреата Сталинской премии, по орденским книжкам всегда был **Джамбулом Джабаевым**), когда тот похвалил её левую руку (за особую виртуозность), рассказала:

“Однажды Курмангазы после долгой игры на домбре взял мою левую руку своей правой и сказал, что если бы эти две руки были даны одному человеку, то на свете не было бы равного ему музыканта”.

См.: сборник “Курмангазы”, издательство “Казахская Энциклопедия”, Алматы, 1998, с. 106, 138.

А название труда “Струны столетий”, чей перевод на русский язык осуществила большой (хотя и с избытком заофициальный) знаток и друг казахской литературы Зоя Сергеевна Кедрина, подарил Жубанову выученик Горького, великолепный интерпретатор казахской, российской и мировой старины, истинный казахстанец по жизни, душе и творчеству Сергей Николаевич Марков.

См.: Зоя Кедрина. О добром друге. В кн.: “Воспоминания об Иване Шухове”, “Жазушы” (“Писатель”), Алма-Ата, 1979, с. 227.

Но, увы, ни у Жубанова, ни у Маркова многого о знакомстве Курмангазы с Перовским тоже не вычитается.

Зато сей пробел с лихвой восполняет своим пространством очерком-книгой о Курмангазы под названием “Чародей” Хайдар Ирмуратов в литературной записи Тулеу Шаханова — издательство “Жалын” (“Пламя”), Алма-Ата, 1976.

“Музыка (Курмангазы) пришлась по душе губернатору (Перовскому)”, — убедительно подтверждают эти авторы сразу на два голоса и не поверить им просто невозможно (с. 99).

Правда, я не знаю, кто из них (то ли сам автор, то ли его литзаписчик) беззастенчиво заимствовал (на школьном и студенческом сленге: **сдул**) у академика Жубанова иные из блоков сказания о Курмангазы — причём слово в слово.

Вот, к примеру, конечно же, не очень хорошему:

У Жубанова сказано так:

“Имя Курмангазы стало настолько популярным, что его знают на огромной территории от Астрахани до Туркестана. Нередко встречаются в этих местах люди, не имеющие никакого отношения к домбре, которые всё же могут рассказать какой-либо эпизод из жизни Курмангазы или историю одного из кюев”.

См.: сборник “Курмангазы”... с. 129.

И у Ирмуратова с Шахановым на 151-й и 152-й страницах их книги сказано точно так же:

“Имя Курмангазы стало настолько популярным, что его знают на огромной территории от Астрахани до Туркестана. Нередко встречаются в этих местах люди, не имеющие никакого отношения к домбре, которые всё же могут рассказать какой-либо эпизод из жизни Курмангазы или историю одного из кюев”.

Быть может, совпадение случайное?

Да нет же. Это уже не совпадение, а, похоже, **метод**.

Читаю дальше у академика Жубанова на странице 131-й академического сборника “Курмангазы”:

“Ныне музыка Курмангазы широко звучит в симфониях, оперных произведениях композиторов Советского Казахстана. Его кюй “Балбраун” использовал Е. Брусиловский для финального танца в опере “Ер Таргын” и для скерцо в симфонии, посвящённой жизни возрождённого Октябрём Казахстана”.

То же самое значитсч чёрным по белому и на странице 155-й труда Ирмуратова — Шаханова:

“Ныне музыка Курмангазы (**широко**) звучит в симфониях, оперных произведениях композиторов Советского Казахстана. Его кюй “**Балбрау-ын**” использовал Е. Брусиловский для финального танца в опере “Ер Таргын” (**и**) для скерцо в симфонии, посвящённой жизни возрождённого Октябрём Казахстана”.

Тоже — да не то: нет в заимствованном у почтенного академика тексте у Ирмуратова с Шахановым наречия “**широко**” и союза “**и**”, да и название знаменитого кюя “Балбраун” подано куда как пошире — с протяжной буквой-звуком “**ы**”: “**Балбрауын**”.

Ну а уж если говорить здесь поточнее, то и старательно обчищенный моими земляками академик, и сами жерлеслер (земляки) ошибаются, приписывая Брусиловскому использование кюя Курмангазы “Балбраун” в симфонии, “посвящённой жизни возрождённого Октябрём Казахстана”.

Дело в том, что автор этой симфонии с “вмонтированным” в неё кюем “Балбраун”, отнюдь не Брусиловский, а — некогда известный, ныне же изрядно подзабытый советский композитор Александр Александрович Зильбер (Ручьёв), живший и творивший в Алма-Ате с 1935 по 1940 год.

Его симфония называлась “Кайта туган Казахстан”.

См.: Казахская Советская Энциклопедия. Под редакцией академика М. К. Каратаева. Том 4-й, Алма-Ата, 1974, с. 602.

Ну а как насчёт встреч Курмангазы с Перовским и вообще об интерпретации образа Перовского в жанре киносценария?

Пожалуйста. Есть и это.

Я не имею в виду **большой короткометражный** фильм “Думы о Курмангазы” (1972). Это надо же — именно так бестолково его недавно одобрительно аттестовали в научно-публицистической литературе: одновременно — **большой** и **короткий**. Эпохи в ответственной теме этот фильм тогда ещё молодого, а ныне почти всеми признанного мастера казахстанской кинематографии, лауреата Государственной премии РК и премии киноакадемии Франции Сатыбалды Нарымбетова не сделал. Но и ничуть не посрамил её. Там вроде бы всё в ажуре. Волки сыты, овцы целы. Волгападает в Каспийское море. Курмангазы — великий человек. Его имени и его музыке жить в веках. Конец фильма.

В киноленте о Дине Нурпеисовой (1974) Курмангазы появлялся в исполнении признанного корифея сцены и экрана, народного артиста республики Нурмухана Жантурина. Убедительно, весомо. Однако, увы, тоже иллюстративно.

По сути никаких запоминающихся открытий.

Но уж если вы по ним стосковались, то возьмите сборник Марата Мысалина “Легенды степей”.

Правда, тираж этой книжки мизерный, всего 100 экземпляров. Есть в ней “киноповесть” о Курмангазы под таким же названием. А в ней превеликое множество **эврик** не чета Колумбовым и Магеллановым. Богатого воображения автора хватает (с избытком!) на всё, что угодно.

На то, что Перовский, например, задолго до походов генерала Черняева (на Чимкент, Ташкент и др.) и собственных подобных маршрутов (на Хиву в 1839 году и Ак-Мечеть в 1853-м) якобы точно заранее о них ведал, будто сам их прочерчивал на картах российского Главного штаба!

Но по воле автора он обладает чуть ли не волшебным даром великой болгарской прорицательницы Ванги.

Более того, Перовский якобы скопировал все эти маршруты, перенёс их на огромную секретную карту, чтобы ошарашить ею своих приближённых.

Примысел невероятный.

Ибо ничего ровным счётом Перовский, этот по автору, “высокорослый, сухопарый и пышноусый” **граф**, заранее о таких походах не знал, не ведал и не мог ведать.

Но коль (предположим совершенно сказочное) была такая потайная карта, да ещё и размером во всю стену, то чтобы изладить её в Оренбурге (или ещё где), понадобилось бы немало спецов, умевших держать язык за зубами. Однако ведь давно известно: тайна, о которой знают хотя бы двое, уже и для остальных не секрет. Тем более для приближённых губернатора.

Да и **графом**-то Перовский в должности Оренбургского губернатора, по сути, не был: в **графское** достоинство Государь возвёл его только лишь в 1855 году — за пару лет до безвременной (и довольно-таки загадочной) кончины Перовского.

Но не один Мысалин, а и всяк, кто берётся рассуждать о Перовском, тут же называет его **графом**, будто таковым он родился.

Почтил своим вниманием автор и кюй Курмангазы “Балбраун”.

И что вы думаете — сопряг его с действительным событием, назвал генерала Брауна, вспомнил про великосветский бал в Оренбурге, устроенный в его честь генералом Перовским?

Ничуть не бывало. Не сопряг, не назвал, не вспомнил.

По автору, своим возникновением этот кюй целиком и полностью обязан возлюбленной Курмангазы — красавице Ауес.

Вот тебе и раз!

О чём киноповесть и уведомляет на 24-й странице:

“Он (Курмангазы) кончил играть. Люди шумно восторгаются, благодарят автора.

— Это для тебя! — сказал Курмангазы девушке.

Ауес, безмерно счастлива, высоко вознёсшаяся в глазах публики, поцеловала его”.

Итак, в чём же главная беда “киноповести”?

Она в том, что, её творец, обладая **живым** слогом, не взял на себя обязательный труд тщательно разобраться с конкретными историческими обстоятельствами и лицами.

Толком не вник ни в биографии своих персонажей, ни в биографию их непростой эпохи — и впал в низкопробную скоропись. Его представления об этой эпохе крайне бедны и убоги, схематичны, скособочены.

Вот он упорно, страница за страницей, крестит Перовского **генерал-губернатором**, тогда как тот никогда в такой должности не состоял ни дня, ни часу, а был — **военным губернатором**. Помимо него, в Оренбургской губернии действовал ещё и **гражданский губернатор**.

Но автору это невдомёк.

Да и не только ему.

В опубликованных недавно трёх новеллах моего доброго знакомого и собрата по теме — Амантая Сатаева о Курмангазы то же самое рьяное упорство, с каким он разудало величает Перовского **генерал-губернатором**:

“Ей, тамыр, давай сыграем, устроим той в честь назначения к нам **генерал-губернатора** Перовского”.

И т. д.

С воинскими званиями у Сатаева тоже не всё в ажуре: “жас **вахмистр** Михаил” — “молодого **вахмистра** Михаила” он настойчиво называет **вахтмистром**.

См.: Тан-Шолпан, Алматы, 2005, № 3, с. 13, 15, 17.

А зачем?

К тому же **вахмистр** — это чин и должность унтер-офицерского состава в кавалерии и конной артиллерии русской армии (с 1711 года), а также в жандармерии и казаках; соответствовал чину фельдфебеля в других родах войск.

См.: ВЭС — Военный Энциклопедический Словарь. Воениздат, Москва, 1983, с. 113.

Похоже, Сатаеву это не очень-то и ведомо.

Как, впрочем, и то, что для выполнения всякого рода **вестовых** и прочих заданий у **военного губернатора** Перовского всегда был под рукой **офицер по особым поручениям**, но уж никак не вахмистр или фельдфебель в любом случае.

Но кто ж тогда **генерал-губернатор**? — вправе спросить любознательный читатель.

Отвечаю: **генерал-губернатором** мог быть только назначаемый Государем глава Степного или Туркестанского **генерал-губернаторства** (то есть и в том и в другом случае огромного **края**), но никак не глава отдельной **области** или **губернии**.

Тут тоже есть свои нюансы: по дореволюционному российскому административно-территориальному делению **губернии** были **старыми** российскими территориями, а **области** — сравнительно **новыми**, лишь недавно включёнными в состав Империи, как все мы любили говорить, путём **добровольного вхождения** или же **добровольного присоединения**.

В пока ещё, слава Аллаху, не отснятом фильме по вздорному изданию Мысалина русские артиллеристы (вот они, какие нехорошие!) прицельно лупят фугасами по мазарам-мавзолеям древнего казахского кладбища.

А их, фугасов-то, между прочим, тогда отродясь не было даже у англичан.

Как не было никакой пушечной (иной тоже) стрельбы славян по святым могилам предков казахов. Всё это грубый и бестактный вымысел. Бред сивой кобылы, сказал бы по такому прискорбному случаю Даль.

А другие, тоже нехорошие, опять-таки русские, у того же мырзы (господина) Мысалина — тюремные или околотюремные священнослужители настойчиво понуждают мусульманина Курмангазы к принятию (ба-тюшки-святы!) православия.

См.: Марат Мысалин. Легенды степей. Издательский Дом “Кітап” (“Книга”), Алматы, 2003, с.3-83.

Для чего и где происходят все эти обалденные несуразицы с вероломным покушением на вероисповедание Курмангазы?

Вопрос отнюдь не риторический.

А происходит совращение Курмангазы коварными иноверцами в самом Иркутском остроге, куда, как доказательно утверждает видный искусствовед-историк, вдумчивый исследователь жизни и творчества Курмангазы, профессор Пётр Васильевич Аравин (а уж ему-то можно верить) никогда для Курмангазы никаких путей не выпадало.

И вообще, по Аравину, “широко распространённые рассказы о том, что Курмангазы якобы неоднократно подвергался заключению в Оренбургской, Астраханской, Иркутской тюрьмах, должны быть подвергнуты серьёзному пересмотру, так как в действительности ничего подобного не было и никакие архивные документы XIX века не подтверждают правильность этих версий”.

См.: сборник “Курмангазы”, издательство “Казахская Энциклопедия”, Алматы, 1998, с. 158-159.

Но что признанный мэтр Аравин для Мысалина?

Вестимо: не указ.

А потому досужий сочинитель безудержно импровизирует и дальше. И лихо несёт его по маршруту той же известной поговорки: семь вёрст до небес и всё — лесом.

И вот он уже даже самодурствующему волостному **старшине** (а таких заурядных **кадров** у царской администрации было навалом, как у дурака махорки), злобствующему в своей зоологической ненависти к Курмангазы Абубакиру Акбаеву вручает (подумать только!) генеральские эполеты, каковые далеко не каждому из верноподданических **султанов** и **ханов** доставались.

А самого Курмангазы предельно распалившийся в своих измышлениях киноповествователь уже готов отправить из Иркутска не куда-нибудь, а прямоком на остров Сахалин.

Хорошо ещё, что не на мыс Дежнёва.

Или на Северный полюс.

VII. Два у нас Курмангазы, и это — неплохо

Но, право, вот ещё какое дело, какой вопрос — причём отнюдь не риторический. Так неужто для художественного воплощения такой исполинской фигуры, как великий кюйши и народный заступник Курмангазы, всегда и впредь нужна будет заверенная гербовой печатью справка из госархива?

А всегда ли нужен такой суровый документ, скажем, для Коркыта?

для Ходжи Насреддина?

для Красной Шапочки?

для Степана Тимофеевича Разина?

Веками благополучно они безо всяких “домовых книг” и ОВИРов (отделов виз и регистраций) свободно живут в песенно-поэтическом сознании народов — на правах фольклорных и **летописных**.

Не так ли?

И разве не являются ли фольклор и летопись, по академику Лихачёву, — своеобразно **документированной** народной молвой, принявшей причудливую форму сказаний и песен, басен и анекдотов, сквозь чьи гиперболы, метафоры и прочие иносказания неодолимо пробивается вящий свет самых конкретных фактов?

Или возьмём светлейшего князя Смоленского Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова, под чьим началом вступил юный Перовский в Отечественную войну 1812 года.

Наверняка сам Кутузов себя ни за что не узнал бы в “Войне и мире” не менее сиятельного графа Льва Николаевича Толстого. А своего адъютанта, молодого князя Андрея Болконского — и подавно. Ибо никогда не было такого человека ни в адъютантах у Кутузова, ни в списках российского воинства. Болконский — сплошь порождение писательского вымысла, но зато какого воображения!

И Курмангазы тоже уже давно стал объектом такого общенародного воображения, чему уже, пожалуй, никогда не смогут воспрепятствовать никакие строго документированные поправки и уточнения его необыкновенной биографии.

Прав наш известный поэт, переводчик, кинорежиссёр Бахыт Каирбеков, когда говорит, что “Курмангазы — реальная личность, но с точки зрения им же созданных произведений — мифологичен, его же творения отбрасывают на него ореол мистичности, и все факты биографии его становятся легендарными”.

Наблюдение, по-моему, очень верное.

То есть, по сути, получаются у нас как бы два Курмангазы, и это, наверное, совсем неплохо.

Один — для научно-практических конференций, строгих историков, точных музыковедов, для юбилейных статей с их извечно гиперболической тональностью в безбрежных похвалах юбиляру, но с более или менее точными датами и с более или менее выверенной хронологией.

Другой — для возвышенных стихов, психологических рассказов и лирических новелл, впечатляющих картин и объёмных романов о нём, произведений других жанров всех видов искусств — от оперы до пантомимы.

Мешают ли они один другому, вот тут-то и можно сказать, **друг другу?**

Думаю и утверждаю: нет, никоим образом не мешают.

Но, правда, только лишь при одном условии: если художественное произведение действительно **художественное**, а не примитивно-названное и одномерно-плоское.

Именно так не мешают своим строго историческим двойникам главные персонажи романов:

Алексея Толстого “Пётр Первый”;

Степана Злобина “Степан Разин”;

Вячеслава Шишкова “Емельян Пугачёв”;

Мухтара Ауэзова “Путь Абая”;

Мориса Симашко “Комиссар Джангильдин” et cetera.

Список тут может быть до горизонта и далее.

Даже если и полностью приложима ко многим из заглавных персонажей в этом реестре известная народная поговорка:

“Федот — да не тот!”.

VIII. Мог ли быть Чокан адъютантом у дурака?

Есть резон пристальнее всмотреться в далеко не однозначную фигуру сиятельного графа Василия Алексеевича Перовского (1794—1857). Едва ли знал не только Курмангазы, а и Пушкин с Далем, что Перовский был одним из пятерых побочных сыновей знатного и влиятельного царедворца, графа и генерал-фельдмаршала, а заодно и приличного учёного-естествопытателя Алексея Кирилловича Разумовского и, стало быть, внуком последнего гетмана Украины.

Тот — достопочтенный Кирилл Григорьевич Разумовский толково совмещал (удивительное сочетание, не правда ли?) своё гетманство с президентством в Петербургской академии наук. Когда, по мнению Екатерины Второй, гетманство изжило себя, он с лёгким сердцем сдал свою булаву в музей и получил из ласковых рук любвеобильной Государыни эполеты российского генерал-фельдмаршала.

Так что родословная и гены у Перовского не из плебейских. И, понятно, вовсе не от рождения на пятый год после отставки от **строевой** военной службы (1828) назначенный Государем Николаем Первым в Оренбург (1833), он стал человеком, во многом сроднившимся с Казахской Степью.

Не сразу открылась она ему и сделалась по-своему дорогой.

Оренбургский священник Николай Николаевич Модестов, он же “действительный член Оренбургской учёной архивной комиссии” (этим титулом святой отец гордился не меньше, чем своей принадлежностью к лону православия) из фантастически далёкого 1913 года сообщил мне точную дату вступления Перовского в ранг **исполняющего должность** военного Оренбургского губернатора — 15 апреля 1833 года.

Именно она и приведена в его (Модестова) историческом очерке, означенном как выпуск XXVII-й Трудов достопочтенной Оренбургской учёной архивной комиссии, на который я уже почтительно (раритет редчайший!) ссылался выше.

До Перовского в должности Оренбургского губернатора пребывал граф Павел Петрович Сухтелен, совершенно внезапно почивший в бозе 20 марта 1833 года, не дожив даже до 55-ти лет. Его похоронили в ограде Петропавловской православной церкви в Оренбурге, хотя он, как Даль, был лютеранином.

Фигура Сухтелена совершенно не ведома нашим (казахстанским) историкам, хотя они во времена яростных обличений вредоносной колонизаторской политики царского самодержавия не раз и не два, а бесконечно цитировали его как самого завязатого изувера и реакционера, сами того не зная, что цитируют Сухтелена, а не кого-либо другого.

Ну так что это был за человек?

Скажу вкратце.

Не изувер и не реакционер, а насквозь военный.

Отец его перешёл из голландских войск на русскую службу в 1783 году, участвовал в войнах России со Швецией 1788-1790 годов, против Наполеона в 1805-1807 годах и снова против Швеции в 1808 году, после чего был послом в Стокгольме и даже сопровождал наследника престола — принца Шведского в походах против французов. Финляндия пожаловала ему титул графа в 1822 году, а в России он раньше был известен как толковый усовершенствователь армейской **инженерии**, а ещё (внимание!) как создатель российского Генерального штаба.

Сын в ратном аспекте был очень похож на своего отца.

Как и Перовский, Сухтелен начал свою карьеру со службы **колоновожатым** при Дворе Государя. Под Аустерлицем раненным попал в плен к французам. Участвовал в войнах против Наполеона (1807) и Швеции (1808-1809), а ещё и против Турции в 1811 году, затем в Отечественной войне 1812 года. С 1826 года стал генерал-квартирмейстером Главного штаба, а когда началась война с Персией, возглавил штаб Кавказского корпуса.

Словом, почти всегда в седле, почти всегда в бою.

А в антрактах — за военно-писательскими экзерсисами. Его перу принадлежат такие труды, как “Картина военных действий в Финляндии”, “Краткое жизнеописание генерал-адъютанта К. Х. Бенкендорфа” (“Описание военной галереи Императорского дворца”).

Но не того — Александра Христофоровича Бенкендорфа (1783—1844), который почти всем миром наших энциклопедистов зачислен (и весьма несправедливо!) в ярые реакционеры и гнобители Пушкина, а другого — его (А. Х.) родного старшего брата — Константина Христофоровича Бенкендорфа (1775 — 1828), равных кому в ратной доблести и находчивости в Российской армии было немного даже при её массовом героизме в Отечественной войне с полчищами Наполеона.

В чине **майора** в 1812 году он отличился в делах под Москвой и Смоленском, при взятии Вильны, а уже в 1814 году **генерал-майором** умело брал вражеские крепости и побеждал неприятеля в сражениях по трудной дороге на Париж. Персидская война 1826-1827 годов снова позвала его с дипломатической службы в ряды действующих войск и за “предприятия самые трудные и опасные” в ней он, помимо прочих наград, удостоился золотой сабли с алмазами. Во время войны с Турцией (в ту самую, когда Перовский был тяжко ранен в грудь) Бенкендорф со своим летучим отрядом “пробрался к Балканам, в тыл неприятелю и 7 июля 1828 года занял крепость Превода”. Это был его последний подвиг.

“Расстроенное ещё в Персидской кампании его здоровье не выдержало новых трудов и лишений и Бенкендорф умер в августе того же года”, — так писал об этой героической натуре Сухтелен, тоже сам герой в немалой степени.

Но это ничуть не помешало ему, как и Бенкендорфу-старшему, быть помещённым у нас в разряд самых отпетых ретроградов, откуда в категорию приличных людей возврата нет.

Это изуродованную цитату из высказывания Сухтелена о Степи любили таскать с места на место дежурные публицисты и штатные докладчики, призванные убедительно доказывать, что до Великого Октября 1917 года её судьбами распоряжались только сплошь ярые реакционеры и круглые идиоты.

“Я желаю, чтобы в Степи её люд ещё на 1 000 лет не знал бы никакого ремесла”, — примерно такие слова Сухтелена цитировались в неопровержимое подтверждение.

“По-моему, это какая-то глупость несусветная, — сказал мне однажды Кунаев, когда ему в очередной раз для большой готовившейся статьи “на экспорт” подсунули эту расхожую цитату. — Надоело вычёркивать. Ты, пожалуйста, проверь у архивистов. Что-то здесь не то!”

Наши архивисты ничего не нашли, но их ленинградские коллеги прислали мне полный текст Записки Сухтелена Государю.

И вот тогда-то обнаружилось, что множество наших публицистов и докладчиков не гнушалось самым настоящим жульничеством, беспардонной подтасовкой и фальсификацией, поскольку ходячая цитата обрывалась на самом выгодном для них месте, а вторая половина суждения по-своему очень здравомыслящего сановника намеренно утаивалась, как (повторяю) и его фамилия.

Звучало же это всё вместе (примерно) так:

“Я желаю, чтобы в Степи её люд ещё на 1 000 лет не знал бы никакого ремесла. Того ремесла, которое испокон веков ей чуждо. Пусть люди занимаются здесь теми ремёслами и делами, какими они от Бога раньше занимались и какие лучше их никто не освоил. Но их сполна надо обеспечить всем, чем располагает вся Россия, и тогда общая для нас экономическая и всякая другая выгода станет несомненной”.

“Молодец, что докопался до правды”, — чётко похвалил меня Д. А. при тех людях, которые, как он выразился, **крепко насухтельничали**, то есть по своей сиволапости и его могли запросто подвести под монастырь.

В его всегдашней манере было золотое правило Екатерины Великой: **хвали громко, брани тихо**.

Похвала Д. А., конечно, мне была приятна. Но с того дня и долго-памятливых недругов у меня на трёх стало больше.

Однако граф Сухтелен говорил правильные вещи, да не очень спешил сочетать сказанное с делом.

Всё, что было связано с конкретным делом, выпало на долю неужённого Перовского — с 15 апреля 1833 года, когда он был первоначально назначен **исполняющим должность** Оренбургского губернатора. Для сановников его ранга такого понятия, как **испытательный срок**, никогда не существовало, но, вероятно, в поле зрения Государя были ещё и какие-то другие кандидатуры на эту же должность, коль Перовский не был затверждён на ней сразу. Однако вскоре всем стало понятно: лучшего человека тут не сыскать.

Но самому ему понадобились сначала девять лет неотложного губернаторства (1833-1842), а потом, почти с десятилетним антрактом, ещё шесть лет (1851-1856) для его во всех смыслах примечательного породнения со Степью. А это в общей сложности 180 оренбургских месяцев, пять с половиной тысяч дней и столько же ночей, когда сегодня не знаешь, что ожидает завтра **твою Степь** и тебя вместе с ней.

Ещё раз напомним о том, что многие сейчас намеренно забывают: совсем неспроста на заре советской эры Оренбург официально стал столицей Казахстана. А ещё задолго до этой самой (ныне многими проклинаемой) эры, тоже повторю, был при царях-государях столицей Степного края (генерал-губернаторства) достославный город Омск.

Именно оттуда Государева губернаторы **володели** омскими, кустанайскими, петропавловскими, павлодарскими, семипалатинскими и прочими землями **по Северу** Казахстана и России.

Но **володели** ими не как удельные князья, а на прочной основе **военно-народного управления**. Именно так со временем стал именоваться по всем **инородческим** окраинам Империи (до поры до времени удачный) **властный** гибрид. Он сочетал твёрдую руку царской администрации с весьма влиятельным местным самоуправлением в лице волостных управителей и старшин, биев и казиев (судей), а также ишанов и мулл (религиозных авторитетов).

Эта широко разветвлённая **нижняя** ветвь **военно-народного управления** столь же широко поощрялась ветвью **верхней**, а то и самим Государем, охотно одобрявшим градационный порядок поощрения лиц, избранных в это управление или назначенных в него из местного населения. Сначала лицо удостоивалось (чтобы всем видно было) почётного халата 3-го разряда, затем 2-го, потом и 1-го. По истечении определённого времени за усердие и беспорочную службу обладатель халата 1-го разряда мог быть (а мог и не быть) награждён (соответственно) малой серебряной медалью, малой золотой медалью, большой серебряной медалью и большой золотой медалью.

На этом ассортимент Государевых наград не прерывался. В правах губернатора было ходатайствовать о представлении степняков (и не обязательно “номенклатурных”), наиболее отличившихся на мирном и ратных поприщах, к другим медалям и орденам Российской Империи. Правда, с учётом верований: например, ордена (кресты) имени христианских святых заменялись для магометан равнозначными наградами, но уже без церковной атрибутики.

Ещё эффективней **военно-народное управление** действовало (тоже до поры до времени) и **по Югу** Российской Империи — в преогромном Туркестанском крае — там лишь одна Семиреченская область включала в себя нынешние Алматинскую вместе с её талдыкорганскими землями, всю современную Киргизию, а с 1871 по 1881 год и даже часть китайской территории — так называемый Кульджинский район.

Военно-народное управление на всех его ярусах было **гласным**. Его официальный глас (голос) “Ведомости” (краевые и областные) звучал печатно сначала по субботам, затем по вторникам и пятницам на русском и казахском языках. Эта внешне напоминавшая солидный журнал еженедельная **газета** без промедления доставлялась в каждый уезд и каждое селение, даже самое малое. А за любой подрыв **гласности** следовала начальственная выволочка.

“... в высылке Илийском, — с холодным нарезом отмечал в своём приказе военный губернатор Семиреченской области генерал-майор Фриде, — замечено мною, что **Публикации по области** присылаются в выселок несвоевременно — запоздало, отчего распоряжения начальства становятся известными весьма поздно. Прошу Верненского уездного начальника устранить эту неисправность, которая, весьма возможно, практикуется относительно и прочих поселений”.

А неделей ранее тот же губернатор не улыбочиво потребовал от всех своих подчинённых, чтобы их служебная форма находилась бы в полной гармонии с содержанием их же бытия:

“Семиреченский городской воинский начальник доложил мне, что, как замечено им, служащие по военно-народному управлению господа офицеры, нося военную форму, не исполняют правил о формах одежды. Так, например, являются на парад не по форме одетыми, ходят по городу без

оружия, посещают в военном собрании танцевальные вечера в сюртуках с погонами, на погонах не имеется соответственно чину звёздочек и т. д.

Принимая во внимание, что всякий носящий военный мундир обязан подчиняться установленным правилам службы и соблюдать форму в одежде, предлагаю всем служащим по военно-народному управлению вверенной мне области господам офицерам в точности исполнять правила о формах одежды.

Подлинный приказ подписал:
военный губернатор, Генерального
штаба генерал-майор Фриде”.

См.: Приказы Фриде за № 163 от 8 ноября 1883 года и за № 166 от 16 ноября 1883 года. Публикации по Семиреченской области, город Верный, 1883, № 46, 12 ноября, с. 178, 185. Фонд редких книг и рукописей Национальной библиотеки Республики Казахстан.

Я к чему об этом столь подробно?

Да к тому, что точно такого же рода приказы, распоряжения и циркуляры всяк Божий день составлял, подписывал, брал на контроль и Оренбургский губернатор, генерал-адъютант Свиты Его Императорского Величества Василий Алексеевич Перовский.

И офицеры вверенного ему Отдельного Оренбургского корпуса мало чем отличались от семиреченских служащих в погонах по **военно-народному управлению**. Разве что больше было среди них отданных **на исправление** за те или иные провинности в столице или других видных российских местах.

Как **на Юге**, так и **по Северу** это управление (в идеале) с порога отвергало любую отсебятину, от кого бы ни исходила эта самочинность, что до сих пор не желают признать иные из моих же соотечественников, изображающих, например, в своих высокохудожественных, исторического колера творениях обладателя **пяти** дипломов самых престижных европейских университетов, губернатора Степного края Густава Христиановича Гасфорда (правильно: Гасфордта. — **В. В.**) крутым олигофреном (сиречь дураком).

Однако едко выхлестанный ныне, увы, покойным Сергеем Николаевичем Марковым в его превосходной книге “Идущие к вершинам” (“Советский писатель”, Москва, 1968) и ныне благополучно здравствующим Орынбаем Куленовичем Жанайдаровым в краткой “Поэме о Чокане” (в поэтическом сборнике “Тысяча окон в Степь” — “Елорда”, Астана, 2001) пресловутый Гасфордт, коль был бы круглым дураком, то уж, наверное, долго не держал бы при себе в адъютантах Валиханова, а в старших адъютантах — Колпаковского.

А он, Гасфордт, держал-таки!

И не Христа ради, не ради их службы и прокорма, а **всецело** разделяя с ними заботы и хлопоты по благу Степного края (а значит, и державы) и умело **направляя** их старания в нужные государственные русла. Они не могли вот так жить и действовать — Гасфордт сам по себе, а Колпаковский с Валихановым — тоже сами по себе. Известная басня француза Лафонтена и дедушки Крылова о Лебеде, Раке и Щуке тут никак неприложима.

Ну а какого калибра эти фигуры, полагаю, долго объяснять не надо.

Первый, Чокан Чингизович Валиханов (1835—1865), так значит он теперь уже в веках по своему российскому паспорту (а вовсе не — Уалиханов), гордость казахской нации и надежда своего великого старшего друга Достоевского, был вызволен самим же Марковым из густо

пропылённого пеплом забвения Небытия ещё в невозвратно далёком 1940 году и даже раньше:

“Чужая жизнь — безжалостней моей —/ Зовёт меня.../ И что мне делать с ней?/ Ведь можно лишь рукою великана/ В лазоревой высокогорной мгле/ Куском нефрита выбить на скале/ Рассказ о гордом подвиге Чокана!”.

А это уже потом, следом за Марковым, в прорубленное им окно стремительно, боясь опоздать на делёж Государственных премий (Сергей Николаевич, при всём его гигантски сделанном для СССР и Казахстана, официально так и не удостоился ни одной), устремились всевозможные “промелькнувшие метеоры” и “надежды, горящие впереди”.

А второй, Герасим Алексеевич Колпаковский (1819—1896), сейчас вызволяется из плена угрюмого забвения — как исключительно деятельный политик, умелый военачальник, спасший Казахское Семиречье от кровавого кокандского вторжения, а уйгурский народ — от китайского геноцида (этноцида), как толковый устроитель Семиречья и Степного края, вымахнувший при царях-государях от рядового солдата в высочайшие сановники, члены российского Военного совета, бескорыстно положивший все познания свои, силы и опыт на алтарь упрочения действительно тюрко-славянского единения.

Но однако труден сей процесс вызволения.

Ибо слишком много всевозможных спотыкачей в нём.

Ну так как без них?

Ведь по нашей старой исторической памяти, неистребимой никакими демократическими прививками и реформами, генерал-лейтенант Колпаковский вместе со своим патроном генерал-инженером Кауфманом и сменившими его губернаторами Туркестанского края, тоже генералами-золотопогонниками, Тевяшовым, Субботичем, Самсоновым, Куропаткиным и др. — это же мерзкие исчадия ада, презренные царские сатрапы и ненасытные колонизаторы, с первым лучом восхода солнца и до его заката только и поспешавшие испить, да побольше, народной кровушки, прежде всего тюркской. А вся Россия, согласно этой *твёрдой* памяти, — это огромная тюрьма народов. **Мать-мачеха** для них на всей одной шестой части земного шара в любые времена.

Вот так, а не иначе, и обозначил её в достопамятных 60-х годах XX века давний литературный авторитет журнала “Простор” (ещё со времён редакторства в нём незабвенного Дмитрия Фёдоровича Снегина), известный поэт Казахстана и классный переводчик Валерий Александрович Антонов, на склоне лет (сам узбекистанского рождения — 1933), решивший всё-таки податься на житие с постоянной пропиской к этой **матери-мачехе** (2004).

IX. Что у Перовского заимствовал Сталин

И Оренбургский губернатор Перовский, подобно своему старшему коллеге Гасфордту, глупыми и ленивыми людьми себя никогда не окружал. Ни на службе. Ни по жизни. А если они всё-таки близ него возникали, то стремился расстаться с ними известным способом — **повышением в должности с последующим от него выездом.**

А жизнь его военно-государственная была сплошь службой (точнее, **служением**) Царю и Отечеству, беспрерывной и денно-ночной.

И уж тут я позволю себе не согласиться с оценкой Перовскому, данной всегда милым моему сердцу Юрием Осиповичем (точнее, Иосифовичем) Домбровским почти полувек назад в журнале “Дружба народов” в краткой и даже беззаголовочной статье (а тогда большие у него никто не публиковал) на уже улучшенный вариант романа известного казахстанского писателя Николая Ивановича Анова “Ак-Мечеть”.

Домбровский написал, а журнал напечатал так о Перовском:

“Перед нами ограниченный — исторически и кастово, — хотя и очень умный, иногда великодушный, иногда по-зверски несуразно жестокий, а чаще всего одинаково равнодушный ко всему, администратор высшего класса, истинный деятель царствования, подходящего к концу”.

См.: “Дружба народов”, Москва, 1958, № 5, с. 252.

Явная алогичность тут глаз колет.

Во-первых, ну никак и нигде не может **администратор высшего класса** быть **одинаково равнодушным ко всему** — иначе ему этого **высшего класса** не видать, как собственного затылка. Во-вторых, до конца **царствования** на Руси — как формы верховной власти — ещё далековато: Перовский скончается в 1857 году, а **царствование**, как таковое, дворянская и армейская верхушка при полной поддержке большинства россиян упразднит в Феврале 1917 года — и никак не раньше.

Ещё нелепей выглядела оценка Перовскому, выданная двумя годами раньше Домбровского в ту пору ещё сравнительно молодым светочем нашей региональной критики Николаем Степановичем Ровенским на страницах журнала “Советский Казахстан”. Там Перовский у Ровенского чуть ли не враг № 1 всему казахскому народу, сущий злодей отпетый:

“Будучи выразителем монаршей воли, он упорно стремится задерживать развитие казахов на уровне отсталого кочевого образа жизни. Генерал-губернатор (опять эта никогда не занимаемая Перовским должность — **генерал-губернатор!** — В. В.) прекрасно владеет таким дешёвым средством воздействия, как демагогия”.

См.: “Советский Казахстан”, Алма-Ата, 1955, № 7, с. 130-135.

Единственное, что точно определил Ровенский — Перовский действительно являлся почти всегда и во всём **“выразителем монаршей воли”**.

Правда, заслуги Н. С. в этом диагнозе равным счётом никакой, поскольку ещё Лев Николаевич Толстой назвал Перовского **тенью** Государя Николая Павловича, ёмко вложив в эту лексему смысл адекватного **двойничества** и полной **копии**.

Причём, что до их отношений к казахскому народу, то ни Государь, ни его клевет Перовский вовсе не стремились **“упорно задержать развитие казахов на уровне отсталого кочевого образа жизни”**.

Иначе зачем бы им понадобилось брать 28 июля 1853 года после 26-суточной осады штурмом самую злую кокандскую крепость Ак-Мечеть и окончательно освобождать казахский народ от посягательств на него со стороны всякого рода чужеземцев — хивинских, бухарских, кокандских прежде всего, а исполину казахской инструментальной музыки Курмангазы запечатлевать на века этот великий подвиг в шедевральном кюе “Марш Перовского”?

Ну а в том, что свой “Марш Перовского” Курмангазы посвятил успешному взятию крепости Ак-Мечеть и предшествующему походу на неё, сомнений никаких быть не может. “Марш” — сочинение сугубо победное. И в

конец концов, не могла же стать его реальной основой провальная экспедиция Перовского на Хиву в 1839-1840 годах. Хотя, по Энгельсу, “официальная цель” этого архитрагического похода была достигнута, говорить об этом походе языком музыки в жанре марша (причём отнюдь не похоронного) было бы верхом нелепости и кощунства.

Да, Перовского Государь действительно всегда ценил, отмечал и любил. Говорят, пассиву его — тоже любил. По части амурно-альковной Государь не был промахом. Но это уже иная тема. Самого же Перовского Царь жаловал не только наградами, а ещё и самыми трудными державными поручениями, хорошо зная, что лучше его их никто не выполнит. Есть даже легенда о том, что, посылая Перовского управлять Оренбургским краем, Николай Первый якобы вручил ему чистые листы со своей подписью. Ну совсем как это в действительности делал с бланками Совнаркома Ленин, отдавая их в Смольном и Кремле, уже заверенными своей подписью, Троцкому.

А приглядел Государь Перовского в свои адъютанты ещё будучи Великим князем, а когда вступил на престол, сразу же произвёл 30-летнего Перовского в генерал-адъютанты своей Императорской свиты.

Самому же царю было тогда 29 лет.

С государственными делами Перовский справлялся.

А вот личной жизни у него так и не сложилось. Непутёвый сын его Алексей Васильевич Перовский за убийство по дикой пьянке собственного денщика был разжалован в солдаты и сослан на Кавказ. Там он стал даже кавалером ордена святого Георгия Победоносца. Но уже под боком у отца в Оренбурге кончил плохо. Опять пьянствовал напропалую, безудержно дебоширил. В один из дней обнаружили его бездыханным.

Да и был ли он его сын? Молва настойчиво приписывала отцовство Алексея Государю Николаю Павловичу.

Других личных бед тоже было у Перовского по горло и выше.

Но в державной службе своей он, как Гасфордт в случае с Колпаковским и Валихановым, тоже был не промахом, когда прочно и прагматично прибортовывал к своей служебной колеснице, скажем, выдающегося востоковеда, полковника Василия Васильевича Григорьева, уже в 26 лет утверждённого в звании профессора, свободно изъяснявшегося на казахском, татарском, турецком языках, не говоря уже о европейских, будущего устроителя и председателя международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге, автора работы “О переводе звуков киргизского (читай: казахского) языка буквами русской азбуки”, председателя Оренбургской пограничной комиссии в 1853-1863 годах, или же бывшего петрашевца Алексея Ивановича Макшеева — географа, этнографа, статистика, военного историка, впоследствии дослужившегося до чина генерал-лейтенанта и составившего капитальный труд “Исторический обзор Туркестана” (1891), или же бывшего черноморо-балтийского **флотского** Владимира Ивановича Даля.

Другой **флотский** — пятнадцать лет подряд по заданиям Перовского обследовавший тогда ещё мощное и своенравное Аральское море его истинный Колумб, известный российский гидрограф и кругосветчик, кавалер Золотой медали британского Королевского Географического общества, контр-адмирал Алексей Иванович Бутаков (1816—1869) сказал о Перовском примерно так:

“Наш Василий свет-Алексеевич возьмёт к себе на службу всех Робеспьеров и Маратов, лишь бы от них ему и России польза была”.

Ну а что же было за плечами у самого Оренбургского губернатора Перовского, когда брал он к себе на службу Григорьева с Макшеевым и **флотских** Бутакова с Далем — да и не только их?

О! Много чего такого было у Перовского, другим не снившегося даже в самых кошмарных снах.

Были две жестоких войны.

Отечественная война 1812 года с её Бородинским сражением. Она чуть было не отправила 18-летнего Перовского на тот свет, но поменяла маршруты, которые увели его очень далеко — в плен к французам, откуда он удачно возвратился домой, а тысячу раз мог бы и не вернуться.

Была и Русско-турецкая война 1828-1829 годов за раздел владений распадавшейся Османской Империи, да вот ещё и в защиту независимости Греции. На этой треклятой войне, куда вослед за лордом Байроном добровольцем устремлялся и Пушкин (слава Богу, этот номер не прошёл), Перовский был тяжко ранен в грудь. Но смерть отступила, видимо, для того, чтобы о нём в 1833 году вспомнил Государь и определил его взамен сухопарого Сухтелена губернатором Оренбургского края и командиром Отдельного Оренбургского корпуса.

Став губернатором Оренбуржья, Перовский сразу же приступил вплотную не только к сооружению многочисленных военных укреплений, но и к тому, чем его предшественник никогда не занимался.

Перовский стал первым (об этом писал Энгельс) вплотную исследовать устье Сырдарьи и Аральское море, тогда ещё сильное и рыбоносное, во многом предвосхитив труды академика Берга, учредил на Арале военную флотилию, а также мирное пароходное сообщение — вот для чего ему понадобились Бутаков с Макшеевым.

Примечательна отнюдь не символическая, а чисто практическая переписка времён: в годы Великой Отечественной войны на Арале успешно действовало крупное учебное подразделение, которое занималось подготовкой кадров боевых подводников для Краснознамённых Балтийского, Северного, Черноморского и Тихоокеанского флотов.

Эту **учебку** заканчивал, а потом воевал на Балтике мой школьный учитель Иван Егорович Квачко, ставший после войны, считаю, одним из самых лучших художников-пейзажистов Казахстана и всего Союза. А воевал он не у кого-нибудь, а в экипаже легендарной подводной лодки под командованием Маринеско, которого Гитлер за нанесённый колоссальный урон германскому флоту, вермахту и SS объявил своим личным врагом. Так вот в этой Аральской **учебке** всю пользовались картами и лоциями, составленными Бутаковым.

Первый же пароход с паровой машиной в 40 лошадиных сил Бутаков через степь и пустыню доставил на Аральское море в разобранном виде караваном верблюдов. Пароход был куплен в Швеции и уже перед дальней своей дорогой его окрестили, с позволения Государя, хорошо известным во всей Российской Империи именем — “Перовский”.

Перовский соорудил на северном берегу Каспия речной и морской порты. Тут тоже не обошлось без Бутакова и его молодцов из команды бравого капитана, грузина Эрдели.

Осуществил перепись **всех** степных колодцев, вплотную приступил к тому, что через сто лет и даже раньше будет называться метеорологическими и геологоразведочными работами, составлением геологических карт

и зональных карт плодородия почвы. Без помощи и поддержки земляков Курмангазы этого сделать было никак нельзя.

Пооткрывал для степняков новые школы. Здесь тоже надо было заинтересовать и убедить местное, как тогда говорили, **народонаселение** в огромной пользе этого дела. Самой известной стала семилетняя школа Перовского для казахских детей при Оренбургской пограничной комиссии, действовавшая с 22 августа 1850 года по 1869 год. В числе множества её достойных воспитанников — выдающийся казахский педагог-просветитель, писатель, фольклорист, этнограф, первый учитель-казах, автор учебников родного и русского языков для казахских детей, поборник обучения их в казахских школах на родном языке Ибрай Алтынсарин (1841—1889).

Перовский основал первую у себя газету — “Оренбургские губернские ведомости”. Она выходила по субботам, и сейчас её туго переплетённый комплект, отпечатанный на серого цвета рыхлой бумаге, похожей на обёрточную (другой тогда для газет не было), напоминает амбарную книгу.

Но в ней данной ему властью запретил гражданскому губернатору упоминать свою (Перовского) фамилию и сообщать, к примеру, о его выездах по служебным делам в Петербург “по высочайшему соизволению” точно, но опять-таки бесфамильно.

По совету Перовского в этих “Ведомостях” известный русский историк-востоковед, археолог, лингвист, нумизмат, впоследствии академик Петербургской академии наук Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов (1830—1904) опубликовал, а затем издал в Уфе отдельной книгой (1853—1855) “Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией”.

Как довелось мне выяснить, Перовский рекомендовал больше печатать сообщений о Степи и поучительного свойства. К примеру, об “исключении из дворянского сословия поручика Василия Комаровского, который по Высочайшему указу за кражу у мещанина Петрова золотого кольца и бронзовых запонок лишён всех прав состояния и отдан в военную службу”.

Такое уведомление я вычитал в номере его “Ведомостей”, датированных 16 апреля 1838 года.

А дабы уберечь губернию от **персон нон грата**, “Ведомости” публиковали их подробные приметы и называли их полные имена:

“Губернское Правление, в следствие предписания Господина Министра Внутренних Дел (Дмитрия Николаевича Блудова — племянника Державина, однокашника Пушкина по лицу и одного из учредителей общества “Арзамас”, будущего президента Петербургской академии наук, председателя Государственного совета и Кабинета министров. — **В. В.**)” даёт знать всем по губернии полицейским управлениям, что иностранцам: “Прусскому подданному трубочисту Иоганну Фридриху Капке и австрийскому подданному музыканту Фердинанду воспрещён обратный въезд в Россию”.

Что такого невероятного натворили в России эти трубочист с музыкантом, “Ведомости” не сообщали.

Публиковались в них также реестры награждённых, обширные списки белых российских крестьян — таковых по окраинам империи всегда объявлялось немало. В каждом номере “Ведомостей” можно найти строку:

“Пойманы нижепоименованные бродяги, назвавшие себя...” — и далее следовал перечень.

Предавались публичному позору клеветники и доносчики — “за сочинение ябеднических прошений”.

Был и такой вид государственного наказания за неблагоприятные поступки, как “лишение доброго имени”.

Всем силовым, вооружённым действиям в отношениях со Степью Перовский предпочитал мирные переговоры — даже с таким, казалось бы, неуступчивым оппонентом, каким целое десятилетие для царских властей был вождь повстанческого движения 1837-1847 годов Кенесары Касымов — сначала мятежный султан, а потом и создатель собственного государства, доставившего немало забот, прежде всего Кокандскому ханству, ну а Петербургу само собой.

Продолжительная война с Кенесары, как говорится в одном из самых распространённых учебных пособий по истории Казахстана, “не обещала быстрой победы. Вдобавок к этому между Оренбургским губернатором П. А. Перовским и Сибирским П. Д. Горчаковым возникли трения относительно методов борьбы с Кенесары. Перовский стоял за решение конфликтов путём переговоров, Горчаков — за военный вариант решения вопроса”.

См.: Национальная академия наук Республики Казахстан, Институт истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова, Институт археологии имени А. Х. Маргулана. Фонд развития “Казахстан”. История Казахстана с древнейших времён до наших дней. Издательство “Дауір” (“Эпоха”), Алматы, 1993, с. 220.

Наблюдение насчёт “трений относительно путей борьбы” правильное, но чересчур беглое. Видимо, полное раскрытие принципиального столкновения Перовского с Горчаковым (не путать одного с “русским Бисмарком” Александром Михайловичем Горчаковым) пока ещё в задачу наших современных учебных пособий не входит. Как, впрочем, и сугубая точность в обозначении ими исторических персоналий — в данном случае Перовский здесь почему-то “П.”, а не “В.”, тогда как ни Петром, ни Павлом он никогда не был, Порфирием тоже.

Вопреки рекомендациям своего покойного предшественника графа Сухтелена Перовский усиленно насаждал по всей губернии, а по возможности и окрест неё, самые разнообразные, но крайне полезные ремёсла — строительные, ткацкие, кожевенные, пивоваренные и прочие, однако и про дельные советы своего предшественника тоже не забывал — старался ввозить из других российских мест, ближних и самых дальних, всё, в чём нуждались Степь и её люд.

Убеждал народ Степи в благополезности не только кочевого скотоводства, но и оседлого земледелия.

Да и выгодной торговли со всеми соседями тоже — ближними и дальними.

Старался преобразить **“древесными посадками”** весь облик сурового края. Мы как-то совсем подзабыли о послевоенном Великом Сталинском плане преобразования природы и о том, что неотъемлемой частью его было создание больших по протяжённости **лесополюс** в степи, умягчающих её климат, а потому значительно сопутствующих плодородию её обширных земель. Так вот, по части **лесополюс** этот грандиозный план калькировал (копировал) точь-в-точь успешную практику Перовского.

Словом, страстно радел он за огромный свой край денно и ночью, всегда и во всём.

Х. Даль: Зигзаги судьбы

Даль, видя это, более семи лет усердно служил губернатору Перовскому — с 1833 года по 1840-й. Но в глазах Перовского он был силён вовсе не в морском деле и медицине.

И тем не менее Перовскому нужен был и **свой** доктор. Его постоянно мучила жуткая рана в груди, полученная ещё в 1828 году в страшной битве с турками под Варной.

Однако годился ли Даль для роли **личного** врача?

Выходит, да. Тем более уж очень настойчиво за него ходатайствовал старший брат Перовского — Алексей Алексеевич, попечитель Харьковского учебного округа, автор в ту пору известных романов и повестей под псевдонимом Антоний (Антон) Погорельский.

Брату Перовский отказать не мог.

На службу к Перовскому Даль был зачислен с 6 мая 1833 года.

А флот Даль оставил сравнительно быстро вовсе не по нездоровью или по отвращению к розгам, как ещё недавно писалось у нас для очень легковёрных юных ленинцев (телесные наказания в войсках на суше и на море отменил лишь Александр Второй).

См.: М. Баранова. “Без языка и колокол нем”. Ко дню рождения В. И. Даля (1801—1872). “Пионерская правда”, Москва, 1991, 23 ноября.

Нет, вовсе нет. Экстренной переквалификации Даля из **флотских** в **лекари** немало поспособствовали по меньшей мере два серьёзных обстоятельства.

Первое относилось к сугубо физиологической стороне его морской службы: Даль, в отличие от своего брата Карла, тоже морского офицера (увы, умершего молодым) ещё в гардемаринах не мог переносить даже самой малой качки (т. н. “**морская болезнь**”).

Второе (а по значению, быть может, и первое) обстоятельство заключалось в предельно очернившей ему впредь на 35 лет **анкету** его судебная тяжба с прославленным (ныне благодарными потомками полузабытым) российским адмиралом Алексеем Самуиловичем Грейгом.

По мнению суда, мичман Даль (из датчан) безнравственно, злонамеренно и густо **опасквилил** главного командира Черноморского флота, военного губернатора Николаева и Севастополя Грейга (из шотландцев).

Дело было небывалым и громким: самый нижний офицерский чин поиздевался над седым адмиралом всласть и самым беспардонным образом. Мичман Даль язвительно и публично надсмеялся (позубоскалил) над **утешными связями** Грейга с молодой еврейкой (по выражению Мельникова-Печерского, “**пошутил над усладою поздних лет его**”).

Взбеленный любимец адмиралов Синявина и Нельсона Грейг долговременного сражения с мичманом Далем, побывавшим под арестом за свои “пасквили” более семи месяцев — с ноября 1823 года по 12 апреля 1824 года, так и не сумел выиграть: Даль оставил Черноморский флот ради Балтики даже с повышением, получив лейтенантское звание.

На Балтике же Даля, если верить его советскому биографу, чуть ли не более всего остального удручали аховые порядки, при которых в особой чести были “мастера докладывать, что дела отменно хороши. Румяный император проследовал на катере мимо кронштадтского рейда, кивая головой, оглядывая стройный ряд кораблей; а корабли покрасили только с одной стороны — с той, которая на виду”.

См.: Владимир Порудоминский. Даль... с. 63.

Но в своих затяжных борениях с Грейгом и Даль не победил: 35 лет (!) с него не снималась эта, явно не украшавшая его, позорная **судимость**.

И диплом врача Даль получал (по меркам своих времён) поздновато — 28-ми лет от роду в Дерптском университете в 1829 году.

К слову, но отнюдь не лишнему: бывал я в Дерптском университете в начале 80-х годов XX века — он уже давно назывался Тартуским — Даля там уже тогда тамошние светила эстонской науки и педагогики припоминали с большой умственной натугою.

Впрочем, проклятым недугом беспамятства отмечены не только прибалты. Как честно не сокрыл дореволюционный биограф Даля священник Модестов, оренбуржцы ещё раньше тоже оказались хороши: они (цитирую святого отца) “успели настолько основательно забыть Даля, что даже местная учёная архивная комиссия не отметила 100-летие со дня его рождения. Только редакция местной газеты “Оренбургский листок” поместила краткие биографические сведения об этом “случайном оренбуржце”. Комиссия же “даже не сумела сохранить в целостности всех документов, относящихся к его жизни и деятельности в Оренбурге”.

См.: Владимир Иванович Даль в Оренбурге. Исторический очерк. Составил действительный член Оренбургской учёной архивной комиссии священник Николай Модестов. Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Выпуск XXVIII-й. Типография Тургайского областного правления. Оренбург, 1913, с.5, 92.

Однако Даль, в глазах Перовского, был силён не своим дипломом медика из Юрьева — Дерпта — Тарту и даже не ратными подвигами, а тем более его многочисленными повестями и рассказами.

О них Перовский был примерно такого же мнения, что и заставший их обоих в живых энциклопедист начала 90-х годов XIX века С. А. Булич, без обиняков заметивший то, что (цитирую) “... многочисленные повести и рассказы его (Даля) страдают отсутствием настоящего художественного творчества, глубокого чувства и широкого взгляда на народ и жизнь. Дальше бытовых картинок, схваченных на лету анекдотов, рассказанных своеобразным языком, бойко, живо, с известным юмором, иногда впадающим в манерность и прибаутчность, Даль не пошёл”.

См.: Энциклопедический Словарь Брокгауза и Ефрона. Том 4-й, Санкт-Петербург, 1893, с. 47.

Но Перовский первым не только заметил, но и поощрил неодолимую тягу Даля к Народному Слову, каковая успешно сочеталась Далем с безукоризненным выполнением всех служебных поручений Перовского. А по сему он и облагодетельствовал его чином коллежского асессора, годовым окладом в 1 500 рублей и даже ходатайствовал в 1839 году о выделении ему 1 000 десятин оренбургской земли (правда, её Даль так и не получил) “за отлично-усердную службу Государю Императору”.

Перовский из Даля сделал ДАЛЯ.

Говоря нынешним словом, стимулировал так, что позже Даль, только один из восьмерых чиновников для особых поручений у Перовского, стал доселе никем не превзойдённым российским (а значит и мировым) лексикографом.

Другие **семеро** чиновников для особых поручений, тоже люди, не хлебавшие щи лаптем, пооставались самими собой, включая полковников и родовитых князей, даже, если, как Станислав Тимофеевич Циолковский, и вышли в генералы.

Помимо русского, Даль знал (под началом Перовского, не дававшего ему засиживаться в Оренбурге, познал) немецкий, французский, английский, украинский, белорусский, польский языки, владел казахским, татарским, башкирским, читал и писал на латыни, изучал болгарский и сербский языки.

А что же у Даля было на творческом счету до его службы у Перовского, целью которой, по точным словам современника, было единственное: **“заслужить новое имя в свете”**?

Решительно ничего такого, способного указать на его высшее предназначение. Две **хохотательные** пьески “Невеста в мешке” (1821) и “Медведь в маскараде” (1822), неоконченный “Роман в письмах” (1825). Рукопись этнографического очерка “Цыганка”. С ним он печатно дебютировал в 1830 году. Однако ни славой, ни деньгами “Цыганка” с “Невестой” и “Медведем”, увы, его не одарила. О поэтических опытах, напечатанных военно-морским журналом “Славянин”, вообще не говорю. Это типично графоманические эскизы, не более того.

Да вот ещё были собранные под одну обложку и обработанные им для **“предания тиснению”** в 1832 году “Русские сказки”, а потом в следующем, 1833 году, **к приезду лично ему до того малознакомого Пушкина в Оренбург**, первая (из четырёх) книга под общим названием “Были и небылицы”.

За “Русские сказки” в 1832 году его по доносу Булгарина по личному приказу Государя арестовали и доставили в Третье Отделение. Пишут: от суровых последствий Даля спас Жуковский, побывавший накануне (в июле 1831 года) в Оренбурге вместе с будущим царём Александром Вторым — там и в Уральске местные достопримечательности им показывал Даль. Конечно же, впечатлениями от этой поездки Жуковский поделился с Пушкиным.

Но никакой дружбы до Оренбурга меж **коллежским ассессором** Далем и **титულярным советником** Пушкиным не водилось.

Как, впрочем, особой её не было и после.

Что же касается счастливого освобождения Даля из-под ареста, то Жуковский тут ни при чём, поскольку в 1832 году находился далеко от Даля — за границей.

Помиловал Даля сам Государь Николай Павлович.

Уж больно запомнился Его Императорскому Величеству ратный подвиг Даля, свершённый в Польше на переправе через Вислу.

XI. О чём говорить в дороге

Время своей первой встречи с Пушкиным Даль обозначил точно. На встречу напросился сам: “Это было в 1832 году, когда я по окончании турецкого и польского походов поехал в столицу и напечатал первые опыты свои... Виделся с ним раза два или три”.

Ну и память же у Даля, право, даже слабее девичьей: “... раза два или три”.

И сказано это не о ком-либо, а о — Пушкине!

Знаток жизни и творчества Даля комментирует:

“Так о дружбе не пишут. Дружба, — объяснял Даль — это “взаимная привязанность”, “тесная связь”, “стойкая приязнь”... Даль не считался близким Пушкину человеком — просто добрый знакомый...”.

См.: Владимир Порудоминский. Даль... с. 139, 166.

В том же 1833 году (никак не раньше!) Даль встретился впервые с Пушкиным **поплотнее**.

Кто не знает: в дороге незнакомые люди часто делятся тем, что в другое время никакому знакомому не поведаешь. Вот и у Даля с Пушкиным тоже возникли своего рода дорожно-путевые дружество, приязнь, доверительность.

Однако пока ещё не более того.

(Их дорогу мне совсем не трудно и даже очень интересно представить зрительно, со всеми её изгибами, подворотами и поворотами. И не только с земли, а ещё и с неба, ибо судьбе угодно было, чтобы я в 50-х годах минувшего века, сразу же после полноценного курса Казахского аэроклуба, считавшегося одним из самых лучших в СССР, попал ещё и в так называемую 15-ю ВАШЛ — Военно-авиационную школу лётчиков — в Уральск, а оттуда уже в Красный Кут под Саратов, а из Красного Кута — в БУЦ — Бузулукский учебно-лётный центр — вспоминать об этом, как про молодость вообще, всегда не только приятно, а ещё и поучительно).

Но вот какое дело, считаю, совсем не случайное: отчего бы это под дорожные сказки Даля и свидетельства местных старожилов о Пугачёве занёс 34-летний А. С. в свою записную книжку ещё и такую **воспоминательность** о своём же друге, совсем не по теме кровавой Пугачёвщины:

“Дельвиг звал однажды Рылеева к девкам. “Я женат”, — отвечал Рылеев; “Так что же, сказал Дельвиг, разве ты не можешь отобедать в ресторации потому только, что у тебя дома есть кухня”.

См.: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10-ти томах. Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, том 8-й, Москва, 1958, с. 111.

Не всё, далеко не всё занёс А. С. в свой дорожный дневничок. Даже фамилию и звание полковника, у которого знатно погостевал с Перовским и даже парился в бане, не черкнул, хотя и не забыл про этого полковника, всегда помнил о нём, даже прислал и для него из трёхтысячного тиража экземпляр “Истории Пугачёвского бунта” с такой примечательной **наводящей**: “Тому офицеру, который сравнивал вальдшнепа с Валленштейном”.

Вальдшнеп, понятно, птица, лесной кулик, объект охоты — Пушкин в Оренбурге и весело поохотиться успел вместе с тамошней чиновной знатью в имении богатого друга Перовского татарина Тимашова. А вот Альбрехт Евсевич Венцель Валленштейн (Вальдштейн) — это полководец времён Тридцатилетней войны, главнокомандующий войсками “Священной Римской Империи”, гроза датчан и немцев, убитый однако в 1634 году своими же офицерами за некие шашни с неприятелем (шведами), показавшиеся им изменой.

Биографам Поэта, никогда не страдавшего провалами памяти, сия забывчивость кажется странной.

Мне тоже.

Общеизвестно, а стараниями, в частности, и наших, казахстанских пушкинистов ещё и со всей достоверностью дополнено, что сам А. С. ни банями, ни **“ресторациями”** никогда не пренебрегал.

См.: Николай Раевский. Портреты заговорили. “Жазушы”, Алма-Ата, 1976; Евгений Гусляров. Суеверный Пушкин. Повести. “Жалын”, Алматы, 1994; Константин Гайворонский. Между Сциллой и Харибдой. “Раритет”, Алматы, 2001 и др.

Про магнетизм **любовного** очарования Пушкина говорить можно много и долго. Что, право, нередко делалось прежде и делается ныне с немалым упоением. Это очарование было настолько притягательно, что во время тяжёлой болезни А. С. в 1818 году (нечто вроде тифа, именуемое тогдашними лекарями **горячкой**) одна из его пассий дабы проникнуть к нему переделалась гусаром. Ловкий маскарад удался вполне, что несколько позже 20-летний А. С., уже создав не менее 120 стихотворений и приступив своей поэмой “Руслан и Людмила” к преобразованию русской словесности, с восторгом отметил в романтических стихах “Выздоровление”:

“Ты ль, дева нежная, стояла надо мной/ В одежде воина с неловкостью приятной?../ Явись, волшебница!/ Пускай увижу вновь/ Под грозным кивером твои небесны очи,/ И плащ, и пояс боевой,/ И бранной обувью украшенные ноги”.

До нас дошло имя обладательницы **небесных очей** и прочих несомненных прелестей.

Юную **волшебницу** звали Елизавета Шот-Шедель.

См.: Т. Г. Цявловская. “Рисунки Пушкина”. — “Искусство”. Издание второе, пересмотренное и расширенное. Москва, 1980, с. 57.

Татьяна Григорьевна Цявловская, пушкиновед искушённый и подлинный, не сокрыла своего любования этим забавным эпизодом из жизни молодого гения и — правильно сделала.

Наш казахстанский автор тоже с лёгким восхищением констатирует: страстно А. С. обожаемая и лелеемая Натали, Наталья Николаевна Гончарова была у Пушкина, оказывается, 113-й любовью.

См.: Константин Гайворонский. Между Сциллой и Харибдой. “Раритет”, Алматы, 2001, с. 107, 261.

А сам Поэт и не отрицал. Он аккуратно вёл **донжуанский список** — точный реестр больших, средних и малых побед на безграничном фронте Эроса и, **не стесняясь**, признавался в них друзьям.

Одной из покидаемых им особ внушал:

“Хотите, я буду совершенно откровенен? Может быть, я и изыщен и благовоспитан в своих писаниях, но сердце моё совершенно вульгарно... Я по горло сыт интригами, чувствованиями, перепиской...”.

См.: Т. Г. Цявловская. “Рисунки Пушкина”..., с. 196.

Конечно, касательно **вульгарности** А. С. малость преувеличивал и сильно актёрствовал. Ибо нежные чувства, прежде долго питаемые к Елизавете Михайловне Хитрово (дочери полководца Кутузова), которая была старше Поэта на 16 лет, уже окончательно выгорели в его сердце. Поэтому для полного разрыва ему надо было подать ей себя в самом никчёмном виде. Исключительно сложные отношения сложились у Поэта и с внучкой Кутузова — графиней Дарьей Фёдоровной Фикельмон.

Женитьба на Наталье Николаевне Гончаровой поставила в его странном **вахтенном журнале** точку.

Вроде бы окончательную и бесповоротную...

Окончание в следующем номере.

Амантай КАКЕН

“Будут стихи мои жить без меня...”

*И горе знай, и радости любви,
Плыви и ветер парусом лови,
И в царство справедливости и счастья
Ты приплывёшь! Раз ты в пути — плыви!*

Сакен Сейфуллин

Послушное орудие режима

Массовые репрессии и террор были неотъемлемой частью советской системы. Архивные документы свидетельствуют, что власть не просто провоцировала развитие идейной борьбы среди интеллигенции, но и обозначала имена тех из них, кого определяла в качестве своих противников — националистов. Таковыми были названы Ахмет Байтурсынов, Елдос Омаров, Жусупбек Аймаутов, Халел Досмухамедов, Мухтар Ауэзов, Миржакип Дулатов, Мухаметжан Тынышпаев, Телжан Шонанов, Алихан Букейханов, Магжан Жумабаев, Кошке Кеменгеров, Габбас Нурымов, Ахметсапа Юсупов (Жусипов). Так называемые властью “националисты” противопоставлялись революционному крылу в лице Сакена Сейфуллина, Назира Тюрякулова, Габбаса Тогжанова, Молдагали Жолдыбаева, Беимбета Майлина, Смагула Садвакасова, Ильяса Джансугурова, Абдрахмана Байдилдина, Ергали Алдангоровы и др.

Разумеется, стратегическая линия по выявлению, уничтожению классовых врагов, обозначенная ЦК ВКП(б) и лично Сталиным, осуществлялась партийными и другими общественными организациями, правоохранительными органами и различными ведомствами, в том числе, конечно, специальными службами государства. Вместе с тем последние, несомненно, обладая чрезвычайными полномочиями, порой воспользовались некоторым особым расположением власти. Так, ещё на заре советской эпохи согласно специальному декрету, подписанному Лениным, сотрудники ВЧК по статусу были приравнены к красноармейцам, на них полностью распространялось законодательство, связанное с воинской службой. Работники ВЧК-ОГПУ-НКВД имели определённые льготы: им присваивались особые звания, отличные от общевоинских, они получали повышенную заработную плату, доступ к распределителям продовольствия, ширпотреб, возможность внеочередного обеспечения жильём и т. п.

В октябре 1935 года для сотрудников органов НКВД были введены знаки различия, специальные звания и проведено их разделение на работников государственной безопасности (бывших сотрудников ОГПУ) и работников органов внутренних дел. С этого времени появилось используемое до сих пор понятие государственной безопасности. Для сотрудников ГУГБ вводились звания: комиссар гб 1-го ранга, 2-го ранга, 3-го ранга; старший майор гб; майор гб; капитан гб; старший лейтенант гб; лейтенант гб; младший лейтенант гб; сержант гб и спецзвание (с 26 ноября 1935 года) — генеральный комиссар государственной безопасности, которое

присваивалось наркомам внутренних дел. Первым генеральным комиссаром государственной безопасности стал нарком Г. Г. Ягода.

Комиссарами госбезопасности 1-го ранга стали шесть виднейших чекистов: оба заместителя наркома — Я. С. Агранов и Я. С. Прокофьев и четыре руководителя крупнейших региональных управлений НКВД — С. Ф. Реденс (Москва и Московская область), Л. М. Заковский (Ленинградская область), Т. Д. Дерибас (Дальневосточный край) и нарком внутренних дел Украины В. А. Белицкий.

Звания комиссаров гб 2-го ранга получили 13 человек, в том числе начальник УНКВД по Казахской АССР Л. Б. Залин, комиссарами гб 3-ранга — 18. Около 50 чекистам присвоено звание старшего майора гб.

Эти звания были выше общевоинских на две ступени. Об этом свидетельствует сравнительная таблица примерного соответствия званий в РККА со специальными званиями в органах госбезопасности: младший лейтенант — сержант гб; лейтенант — старший сержант гб; старший лейтенант — младший лейтенант гб; капитан — лейтенант гб.

Майор — старший лейтенант гб; подполковник — капитан гб; полковник — майор гб.

Генерал-майор — старший майор гб; генерал-лейтенант — комиссар гб 3-го ранга; генерал-полковник — комиссар гб 2-го ранга; генерал армии — комиссар гб 1-го ранга.

Маршал СССР — генеральный комиссар гб.

В последующие годы знаки различия и звания сотрудников органов госбезопасности менялись и дополнялись; 9 июля 1945 года они были заменены на соответствующие воинские звания и погоны.

На постсоветском пространстве стихийно, а может быть, по другой причине, роль и значение специальных служб, являющихся наследниками ВЧК-КГБ, как нам кажется, иногда сильно преувеличиваются, что не совсем соответствует действительности. Занимая одно из ведущих мест в структуре государственного механизма, спецслужбы никогда не являлись главной силой, определяющей судьбу общественно-политического строя страны. Они представляли собой только часть управленческого аппарата и послушное орудие режима, беспрекословно исполняющее директивы власти, поскольку стратегические задачи определялись не ими, а политическим руководством. По крайней мере, так было всегда. Почему великая, могучая держава — СССР на наших глазах в одно мгновение распалась как картонный домик? Виноват ли в этом только КГБ?

Забегая вперед, скажем, что государство имело — в лице КГБ и пограничных войск — очень жесткую защиту от всякого рода лазутчиков, но не могло даже глаз поднять на партийно-советскую элиту. И что бы ни творил высокопоставленный “деятель”, КГБ, оставаясь в рамках своих полномочий, был бессилен. А за рамки никто выходить не хотел — инициатива наказуема...

Существовали приказы председателей КГБ, запрещающие проводить какую бы то ни было проверку советской элиты и членов их семей. Если сотрудник КГБ получает информацию компрометирующего характера на этих людей, он обязан немедленно её уничтожить. Был снят всякий контроль (в том числе и в КГБ) с руководящей элиты — членов ЦК, секретарей обкомов. Существовала специальная директива, согласно которой запрещалась

агентурная работа (включая прослушивание, наружное наблюдение и т. п.) над депутатами, партийными, комсомольскими, профсоюзными работниками высокого ранга. Даже если в следственных делах КГБ нити вели к её представителям, то они обрывались, а расследование прекращалось. Любые материалы на высшую партноменклатуру (например, случайно проявившиеся по другим делам) подлежали уничтожению.

Итак, в послесталинский период из-под оперативного наблюдения были выведены номенклатурщики. Спецслужбы работали под непосредственным контролем и руководством ЦК КПСС и его органами на местах. С этой же целью постоянно укреплялся руководящий состав КГБ лицами из числа партийно-комсомольских работников (иногда — науки). Вот некоторые из них:

первый заместитель председателя КГБ СССР генерал-полковник Г. Е. Агеев перемещён с должности второго секретаря Иркутского обкома КПСС;

председатель КГБ генерал армии Ю. В. Андропов (секретарь ЦК КПСС);

первый заместитель председателя КГБ генерал армии Н. П. Емохов (директор НИИ);

заместитель министра госбезопасности по кадрам генерал армии А. А. Епишев (первый секретарь Одесского обкома КП(б)У);

председатель КГБ генерал армии В. А. Крючков (помощник секретаря ЦК КПСС);

заместитель председателя КГБ генерал-полковник В. Я. Лежепёков (второй секретарь Минского обкома КПБ);

первый заместитель председателя КГБ генерал-майор К. Ф. Лунев (зав. административным отделом МГК ВКП(б);

заместитель председателя КГБ генерал-полковник В. П. Пирожков (второй секретарь Алтайского крайкома КПСС);

заместитель председателя КГБ — начальник управления кадров КГБ генерал-лейтенант В. А. Пономарёв (первый секретарь райкома КПСС);

заместитель председателя КГБ — начальник УКГБ по г. Москве и Московской области генерал-лейтенант В. М. Прилуков (секретарь Свердловского райкома КПСС г. Перми);

председатель КГБ генерал-полковник В. Е. Семичастный (второй секретарь ЦК КП Азербайджана);

председатель КГБ генерал-армии В. М. Чебриков (второй секретарь Днепропетровского обкома КПУ);

председатель КГБ А. Н. Шелепин (заведующий отделом партийных органов ЦК КПСС // став председателем КГБ, отказался от положенного “по должности” генеральского звания. — **А. К.**).

Партия в КГБ осуществляла “политическое руководство”, что подразумевало возможность некомпетентного вмешательства в оперативную работу даже со стороны партийных секретарей областного масштаба. Вспомним популярную книгу Б. Н. Ельцина периода “перестройки” — “Исповедь на заданную тему”, где он писал: “Сидели у меня втроём — я, Пирожков, Корнилов. Шла спокойная беседа, и Корнилов, между прочим, сказал, что управление КГБ работает дружно с обкомом партии. И вдруг Пирожков рявкнул: “Генерал Корнилов, встать!”. Тот вскочил, руки по швам. Я тоже в недоумении. Пирожков, чеканя каждую фразу, произнёс: “Зарубите себе на носу, генерал, во всей своей деятельности вы должны не дружно работать с партийными органами, а вы обязаны работать под их руководством и только”.

По-моему, всё понятно.

На протяжении всей истории Российской империи спецслужбы играли значительную роль, активно влияя на внутреннюю и внешнюю политику, начиная с периода создания централизованного государства. Следующим этапом формирования органов госбезопасности в России можно считать опричников, являвшихся личным вооружённым отрядом Ивана Грозного, занимавшихся оперативной и следственной деятельностью и обладавших чрезвычайными полномочиями. Правда, страшный опричный террор нанёс огромный ущерб государству и стал одной из причин Смутного времени, в ходе которого страна чуть было не потеряла свою национальную независимость.

Образование уже в царствование Алексея Михайловича Приказа тайных дел имело главной целью борьбу с внутренней оппозицией, так же как и организация ВЧК в 1917 году. Вместе с тем борьба со всевозможными “бунтами и революциями” не всегда давала должные результаты. Не были предотвращены ни одно из крупнейших крестьянских восстаний, ни дворцовые перевороты 1741, 1762 и 1801 гг., ни выступление декабристов 1825 года. Этому способствовала ведомственная разобщённость существовавших к началу XIX века структур, занимавшихся вопросами политического сыска и контршпионажа.

Параллелизм и дублирование этих специфических функций были частично преодолены с созданием в 1826 году Третьего отделения, которое, обладая широкими полномочиями, действовало довольно успешно, если учитывать, что бороться ему приходилось в основном с малочисленными студенческими кружками и следить за ссыльными декабристами, а вооружённое восстание в Польше (1830-1831 гг.) также не удалось предотвратить.

В царствование Александра II та же история повторилась с успешно раскрываемыми малочисленными революционными организациями и новым польским восстанием 1863-1864 гг., покушениями на императора, предпринятыми народниками (последнее из них 1 марта 1881 года достигло цели).

В правление последнего русского императора отдельные тактические успехи спецслужб были связаны с широко применявшимся методом провокации, и такие крупные неудачи, как убийства министра внутренних дел В. К. Плеве и великого князя Сергея Александровича, — также. Но саму монархию царским спецслужбам спасти не удалось.

Большевики, создавшие ВЧК, после первых неудач (Ярославский мятеж и левозеро-ское выступление 6 июля 1918 года) в ходе Гражданской войны разгромили вооружённую оппозицию, которую пришлось добивать в 20-30-е годы (ликвидация всевозможных банд и подавление крестьянских восстаний), и к началу Великой Отечественной войны в стране практически не было организованных антиправительственных структур. Массовые репрессии в конце 30-х годов не только уничтожили сотни тысяч советских людей, но в том числе и немало чекистов, которые были в первых рядах, как им казалось, борьбы с контрреволюцией.

В 1937-1938 годах репрессии достигли наибольшего размаха. На какое-то время органы НКВД фактически вышли из-под контроля со стороны государственных органов и партийных организаций. Они развернули чудовищную борьбу с теми, кто по каким-либо действительным или надуманным причинам подпадал в категорию “врагов народа”. Основаниями

для арестов служили не только донесения информаторов, но и картотеки, составленные ранее на социально чуждые элементы. В практике местных органов стали применяться лимиты на аресты.

В качестве подтверждения можно привести один из документов той поры, взятый из Архива Президента Республики Казахстан.

19 ноября 1937 г.

Строго секретно

Особая папка

... 2. На основании решения ЦК ВКП(б) от 17 ноября с. г. увеличить дополнительно количество репрессируемых антисоветских элементов по:

Области	по 1-й категории на человек		по 2-й категории на человек	
	перво- началь- ный план	утверж- дён- ный план	перво- началь- ный план	утверж- дён- ный план
Алма-Атинской	400	300	600	500
Южно-Казахстанской	150	150	400	300
Актюбинской	100	150	—	150
Кустанайской	200	200	300	250
Западно-Казахстанской	—	—	200	200
Северо-Казахстанской	200	200	500	550
Карагандинской	200	250	400	300
Восточно-Казахстанской	400	400	400	350
Резерв	275	350	200	400
	1925	2000	3000	3000

Подписи семи членов бюро.

Примечание: К 1-й категории относились “наиболее враждебные” антисоветские элементы, подлежащие расстрелу; ко 2-й — подлежащие заключению в лагеря или тюрьмы на срок от 8 до 10 лет.

Председатель Военной коллегии Верховного суда СССР Василий Васильевич Ульрих потом доложит, что за два “ежовских” года Военная коллегия приговорила “к расстрелу 36514 человек, к тюремному заключению — 5643 человека. Всего 42 157 человек”. Любое дело рассматривалось не более 15-20 минут, иначе бы не достичь такой фантастической производительности.

В 1937 году было арестовано за контрреволюционные преступления 936750 человек, в 1938-м — 638509. В 1937-м расстреляли 353074 человека (то есть больше, чем каждого третьего). В 1938-м — 328618 (каждого второго).

В начале 1938 года властью предприняты некоторые действия по исправлению политической ситуации с целью предотвращения полного беспорядка в стране. Пленум ЦК партии, проходивший с 11 по 20 января, принял постановление “Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключённых из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков”. Это “исправление” не означало, однако, прекращения репрессий. Новая

кампания носила двойственный характер. С одной стороны, направленная против клязушников, карьеристов — этих “скрывающихся врагов”, создававших атмосферу недоверия в партии, обвиняя честных коммунистов в недостатке бдительности и в сношениях с врагами, с другой стороны, она ударила по части сотрудников НКВД, прокуратуры и судебных органов, возложив на них ответственность за “ошибки”, допущенные в 1937 году.

Была репрессирована, осуждена и расстреляна большая часть руководителей центрального аппарата НКВД, стоявших у истоков создания и развития советских органов госбезопасности, многих работников среднего и низшего звена. Уничтожены начальник секретно-политического отдела ГУГБ Г. А. Молчанов, бывший нарком НКВД Г. Г. Ягода, бывшие заместители наркома внутренних дел Я. С. Агранов и Г. Е. Прокофьев, начальник ИНО А. Х. Артузов и другие. В региональных наркоматах и управлениях также проводились массовые аресты и внесудебные расправы. Погибли наркомы внутренних дел: Украины — В. А. Балицкий, Белоруссии — Б. Д. Берман и А. А. Наседкин, Армении — Х. Х. Мугдуси и В. В. Хворостян, Узбекистана — Н. А. Загвоздин и Д. З. Апрусян, Туркмении — Ю. Л. Зверев и О. Я. Нодев, Киргизии — В. Н. Четвертаков и И. П. Лоцманов, Казахстана — Л. Б. Залин и С. Ф. Реденс.

Сейчас стало известно, что всего по стране было организовано 64 “тройки”, председателями которых назначены наркомы-начальники НКВД-УНКВД республик, краёв, областей (приказ НКВД СССР № 00447 от 30.07.1937). Из них осуждены: к ВМН — 40 человек, к лишению свободы — 4, в ссылку — 2; 2 человека застрелились; К. Я. Теннисон (Карельская АССР) умер в Бутырской тюрьме, находясь под следствием; Г. С. Люшков (Дальневосточный край) бежал в Маньчжурию, убит японцами; Ю. Д. Сумбатов-Топуридзе (Азербайджанская ССР) умер в тюремной психбольнице. По областям Казахской ССР действовали восемь “троек”, из числа которых осуждены начальники УНКВД: С. Ф. Пинталь (Южно-Казахстанская область) — к ВМН; М. К. Ромейко (Западно-Казахстанская область) — на 15 лет ИТЛ, умер в лагере; Н. А. Павлов (Кустанайская область) — на 15 лет ИТЛ; У. М. Шабанбеков (Алма-Атинская область) — 10 лет ИТЛ, умер в лагере. Б. Н. Чирков (Восточно-Казахстанская область) — лишён звания Героя Социалистического Труда за нарушения социалистической законности в период работы в НКВД.

По признанию арестованного позднее Ежова, он “почистил” 14 тысяч сотрудников НКВД, однако большинство из них не имели отношения к собственно госбезопасности (ГУГБ), будучи пожарными, милиционерами и т. п. Что же касается собственно чекистов, то с 1 октября 1936 года по 1 января 1938 года из органов ГУГБ было уволено 5229 оперативных сотрудников, из них арестованы 1220 человек. При этом 884 человека были арестованы за контрреволюционную деятельность, 172 — за уголовные преступления и 164 человека — за развал работы, пьянство и дискредитацию органов НКВД.

Подводя итог массовым репрессиям в период “ежовщины”, нельзя сказать точно, кто пострадал от них больше, а кто меньше. Какой-то общей закономерности в них не прослеживается. Инициированная политическим руководством кампания быстро вышла из-под контроля и захлестнула общество. Досталось, как говорят, “всем сестрам по серьгам”. Яростная и безжалостная машина репрессий в обстановке массового психоза и

истерии была зачастую не разбирая правого и виноватого, оставляя кровавые следы во всех общественных слоях и группах.

В свете сказанного нужно рассматривать вопрос о сопротивлении режиму, который иногда поднимается в печати. Безусловно, что даже в обстановке массовых репрессий в обществе существовали антисоветские и антисталинские настроения, была масса недовольных. И всё же, видимо, не стоит преувеличивать масштабы этого сопротивления. Сталинский режим имел свои социальные подпорки, и большинство людей были искренно преданы ему, готовы были его защищать. Он отождествлялся с революцией, с идеалами социализма и советской государственностью. Это позволяет понять, почему даже многие подвергавшиеся репрессиям люди сохраняли верность существующему строю, рассматривали свою судьбу лишь как печальное недоразумение.

Время действительно было такое: оно породило поговорку “Порядочный человек тот, кто делает подлость неохотно”. Но люди, как и во все времена, оставались разными, по-разному отвечая на вопрос “что такое хорошо и что такое плохо”.

И в окружении Сталина, несмотря ни на что, люди были неодинаковы в моральном отношении. У Хрущёва, по его собственному признанию, тоже “руки по локти в крови”, но он пошёл на риск разоблачения Сталина; Микоян тоже участвовал в терроре, но поддержал Хрущёва в 50-е годы; маршал Жуков публично возносил хвалу Сталину на Параде Победы, но умел отстаивать перед Гениальным Стратегом своё мнение; безропотный Калинин в 20-е годы возражал против “закручивания гаек” в деревне; многие подобно Фадееву не выдержали тяжести грехов и заблуждений и покончили с собой.

Как увольняли Каткова

Почти двадцать лет никто не осмеливался вслух произнести имя Сагена Сейфуллина: было слишком опасно, люди испытывали чувство страха, боялись не сообщать “куда надо” о лояльном отношении к “контрреволюционеру”, “троцкисту”, хотя внутренне испытывали к поэту особую симпатию, любовь. Нельзя было спрашивать, интересоваться, как и почему его расстреляли. Ведь и так понятно: “националист”, “враг народа”. Зачем переспрашивать, уточнять?

Казалось, было, да быльём поросло. Нет! Как говорят русские, доброму — добрая память.

Как бы ни хотела задержаться ночь, заря её рассеет; как бы ни пряталась ложь, правда её отыщет.

Казахская философия также гласит: “ложь — перекасти-поле, а правду никаким ветром не сдуть”, “правды огонь — неугасим”.

Это можно сказать и по делу Сейфуллина.

Рассказывая о жизни и творчестве замечательного казахского поэта, видимо, не лишне будет поведать о последующих судьбах некоторых лиц, которые вольно или невольно, прямо или косвенно были причастны к его гибели.

Первичную справку о необходимости ареста в связи с якобы антисоветской националистической деятельностью, как указывалось в ней, подготовил лейтенант гб Катков. Документ согласован с майором гб Володзько. В уголовном расследовании принимали основное участие младший

лейтенант гб Иванов и сержант гб Иванов. Обвинительное заключение о расстреле Сейфуллина утвердил комиссар гб 2-го ранга Залин. Казнили поэта уже при другом комиссаре гб 1-го ранга — Реденсе.

Естественно, по истечении длительного времени на происходившие в прошлом события взгляды, оценки могут меняться. Конечно, ошибаться может каждый — “на всякого мудреца довольно простоты”. Тем не менее, факты остаются фактами. Никто не может отрицать, что в масштабе страны произошло огромное бедствие, в чём, несомненно, есть и немалая доля вины НКВД и, в частности, перечисленных выше сотрудников, служивших тогда в Казахском наркомате.

Возьмём, к примеру А. Каткова, сфальсифицировавшего следственные материалы на Сакена Сейфуллина и отправившего его на верную смерть, о чём в главе “Непокорённый сын степи”, опубликованной в № № 10, 11 “Нивы” за 2006 год, сообщалось более чем достаточно. Разумеется, поэт был далеко не единственным узником, судьбу которого и других людей вершил малограмотный руководитель отделения, дослужившийся затем аж... до должности начальника облуправления НКВД. Как гласит казахская мудрость, несчастье к одному приходит, другой же в этом выгоду находит.

Согласно предписаниям А. Каткова, уже после расстрела Сейфуллина арестованы и осуждены к восьми годам ИТЛ: секретарь Западно-Казахстанского обкома партии Шарип Утепов, секретарь Актюбинского обкома партии Макай Джунусов, нарком лёгкой промышленности Казахской ССР Ч. Артыкбаев, председатель Кустанайского облисполкома Хасен Карасаев — все депутаты Верховного Совета СССР; заведующий отделом ЦК КП Казахстана Мырзагул Атаниязов, редактор газеты “Социалистик Казахстан” (ныне — “Егемен Казахстан”) Жусупбек Арыстанов — оба кандидаты в члены бюро ЦК КП Казахстана; председатель Союза писателей Казахстана Мухамеджан Каратаев, заместитель редактора республиканской газеты “Социалистик Казахстан” Султан Лепесов, начальник управления государственных заповедников и памятников старины при Совнаркоме Казахской ССР Баймен Алманов и многие другие известные лица республики, необоснованно направленные в места не столь отдалённые. Невинно осуждённые от звонка до звонка отбыли сроки наказания, многие вернулись, а некоторые, например, Б. Алманов, умерли в местах лишения свободы.

Кстати, несколько слов об Алманове. Это он по личной просьбе Сакена Сейфуллина дал рекомендацию начинающему писателю, впоследствии ставшему одним из знаменитых деятелей отечественной культуры, Габиту Мусрепову для вступления в ряды коммунистической партии. Это он, начав свой трудовой путь сельским учителем, активно участвовал в установлении и упрочении советской власти в Казахстане, занимая различные должности: председателя уездного комитета РКП(б), секретаря КирЦИКа, члена полномочной комиссии по приёму Семиреченской и Сырдарьинской областей, присоединяемых к КАССР, заведующего организационным отделом Алма-Атинского губкома ВКП(б), инструктора Казкрайкома ВКП(б), директора КазПИ и Казахского научно-исследовательского института культуры, заместителя председателя по вопросам культуры государственной плановой комиссии Казахской ССР.

Впрочем, вечного ничего нет, всё изменчиво, переменчиво. Время настанет — и лёд растает. Люди всегда ожидают хорошей жизни, лучшей доли. Ведь не зря Сакен писал:

*Мы верили — придёт расплата,
Мы солнце ласковое встретим,
Красавцев скакунов крылатых
Растили мы к минутам этим.*

Так и получилось. После смерти Сталина медленно, но всё же началось постепенное изменение общественно-политического климата в жизни страны. Это было заметно ещё до нашествие XX съезда партии. В инстанции бесконечным потоком начали поступать заявления о пересмотре уголовных дел, реабилитации невинно осуждённых, о грубых нарушениях социалистической законности бывшими сотрудниками НКВД, в том числе А. Катковым, работавшим уже начальником отдела вновь преобразованного органа — КГБ Казахской ССР. Проведено служебное расследование, персональное дело рассматривалось в партийном порядке. В связи с этим просим обратить внимание на выдержки из заключения по материалам служебного расследования, подготовленного сотрудниками КГБ при СМ Казахской ССР — старшим следователем лейтенантом Ходаковским и начальником Особой инспекции капитаном Лысыковым в июле 1955 года. Они установили следующее.

В 1938 году 2 отделением УГБ НКВД республики был арестован ряд видных партийно-советских работников Казахстана, в том числе Утепов, Джунусов, Артыкбаев, Атанязов, Карасаев и другие, которые обвинялись в принадлежности к национал-фашистской организации и были осуждены.

Дело было пересмотрено судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР, которая своим определением от 5 ноября 1954 года решение Особого совещания отменила и делопроеизводство прекратила за недоказанностью обвинения. Некоторые из бывших обвиняемых к настоящему времени восстановлены в рядах КПСС.

Как видно из архивно-следственного дела, на арест каждого из обвиняемых бывшим начальником 2 отделения Катковым первоначально составлялись однотипные справки, в которых указывалось о том, что эти лица ведут активную антисоветскую работу. Справки утверждались начальниками отдела (Павлов, Сажин), а на арест — наркомом Реденсом и его заместителем Володзько.

К моменту ареста Утепова, Джунусова и других в распоряжении следствия имелся ряд выписок допросов ранее арестованных Исаева, Мусина, Ташитова и других (свыше 60 человек), в которых содержались неконкретные, противоречивые и неубедительные показания о принадлежности их к националистической организации. Эти показания, требовавшие дальнейшей конкретизации и дополнительной проверки, не могли явиться основанием к аресту указанных лиц.

Следствием в основном занимались работники 2 отделения 4 отдела УГБ Оспанов, Хамидуллин и Марков при непосредственном участии и под руководством Каткова. Расследование по делу проводилось неполно и необъективно, в ходе следствия со стороны указанных сотрудников допускалось грубейшее нарушение социалистической законности.

Как правило, после ареста каждый из обвиняемых доставлялся не в тюрьму, а в кабинет следователя и допрашивался непрерывно в течение нескольких суток.

На допросе от обвиняемых требовали признательных показаний об антисоветской работе, принадлежности к националистической организации. При этом Катков, Марков, Хамидуллин путём физического и морального воздействия вымогали “признательные” показания. К арестованным применялся метод круглосуточного допроса “конвейером”, допросы стоя, водворение в карцер, угрозы арестом членов семьи, оскорбления, а по отношению к некоторым из них допускалось избиение. Первоначальные допросы никакими протоколами не оформлялись до момента “признания”, после чего обвиняемые писали собственноручные “признательные” заявления на имя наркома ВД Казахской ССР.

Эти заявления похожи по своему содержанию одно на другое, имеют одинаковые начала и конец, хотя были написаны в разное время и у разных следователей. Протоколы допросов обвиняемых впервые составлялись спустя продолжительное время после их ареста, как правило, все они печатались на пишущей машинке и лишь после этого давались обвиняемым на подпись.

Вымогательство т. н. признательных показаний путём применения указанных незаконных средств следствия подтверждается заявлениями бывших обвиняемых, объяснениями сотрудников НКВД, в том числе самим Катковым, Хамидуллиным и Оспановым, а также материалами дела.

В 1940 году при проверке заявления Лепесова Хамидуллин в своём объяснении указывал: “... К моменту ареста Лепесова по всему наркомату при допросе арестованных уже применялись методы так называемых “конвейеров” и “стоянок”, поэтому и Лепесов после ареста нами, не сажая в камеру, был взят на допрос ... Несмотря на то, что Лепесов первые несколько суток допрашивался “конвейером” и не отпускался в камеру, ему по разрешению начальника предоставлялась возможность спать в кабинете по 2-3 часа в сутки, завтракать, обедать, ужинать. Он, Лепесов, при допросах также периодически стоял на ногах”.

Заместитель начальника УКГБ при СМ Казахской ССР по Восточно-Казахстанской области подполковник Оспанов в своём объяснении от 20 июня 1955 года заявил, что обвиняемых, в период его работы в 1938 году по сложившейся в то время практике, приходилось допрашивать до глубокой ночи.

Бывший сотрудник отделения Каткова Садыков заявил: “В указанный период арестованные, минуя тюремную камеру, не проходя санитарную обработку, сразу подвергались допросу, который вёлся системой “конвейера”, т. е. через определённое время следователи менялись, а подозреваемые продолжали стоять. Садиться не разрешалось, разумеется, исключался также сон и т. д. Арестованный стоял в углу, пока не “раскололся” и не написал заявление на имя руководства наркомата. Начиная от следователя до начальника отдела в грубом обращении и выражениях не стеснялись, сплошной мат, всякие оскорбления, унижения, всё пускалось в ход. Допрос без мата, оскорблений, унижения человеческого достоинства руководством считался либеральным”.

Бывшие обвиняемые Утепов, Джунусов и другие в своих заявлениях как ранее, так и в настоящее время указывают, что по отношению к ним со стороны Каткова, Маркова, Хамидуллина и Оспанова наряду с такими незаконными методами следствия, как круглосуточные допросы, угрозы, оскорбления и т. п., применялось ещё и избиение.

Так, Катков лично избивал Арыстанова, Карасаева, Утепова. Джунусов указал, что его били Катков и Хамидуллин. Артыкбаев заявляет, что его избивал Катков.

Атаниязов пишет: “... меня 8 и 10 апреля 1939 года избивали ночью несколько часов подряд работники в составе — Чиркова (заместитель наркома (!), Каткова, Оспанова и Зернова, требуя т. н. признания предъявленных обвинений”.

Катков в объяснении от 1 июня 1955 года факты рукоприкладства отрицает, за исключением одного случая, когда лично избивал Атаниязова вместе со своими подчинёнными. Единственной причиной избияния, как заявил он, было то, что Атаниязов не давал “признательных” сведений. Катков пишет, что Атаниязова бил и **сам Бурдаков** (с января 1939 года по октябрь 1940 года нарком внутренних дел Казахской ССР. — **Ничего себе! — А. К. .**)

Заместитель начальника УКГБ по Восточно-Казахстанской области подполковник Оспанов в своём объяснении от 20 июня 1955 г. избияния им арестованных отрицает. Ему известен лишь один случай, когда бывший заместитель наркома Чирков ударил несколько раз обвиняемого Атаниязова, требуя от него признания своей вины.

Зернов сообщил, что Атаниязова избивали только Катков и Чирков.

Из архивно-следственных материалов видно, что следствие проводилось с обвинительным уклоном, обстоятельства, говорившие в пользу обвиняемых, не принимались во внимание и не исследовались. Полученные в результате применения незаконных методов следствия “признательные” показания Катковым и другими следователями не проверялись, хотя такая проверка была возможна и необходима. Надлежащей проверкой можно было бы легко опровергнуть выдуманные факты и обстоятельства.

В рапорте от 14.04.1939 г. на имя наркома ВД сотрудник Иванов писал: “По распоряжению Павлова к непризнающимся подозреваемым был применён метод непрерывного допроса, причём многих из них с ведома Павлова заставляли стоять на ногах, из которых малодушные и больные выдерживали эти испытания до двух суток, после чего давали признательные показания”.

Бывший надзиратель тюрьмы Червяков признался, что были случаи, когда в 1938 году арестованные не возвращались с допроса по два-три дня и им носили пищу в кабинет следователя.

Факты угрозы обвиняемым арестом членов их семей со стороны Каткова, Иванова, Хамидуллина и Маркова также подтверждаются.

Проверкой установлено, что жёны Артыкбаева и Амирова вскоре после изоляции последних, в 1938 году действительно арестовывались и без санкции прокурора содержались под стражей более одного месяца. Им предъявлялось обвинение в соучастии в контрреволюционных преступлениях, совершённых их мужьями. Хотя арест Артыкбаевой и Амировой производился работниками другого отделения 4 отдела, данный факт говорит о том, что угроза арестом родственников со стороны следователей была вполне реальной и осуществлялась.

Так, в рапорте от 14 апреля 1939 года бывший сотрудник НКВД КазССР Иванов пишет: “В марте 1938 года с “лёгкой” руки Павлова к особо непризнающимся был применён ещё один способ допроса ... избияние. Этот

метод быстро перехватили рядовые оперативные работники и широко применяли на практике в своей повседневной работе”.

Будучи допрошенным в качестве свидетеля по делу осуждённого Павлова в 1939 году, сотрудник Пушкин сообщил, что метод физического воздействия на арестованных был введён с приездом Реденса, примерно с марта 1938 года.

В 1938 году бывшим УГБ НКВД КазССР также были арестованы и осуждены Особым совещанием Баймен Алманов, Мухамеджан Каратаев, Утебай Турманжанов, Хамза Есенжанов, обвинявшиеся в принадлежности к национал-фашистской организации. По их жалобам следственным отделом КГБ пересматривались архивные уголовные дела. По ним вынесены заключения о том, что Алманов, Каратаев и другие были арестованы по непроверенным и противоречивым показаниям и что эти дела подлежат прекращению за недоказанностью обвинения.

В решении участи некоторых лиц, проходящих по этим делам, и в допросах принимали участие Катков, Марков, Хамидуллин и Оспанов. Обвиняемые утверждают, что они подвергались избиениям.

Так, из объяснений Мухамеджана Каратаева, бывшего председателя Союза писателей Казахстана, видно, что он после ареста в течение семи суток находился непрерывно в кабинете следователя Маркова, где подвергался избиениям со стороны последнего и Каткова. В результате этого, как сознался Каратаев, вынужден был дать ложные показания на себя и оговорить других.

Содержавшийся в 1938 г. в одной камере с ним бывший арестованный, ныне председатель ЦК профсоюзов работников просвещения, член ЦК КПСС Вечкутов в своём объяснении от 1 июня 1955 г. указывает, что Каратаев часто вызывался на круглосуточные допросы и подвергался морально-физическим издевательствам.

Установлено также, что бывший начальник УНКВД по Западно-Казахстанской области Катков (уже руководит областным управлением НКВД! — **А. К.**) в отношении негласно изучаемого лица — М. — провёл провокационное мероприятие. Под видом немецкого агента-диверсанта направил к нему оперработника, тогда как у объекта абсолютно не было никаких намерений устанавливать связи с Германией. Наоборот, М. подосланного лжеиностранца задержал и доставил его в районное отделение НКВД, как немецкого шпиона.

Председатель КГБ при СМ Казахской ССР В. Губин ещё 21 апреля 1955 года утвердил заключение по архивно-следственному делу № 878295, подготовленное старшим следователем старшим лейтенантом Джалаиловым. В материалах служебного расследования, о чём шла речь выше, проходящие по этому уголовному делу лица (Алманов, Каратаев и др.) упоминаются. Тем не менее мы хотели бы обратить внимание на документ старшего следователя Джалайрова, который также дополняет и подтверждает факты о грубом нарушении законности.

В частности, в указанной информации отмечается: “Алманов в своих заявлениях писал, что показания о причастности к антисоветской организации получили незаконными методами допроса. Катков относился особенно жестоко. Павлов, Катков, Оспанов и Хамидуллин применили по отношению к нему нечеловеческие пытки.

Он также указал, что Катков в марте 1938 года предлагал ему выполнить специальное поручение: склонять казахов на восстание, приурочив это ко дню объявления в местной газете приговора Военной коллегии о расстреле Кулумбетова и других врагов народа. Алманов считает, что причиной его ареста явился отказ от выполнения этой уловки.

О получении от Каткова аналогичного провокационного задания указал в своём объяснении и писатель Каратаев, отказавшийся выполнить это требование, в связи с чем был также арестован”.

Вспоминает почётный сотрудник госбезопасности, участник Великой Отечественной войны, полковник в отставке Мукаш Омаров.

“В середине пятидесятих годов прошлого столетия в качестве члена партийного бюро мне пришлось принять участие в рассмотрении персонального дела начальника отдела Комитета полковника А. Каткова, допустившего в период работы в органах НКВД в 1937-1938 годы грубые нарушения законности.

В то время Катков работал начальником 2-го отделения по казахским националистам (была тогда такая структура) 4-го секретно-политического отдела управления государственной безопасности НКВД, руководил следствием. Лично участвовал в проведении оперативно-следственных действий.

На заседании парткома шла речь об уголовном деле на руководящих партийно-советских работников, кажется, из семи или девяти человек, в числе которых были Атаниязов, Утепов, Арыстанов, а других за давностью времени не смогу вспомнить. Им было предъявлено обвинение в том, что они состояли якобы в подпольной контрреволюционной националистической организации, ставившей своей целью свержение в Казахстане советского политического строя и создание феодально-байского правительства. Ни больше ни меньше!

В связи с пересмотром архивных дел Комитетом госбезопасности республики была проведена тщательная проверка обоснованности предъявлявшегося Атаниязову и другим его подельникам обвинения, которая установила следующее.

1. Дело оказалось полностью сфальсифицированным Катковым и его подчинёнными. Обвинение обосновывалось на приобщённых к делу машинописных показаниях Мирзояна, Исаева, Нурпеисова, Кулумбетова (партийно-советские руководители Казахстана тех лет. — **А. К.**) и других, содержащихся в протоколах их допроса, которые якобы находятся в их уголовных делах. Как положено по уголовно-процессуальному кодексу, копии заверены подписями сотрудников НКВД, снимавших их с подлинника, скреплённые гербовой печатью, а также даётся ссылка к их делам, где хранятся подлинники. Таким образом, этим копиям придавалась законность по форме и доказательная сила по содержанию.

На поверку копии явились фальшивыми, в делах на Мирзояна и других таких протоколов их допроса, с которых сняты копии, приобщённые к делу Атаниязова и других, не оказалось.

2. Применяв методы физических и моральных истязаний, следовательно добились от арестованных (за исключением Атаниязова) признания не совершённых ими деяний, содержащихся в фальшивых копиях.

Как мне помнится, Катков в одном из своих рапортов на имя Реденса писал, что арестованный Атаниязов “требуемых” мною показаний

не даёт, возводя клевету на НКВД, который якобы устроил им застенки гестапо. Резолюция Реденса на рапорте выражена предельно лаконично, одним словом “бить!”.

3. Несколько человек из обвиняемых являлись депутатами Верховного Совета СССР. При этом на привлечение их к уголовной ответственности вопрос не согласовывался с законодательным органом. По этой причине Военная коллегия Верховного суда Казахстана и военный трибунал, к которым направлялось дело, отказались принять его в своё производство без санкции Верховного Совета СССР.

Однако чекисты Казахстана всё-таки протолкнули дело через Особое совещание при НКВД СССР (г. Москва), которое, используя свои чрезвычайные полномочия и заочно рассмотрев дело, всем обвиняемым определило наказание по восемь-десять лет лишения свободы.

Как мне рассказывали сослуживцы, Атаниязов, отбыв срок, вернулся в родной Актюбинск, где был принят более чем прохладно и устроился швейцаром в ресторан. Родственники и вчерашние друзья сторонились его. Бывший нарком юстиции, председатель Казахского отделения Верховного суда СССР и кандидат в члены бюро ЦК Атаниязов закончил жизнь в унижениях, страданиях, лишениях, нищете, не дожив до реабилитации.

Как создавалось дело и как оценивает свои действия с точки зрения нравственности, являющейся вечной категорией, следовательно, и тогда, и сейчас, выражавшей одно и то же понятие? Почему произошли искажение и деформация в действиях по выполнению требований закона, практически применяемых и тогда, и сейчас? Нас волновали эти вопросы. Мы их и задали Каткову.

Вместо прямого ответа он прошёлся взглядом по членам парткома и заявил: “Виджу, среди вас нет никого, кто бы работал в той обстановке. Поэтому как ни объясняй, меня не поймёте. Поэтому вершите ваш суд, без моих объяснений”.

Никто не пожелал настаивать, и так было ясно, что как бы он ни держался, объяснение для него нелёгкое. Пришлось без обсуждения проголосовать за исключение Александра Георгиевича Каткова из рядов коммунистической партии”.

Таким образом, руководство КГБ республики, партийная организация провели тщательное расследование служебной деятельности бывшего сотрудника НКВД Александра Георгиевича Каткова в период массовых репрессий. О принятых мерах официально сообщалось в вышестоящие партийные органы.

4 октября 1955 г.

Секретарю Центрального Комитета Коммунистической партии Казахстана товарищу Брежневу Л. И.

Проведённым расследованием по жалобам арестованных в 1938 году бывшего секретаря Западно-Казахстанского обкома партии, депутата Верховного Совета СССР Утепова, Джунусова и др., всего 9 человек партийно-советских работников Казахстана, вскрыты грубые факты нарушения социалистической законности со стороны бывших работников УГБ НКВД Казахской ССР Каткова, Оспанова и других.

Как установлено, бывшие работники УГБ Катков, Оспанов и другие проводили расследование на вышеуказанных лиц неполно и необъективно,

допускали строжайшие запрещённые советскими законами методы ведения следствия, грубо нарушали нормы УПК РСФСР, добиваясь получения от арестованных во что бы то ни стало так называемых признательных показаний об их антисоветской работе и принадлежности к национал-фашистской организации.

К арестованным применялся метод круглосуточного допроса “конвейером”, допросы стоя, водворение в карцер, угрозы арестом членов семьи, оскорбления. А по отношению к некоторым из них допускалось избивание.

Первоначальные допросы никакими протоколами не оформлялись до момента “признания”, после чего обвиняемые писали собственноручные “признательные” заявления на имя наркома внутренних дел Казахской ССР.

Вымогательство так называемых признательных показаний путём применения указанных незаконных методов следствия подтверждается заявлением бывших обвиняемых, объяснениями сотрудников НКВД Казахской ССР, в том числе частично самим Катковым и Оспановым, а также документами архивно-следственного дела.

В результате применения незаконных методов обвиняемые Утепов, Джунусов и другие вынуждены были признать себя виновными в совершении тяжчайших контрреволюционных преступлений и оговорить большое количество лиц, преимущественно работников партийного и советского аппарата, назвав их участниками национал-фашистской организации.

В 1940 году Утепов и другие были осуждены Особым совещанием НКВД СССР к восьми годам ИТЛ каждый.

В 1954 году определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР постановление Особого совещания было отменено и дело производством прекращено за недоказанностью обвинения. Некоторые из бывших обвиняемых к настоящему времени восстановлены в рядах КПСС.

За грубое нарушение советской законности Катков из органов госбезопасности уволен.

Оспанов Муса в настоящее время работает заместителем начальника УКГБ по Восточно-Казахстанской области.

Прошу Вас решением ЦК Компартии Казахстана освободить товарища Оспанова от занимаемой им должности.

Товарищ Оспанов нами представлен на увольнение из органов КГБ. Председатель КГБ при СМ Казахской ССР

В. Губин.

Впоследствии стало известно, что один из Ивановых, причастных к делу Сейфуллина, откомандирован для прохождения дальнейшей службы в Дальневосточный край, а В. Курусь, принимавший участие в аресте, переведён в Минск. С. Коновалов, на имя которого выписывался ордер Управления НКВД по Казахской ССР от 24 сентября 1937 года с целью произвести обыск и арест Сакена Сейфуллина, в послевоенный период работал начальником УВД Алма-Атинской области, другой Иванов — начальником Фрунзенского районного отдела милиции города Алма-Аты.

Прокурор столичной области Р. Мухамедьяров в своей записке от 16 апреля 1958 года доводит до сведения первого секретаря Алма-Атинского

обкома партии М. Бейсебаева информацию о том, что *“Иванов Владимир Васильевич являлся одним из активных участников фальсификации доказательств по делу Сакена Сейфуллина. И он провёл по делу основные следственные действия”*. Далее автор письма высказывает своё отношение к этому вопросу. *“В связи с чем, — заявляет прокурор, — считаю невозможным использование Иванова в органах милиции как лица, допустившего грубые нарушения социалистической законности”*.

Выполняя вражеские установки

Репрессивная политика большевиков осуществлялась по проверенной, налаженной схеме. Руководителям карательных органов предоставлялись широкие права по уничтожению так называемых контрреволюционеров, буржуазных националистов, вредителей и других сомнительных элементов, за что они щедро награждались орденами, медалями, похвальными грамотами, им присваивались почётные звания, они выдвигались по службе, потом, после выполнения заданий, они же объявлялись врагами народа — расстреливались. Затем на их место приходили другие, и история повторялась.

Так сложилась судьба и комиссара гб 2-го ранга Льва Борисовича Залина (настоящее имя Залман Маркович Левин), ставленника Москвы, который с января 1935 года по январь 1938 года, как раз в самый разгар репрессивной кампании, возглавлял НКВД Казахской ССР. Все арестованные, замученные, искалеченные в тюрьмах и лагерях, а также приговорённые к смертной казни и расстрелянные десятки, сотни тысяч людей в этот период по линии НКВД, на всей территории огромного Казахстана, непосредственно связаны с его именем. Обвинительное заключение на Сакена Сейфуллина также утверждалось лично наркомом Л. Б. Залиным.

В осуществлении репрессивной политики центра он проявлял инициативу, активность, энергичность. Залин, выступая на I съезде Компартии Казахстана, Торгаева, Абдуллина, Мамырбаева, Султанбекова и других назвал “японскими шпионами” и призвал с корнем уничтожить агентуру фашистской разведки — троцкистско-правых элементов. Сказано — сделано. Если в середине того года в составе ЦК Компартии Казахстана было 85 членов, 35 кандидатов и 11 членов ревизионной комиссии, всего 131 человек, то в конце года из них в живых остались только 68.

В первой половине 1937 года в Кремле уже практиковалась ускоренная форма внесудебной расправы — так называемые “расстрельные списки”, когда из регионов присылали на утверждение поимённые перечни жертв. Однако при помощи такого примитивного сценария за весь период его применения сталинской верхушке удалось уничтожить “всего” 44,5 тысячи человек. После решения ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 года, как известно, начались массовые операции. “Новаторство” директивы состояло в том, что это были не поимённые списки, а лицензии на отстрел, разнарядка Москвы, где указывалось только планируемое количество лиц — по 1-й (расстрел) и 2-й (подлежащие заключению на 8-10 лет) категориям.

В связи с этим согласно представленным учётным данным республиканского НКВД, в Москве утверждается следующая разнарядка по Казахской ССР:

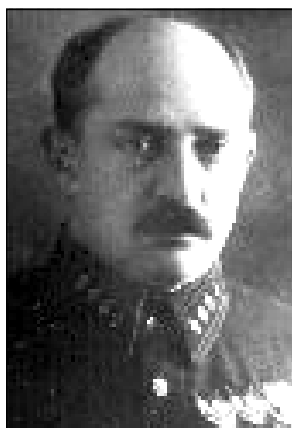

	1-я категория	2-я категория	всего
1. Северо-Казахстанская область	650	300	950
2. Южно-Казахстанская область	350	600	950
3. Западно-Казахстанская область	100	200	300
4. Кустанайская область	150	450	600
5. Восточно-Казахстанская область	300	1050	1350
6. Актюбинская область	350	1000	1350
7. Карагандинская область	400	600	1000
8. Алма-Атинская область	200	800	1000

“Большой террор” осуществляется следующим образом. Начальник НКВД утверждает список начальников оперативных групп, последние составляют списки подлежащих репрессиям. Эти списки утверждаются руководителем территориального НКВД. Руководители оперативных групп должны арестовать и провести следствие. “Тройки” во главе с начальником управления НКВД — осудить.

Однако особое усердие казахстанского наркома ВД при проведении массовых операций не спасло ему жизнь. Хотя комиссар гб Лев Борисович Залин крайне активно проводил в республике мероприятия по уничтожению так называемых классовых врагов. Лимит: 2500 по 1-й категории и 5000 по 2-й категории. Репрессировано 9500 по 1-й категории и 12500 — по 2-й. Итого он добился увеличения осуждённых примерно на 14500 (в том числе по 1-й категории на 7000), за что 19 декабря 1937 года награждён орденом Красной Звезды, затем в январе 1938 года переведён в Москву и вскоре арестован. Причина ясна: “спелся с Мирзояном”.

Что мы знаем об этом наркоме?

Лев Борисович Залин родился в 1897 году в городе Сморгонь Ошмянского уезда Виленской губернии в семье приказчика. Член партии “Поалей Цион” (на идише — “рабочие Сиона”, еврейская организация, возникшая в начале XX века, которая пыталась соединить идеи социализма с сионизмом. — **А. К.**) в феврале-августе 1918 года, а с сентября этого года — коммунистической партии. Окончил городское училище и частную еврейскую гимназию в Вильно. Работал учителем в школе, секретарём Курского комиссариата по еврейским делам, инструктором юридического отдела Бауманского райисполкома города Москвы. Председатель Ковенского подпольного комитета РКП(б), редактор газеты, арестован и сидел в тюрьме, после освобождения председатель Паневежисской уездной ЧК. С июля 1919 года — член коллегии, заместитель наркома труда Литовско-Белорусской ССР. Затем в Красной Армии — начальник интернационального отделения политотдела 16-й армии.

С апреля 1920 года — в органах ВЧК. В 1930-1935 годах — заместитель начальника особого отдела ОГПУ СССР, заместитель полномочного

представителя ОГПУ и первый заместитель начальника УНКВД СССР по Средней Азии, нарком внутренних дел Узбекской ССР, начальник особого отдела Главного управления госбезопасности НКВД Среднеазиатского военного округа. В 1935-1938 гг. — начальник УНКВД, нарком внутренних дел Казахской ССР, затем в центральном аппарате НКВД СССР.

Награждён двумя орденами Красного Знамени (1927, 1936), орденом Красной Звезды (1937), двумя знаками "Почётный работник ВЧК-ГПУ", медалями. Член ЦИК СССР, депутат Верховного Совета СССР. Делегат I съезда КП(б)К (1937), член бюро Казкрайкома ВКП(б) и ЦК КП(б)К.

Материалы уголовного дела в отношении Залина свидетельствуют о том, что он был арестован органами НКВД СССР 7 июня 1938 года как агент иностранной разведки, по заданию которой в 1929 году вошёл в состав антисоветской заговорщической организации и проводил подрывную работу в органах безопасности. В своём объяснении указывает на то, что в биографических данных скрыл принадлежность в прошлом к сионистской организации и обманным путём получил увеличение партстажа на три месяца. Здесь же утверждает, что он не является врагом и предателем, а его оговорили. В подтверждение этого ссылается на то, что им вскрыта и ликвидирована в Казахстане крупная антисоветская организация. Потом изменил своё показание и признался, что состоял в антисоветской организации. На допросе от 30 октября 1938 года Залин указал, что с 1929 года являлся участником заговора правых и с этого момента вёл подрывную работу в органах НКВД. Кроме того, с 1926 года сотрудничал с германской и польской разведками.

Как видно из архивных материалов следствия, Залин продолжительное время (1927-1938 гг.) вёл подрывную работу в органах госбезопасности, занимая руководящие должности в различных подразделениях ОГПУ-НКВД (Белоруссии, Западной, Центральной областях РСФСР, в Средней Азии и Казахстане).

Характерно заявление на допросе от 29 января 1939 года, где он сообщил: "Моя подрывная работа в Казахстане проводилась в основном по тем же линиям, что и в Средней Азии. С первых же дней я давал всему оперативному составу УНКВД и периферийным органам вредительскую установку по вскрытию и ликвидации местных кулацко-байских группировок, а не на поиски крупных контрреволюционных организаций".

Тогда же на закрытом судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР Залин заявил, что он виновным себя не признаёт, от показаний, данных им на предварительном следствии, отказывается. Признаёт виновным лишь в том, что с 1933 по 1936 год выполнял вражеские установки Ягоды по вскрытию буржуазно-националистических организаций в Казахстане.

22 января 1940 года дело по обвинению Залина Л. Б. рассматривалось на закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда СССР, по приговору которой расстрелян. Не реабилитирован.

Из числа руководства НКВД Казахской ССР уголовные дела, заведённые по так называемому казахскому национализму, непосредственно курировал заместитель наркома майор госбезопасности П. В. Володзько. Нам кажется, не будет лишним, если кратко расскажем и о нём.

Павел Васильевич родился в 1888 году в городе Слуцке Пинской губернии в семье ремесленника, белорус. Член коммунистической партии с 1918 года. Окончил высшее начальное четырёхклассное училище. С 1908 года писмоводитель, делопроизводитель в органах суда, земской управы. В органах ВЧК служил с 1917 года: особоуполномоченный по следствию, начальник секретно-оперативной части Оренбургской и Тургайской губернской ЧК, секретарь Пятигорской городской ЧК. Служил на руководящих должностях в городах Ростов-на-Дону, Владикавказ, Смоленск, Брянск. С 1932 года — начальник Алма-Атинского областного отдела ГПУ, заместитель полномочного представителя ОГПУ по Казахстану (г. Алма-Ата). В 1934-1939 гг. — заместитель начальника УНКВД, заместитель наркома внутренних дел Казахской ССР.

Его арестовали 7 января 1939 года. На судебном процессе выяснилось, что он со своим шефом, Л. Б. Залиным, проводил активную подрывную работу в органах безопасности, направленную на сохранение на руководящих должностях своих единомышленников, неугодных же подвели под обвинения и формировали передачу дел на них по статье 58 на очередную “особую тройку”.

Как свидетельствуют эти и другие архивные материалы, нарком и его заместитель принимали личное участие в допросах видных партийных и советских работников, представителей творческой интеллигенции, в том числе Сакена Сейфуллина, ряда сотрудников госбезопасности республики, других категорий граждан.

Приговором Военной коллегии Верховного суда СССР П. В. Володзько приговорён к 15 годам заключения в ИТЛ с поражением в правах на пять лет и с конфискацией всего имущества по статьям 58-1 “а”, 17, 58-8, 58-11 УК РСФСР. В дальнейшем в 1951 году, отбывая наказание, умер в Особом лагере № 6 МВД СССР в городе Воркуте. Не реабилитирован.

Своjak Сталина

Левон Мирзоян был избран первым секретарём Казахского крайкома партии 10 февраля 1933 года. Годы его работы в сознании большей части населения остались как годы исправления последствий человеко-ненавистнической политики Голощёкина. Новый лидер энергично взялся за исправление ошибок и перегибов в переустройстве казахского аула. На нужды кочевого и полукочевого казахского населения были выделены десятки миллионов рублей. В районах оседания развернулось массовое строительство жилых домов, скотных дворов и других хозяйственных построек, а также школ, больниц, культурно-просветительных учреждений.

Форсированными темпами сооружались Балхашский медеплавильный завод, Актюбинский химкомбинат, закладывались новые нефтяные скважины на Эмбе, осваивались Карагандинский угольный бассейн, Джезказганское месторождение, другие промышленные объекты.

Много внимания было уделено развитию национальной культуры казахов. Начали работать научно-исследовательский институт культуры, Казахский музыкальный театр, позднее преобразованный в театр оперы и балета. Евгением Брусиловским была написана опера “Кыз-Жибек”. В Москве проведена первая Декада казахского искусства и литературы. В декабре 1936 года Казахская АССР преобразована в союзную республику, а в марте 1937 года принята Конституция Казахской ССР, разработанная под председательством Левона Мирзояна.

Были сняты запреты с имени великого Абая. На одном из совещаний Мирзоян сказал: “Нам надо наследие Абая, отброшенное “как исторический хлам” Голощёкиным, немедленно поднять на должную высоту. Через Абая Казахстан выйдет на мировую арену, и весь мир узнает, кто такие казахи”.

На заседании бюро ЦК Компартии Казахстана (7.08.1937), рассмотревшим вопрос о республиканской печати, Л. Мирзоян заявил: “... речь идёт о казахских кадрах. Прежде всего, надо поднять значение казахской печати ... наши руководители, областные, районные страшно плохо занимаются казахской газетой и ... о том, как они работают, надо судить по тому, как секретарь руководит казахской газетой, а не русской. Если обком не может поставить казахскую газету, то значит руководство всей печатью у него ниже всякой критики.

... В нашем решении надо подчеркнуть, что одним из основных показателей руководства печатью будет состояние казахской печати, её идейно-политический уровень, укомплектованность преданными, квалифицированными кадрами. С этой точки зрения надо подойти к руководству печатью со стороны обкома, а не вообще”.

В это время красный террор, инспирированный Кремлём, набирал мощные обороты. Л. Мирзоян пытался уменьшить число человеческих жертв, но не мог в полной мере повлиять на ход событий или предотвратить шквал репрессий, поскольку из Москвы одна за другой следовали директивы об усилении борьбы с местными националистами. Над головой самого Левона Исаевича начали сгущаться тёмные тучи политической опалы и репрессий, чему способствовала вся общественно-политическая атмосфера страны.

Он подвергся критике ещё на февральско-мартовском (1937 г.) пленуме, который, по словам Сталина, перетащил с собой в Казахстан из Азербайджана и Урала, где он работал раньше, 30-40 человек “своих” людей и расставил их на ответственные посты в Казахстане... Есть, стало быть, своя артель у товарища Мирзояна, — продолжил великий вождь, — тем самым он нарушил большевистское правило подбора работников, которая исключает возможность обывательски-мещанского подхода, исключает возможность подбора работников по признакам семейственности и артельности. Кроме того, подбирая в качестве работников лично преданных людей, видимо, он хотел создать для себя обстановку некоторой независимости как в отношении местных людей, так и в отношении ЦК партии, — заявил Сталин.

Прошло чуть больше полгода. В центральной партийной газете “Правда” появляется разгромная статья “На поводу у буржуазных националистов” (22.09.1937), где объектом критики вновь стал первый секретарь ЦК КП(б) Казахстана Л. Мирзоян, якобы сочувствующий казахским националистам. Здесь приводятся “конкретные” факты: “особенно долго и изощрённо тормозилось разоблачение бывшего председателя Казахского ЦИКа — Кулумбетова”, он якобы укрывал секретаря Алма-Атинского обкома партии Садвакасова, который “был активным участником ряда антипартийных националистических группировок в Казахстане”, “... сильно засорена республиканская прокуратура, которую возглавлял буржуазный националист Ескараев”.

Далее автор статьи К. Пухов отмечает: “Партийное руководство Казахстана (*имеется в виду Л. Мирзоян. — А. К.*) не разоблачило ни одного сколько-нибудь видного буржуазного националиста, хотя на отсутствие острых сигналов коммунистов ЦК КП(б) Казахстана жаловаться не может”. В конце статьи московский журналист отмечает причину случившегося: “Своевременному разоблачению буржуазных националистов сильно помешала политическая бесхребетность, беззубость печати Казахстана. ЦК КП(б) Казахстана систематически приучает редакторов газеты к сглаживанию острых углов, к подхалимству и угодничеству. Подобное положение с самокритикой в Казахстане мешает разоблачить врагов, пробравшихся к руководству”.

ЦК Компартии Казахстана принял конкретные меры по реализации критических замечаний центральной газеты. В конце года, накануне дня ВЧК-НКВД, Л. Б. Залин, нарком внутренних дел Казахстана, награждён боевым орденом Красной Звезды и переведён в центральный аппарат НКВД СССР. Тем не менее, “успехи” Казахстана не устраивали Сталина.

В январе 1938 года в должность руководителя НКВД республики вступила крупная фигура союзного уровня — комиссар 1-го ранга Станислав Францевич Реденс (1892 года рождения, поляк, из семьи сапожника, в рядах коммунистической партии с 1914 года, а в ВЧК — с 1918 года).

Новый нарком ещё до революции был в рядах царской армии. Трудился рабочим на заводах, был партийным активистом. С 1918 года постоянно служил в различных подразделениях органов ВЧК-ГПУ. В 1924-1926 гг. — помощник председателя и секретарь Президиума ВСНХ СССР. В 1926-1928 гг. — секретарь коллегии и управляющий делами Центральной контрольной комиссии ВКП(б) — Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР. Затем в течение трёх лет являлся председателем Закавказского ОГПУ. С 1931 по 1933 годы Реденс руководил органами ГПУ Белоруссии и Украины, а с 1934 года — Московской области.

Мирзоян был давним врагом Реденса ещё по Закавказью. Он когда-то возбудил дело о самосуде и взяточничестве в Азербайджане. Оказались затронуты люди, близкие к первому секретарю ЦК КП(б) республики, который взял их под защиту. Характер Мирзояна был хорошо известен в Кремле. В 1935 году, в ходе обсуждения вопроса кого направить в Казахстан, Ягода искал кандидатуру, которая “сработалась бы с Мирзояном”. Тогда подобрали Залина, и он, видимо, “сработался”. В 1935 году, в период политики “умиротворения”, Сталин не искал конфликтов между партийным и чекистским руководством. Теперь, в 1938 году, ситуация была другая, и в Казахстан поехал С. Реденс.

Станислав Реденс был награждён орденом Ленина ещё в июле 1937 года. Хотя Московская область особо не доминировала по удельному весу в “большой чистке”. По приказу № 00447 лимит для управления был

установлен 5000 по 1-й категории и 30000 по 2-й категории. В 1937 году расстреляно 12000. Сверх плана им уничтожено 7000 человек. Теперь он направляется на “зачистку” “артели Мирзояна”. Как ожидалось, появление Реденса в республике вызвало всплеск в ходе чистки.

Бекболат Мустафин тогда работал в аппарате ЦК, был депутатом Верховного Совета Казахской ССР. Аксакал вспоминает:

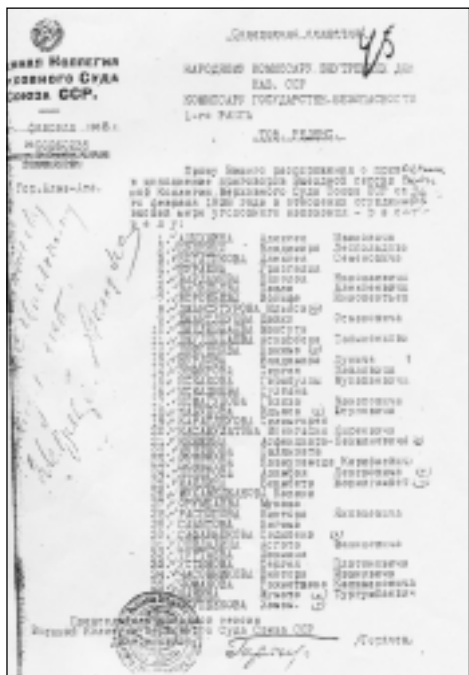
“Было страшно. Повсеместно заставляли признаться в несуществующих преступлениях. Сначала оклеветали, потом путём насилия, угрозы, шантажа, издевательства и унижения проводили очные ставки. Так была уничтожена большая часть интеллигенции. Репрессирование в виде беспрерывного расстрела проводилось в течение месяца — с середины февраля до середины марта 1938 года. Вы не поверите, что только в течение декады, начиная с Кулумбетова, недавно назначенного председателем КазЦИКа, были расстреляны восемь наркомов, пять секретарей ЦК, четыре заведующих отделами, все члены бюро, все заместители председателя КазЦИКа и правительства. Однако в печати объявлены фамилии только 19 человек.

Я тогда ещё находился на свободе (он арестован 2 сентября 1938 года и освобождён из лагеря в 1956 году. — **А. К.**). Руководитель комитета госбезопасности (С. Реденс. — **А. К.**) доложил на бюро списки арестованных и высказал своё мнение. Сообщим в печати только 19 человек, остальных не нужно. На самом деле уничтожено — 560. Если обнародовать подлинные данные, то в республике могут возникнуть паника, хаос.

Массовое уничтожение руководителей республики осуществлялось оперативно и таким ужасным образом. Чуть не забыл, в числе расстрелянных 14 председателей облисполкомов, 13 секретарей обкомов партии. Наказаны редакторы областных газет. Казнили бывшего редактора "Со-

циалистик Казахстан” Мусина. А последующего, Жусупбека Арыстанова, посадили в тюрьму. Арестованы и осуждены редакторы “Казахстанской правды” Грехнев (*правильно Терентьев. — А. К.*), Верховский, все редакторы областных газет. Не считая их, только в одном этапе расстреляны 560 человек” (“Егемен Казахстан”, 28.05. 1997).

Рассказ бывшего узника документально подтверждается архивными данными спецслужб. В этой связи следовало бы обратить внимание на официальный ответ заместителя начальника отдела Министерства безопасности Российской Федерации (ФСБ) полковника В. К. Виноградова от 7 апреля 1992 года на запрос правления Казахстанского добровольного историко-просветительского общества "Адилет". В информации, поступившей из Москвы, даётся

список 631 гражданского лица, расстрелянного с 25 февраля по 13 марта 1938 года, то есть только за 12 дней!

Апрельский номер журнала “Мурзилка” открывался словами: “Ребята! Наши славные чекисты во главе с Николаем Ивановичем Ежовым, народным комиссаром внутренних дел, разоблачили ещё одно гнездо врагов советского народа”. Здесь же публиковались стихи казахского акына Джамбула: “Великого Сталина преданный друг, Ежов разорвал их предательский круг. Раскрыта змеиная, вражья порода глазами Ежова — глазами народа”. Ежедневно газеты публиковали резолюции собраний, в которых были такие слова: “Слава органам советской разведки и её наркому Николаю Ивановичу Ежову за сталинскую работу по очищению наших социалистических рядов от врагов народа”.

Интересы центра и лично Реденса совпадали. Из старых руководителей республиканских компартий остались трое: кроме Мирзояна, Багиров в Азербайджане и Берия в Грузии. Более того, все знали отношение Сталина к Мирзояну, который когда-то голосовал против вождя, за “своего” Кирова. Следовательно, Кремль вскоре его уберёт.

В то же время наркому надо было отомстить за прошлые “подножки” в Азербайджане. В связи с этим Станислав Францевич старательно собирал компрометирующие факты на своего партийного руководителя, о чём регулярно сообщал в Москву сведения примерно такого содержания: “Мирзоян в разговорах с ним утверждал, что ЦК партии в вопросах сельского хозяйства допускает перегибы. Политика коллективизации и ликвидации кулачества привела крестьянство к разорению и лишила страну хлеба и сельскохозяйственных ресурсов. Яхнович говорит, что Мирзоян в разговорах с ним утверждал, что ЦК партии разорил не только Казахстан, но и Белоруссию, Украину и другие национальные республики. Называл политику ЦК колониальной ... Мирзоян характеризовал разгром партией троцкистов и правых как устранение старых большевистских кадров”. В общем, типичный “правый” того времени: “вельможа”, свой клан, сомнения в коллективизации...

В мае 1938 года Л. Мирзояна вызвали в Москву, но на пути в столицу его арестовали, сняли с поезда, а в начале следующего года расстреляли в Лефортовской тюрьме. Его судьбу разделила и жена — Юлия Фёдоровна Тевосян, работавшая директором Казахского института марксизма-ленинизма. Она была арестована и скончалась в психиатрической больнице Кызылорды. Дети были оставлены на попечение друзей и родственников.

Получив отрывочные сведения о жизни и деятельности Реденса, всё-таки хочется глубже уразуметь, понять, постичь биографию этого неординарного человека, оставившего кровавый след на исконно казахской земле. К примеру, возьмём взаимоотношения Реденса со Сталиным. Говорят, что они свояки — женаты на сёстрах Алилиуевых. Да, это действительно так. Тогда само собой напрашивается вопрос: какое имело отношение к продвижению по службе чекиста-родственника со стороны вождя пролетарского народа? Повлияли ли семейные связи на государственные дела? В частности, на карательную политику страны?

Первая жена Сталина, тогда ещё Джугашвили, Екатерина Сванидзе умерла от болезни, оставив мужу сына Якова, которому не было и года. До четырнадцати лет мальчик воспитывался в семье родной тёти А. С. Сванидзе. В 1921 году Якова привезли в Москву. У Иосифа Виссарионовича была новая семья, родился сын Василий. Надежда Сергеевна тепло приняла старшего сына мужа. Отец был более чем суров, а узнав, что тот тайно покуривает, лупил его. Первое время подростку трудно давалась учёба в средней школе — плохо понимал по-русски. Но он был усидчив и трудолюбив. Окончив среднюю школу, без посторонней помощи успешно сдал экзамены в инженерный институт. И лишь тогда, когда Сталин поинтересовался, правда ли, что Яков Джугашвили зачислен на учёбу, ректор узнал, чей это сын. В институте Якова любили за простоту и справедливость. Проявлял себя способным шахматистом, активным общественником. Он без согласия отца женился на Зое, сокурснице по институту, однако после рождения дочери, умершей в младенчестве, их брак распался.

В 1935 году Яков Джугашвили решил выбрать военную карьеру и поступил в Артиллерийскую академию. Здесь, в Москве, при посещении своей тёти Анны Аллилуевой, он познакомился с молодой, красивой женщиной, приехавшей с Украины. По этому поводу дочь Сталина — Светлана Аллилуева вспоминала: «Он встретил свою вторую жену благодаря тёте Анне. Юлия была украинской еврейкой, и её первый муж был крупным начальником НКВД. Он был арестован, и она обратилась к тёте Анне за помощью. Они знали друг друга с того времени, когда муж Анны работал в НКВД Украины».

Сталин остался недоволен вторым браком сына не только потому, что его новая невестка была еврейкой. Этот брак был также слишком неожиданным, и Яков не искал согласия отца, как это принято по грузинским и кавказским обычаям. Но Сталин и на этот раз не стал вмешиваться в семейные дела сына.

Анна Аллилуева, старшая сестра покойной жены Сталина, к которой приехала за помощью Юлия, была женой Станислава Реденса, профессионального чекиста, начальника НКВД Московской области. Он, свояк Сталина, в прошлом польский коммунист, был другом Феликса Дзержинского и его личным секретарём со времени основания ВЧК в 1918 году. Выдвинулся на высокие посты в ВЧК независимо от Сталина и в период гражданской войны занимал довольно высокие должности — начальника Харьковской, Одесской и Крымской ЧК, которые под его руководством осуществляли массовые расстрелы сдавшихся в плен солдат и офицеров армии Врангеля. Анна Аллилуева в 1920 году тоже работала в Одесской ЧК, именно здесь она и Реденс соединили свои судьбы. Формальных браков тогда не было, но опытный чекист, безусловно, оценил все преимущества семьи генсека, когда его назначили председателем ГПУ Закавказской Федерации, затем — председателем сначала Белорусского, потом Украинского ГПУ.

На Украине Реденс считался одним из главных организаторов жестоких репрессивных мер, связанных с коллективизацией крестьян и конфискациями зерна, которые привели к голоду 1932-1933 годов в южных областях Украины. В то время, когда Юлия приехала к Анне Аллилуевой за помощью по поводу своего первого мужа, Станислав Реденс уже имел чин комиссара государственной безопасности 1-го ранга (в РККА — генерал

армии), это было тогда самое высшее звание, которого можно было достигнуть в органах госбезопасности. Он, конечно, смог бы помочь своему бывшему подчинённому, возвратив его на какую-либо должность в провинцию. Однако сама Юлия Исааковна Бессараб, познакомившись со столь влиятельными людьми, предпочла остаться в Москве. Другие члены семьи Сталина отнеслись к ней хуже, чем знавшая её по Украине Анна Сергеевна.

Родство со Сталиным, кстати, не давало никому, кроме его детей Светланы и Василия, каких-либо преимуществ. Только они получили с рождения фамилию Сталина. Мария Сванидзе и её муж Александр, занимавшие влиятельные посты в администрации правительства СССР, были арестованы в 1937 году. Станислава Реденса арестовали в ноябре 1938 года, когда сменивший наркома Берия освобождал НКВД от близких сотрудников Ежова.

Об обстановке в семье, о судьбах своих родителей, других родственников написал книгу “Хроника одной семьи” В. Аллилуев, сын Станислава Реденса, принявший фамилию матери. Отца расстреляли, когда мальчику было всего три года, а ровно через десять лет посадили его мать. От отца, которого он почти не помнит, осталось только судебное дело. Мать вышла из тюрьмы через шесть лет. Она вернулась домой уже другим человеком, тяжело страдая от психического заболевания.

Но удивительным образом мальчик сохранил наилучшие воспоминания о детстве и отрочестве. Горестные годы для мемуариста настали позже, когда уже никого не расстреливали.

В книге масса любопытного: оценка неудачным брака Иосифа Сталина и Надежды Аллилуевой, отношение в семье к её самоубийству, неудачная личная жизнь Светланы и Василия. Нет в книге только одного — сочувствия к несчастным родителям и попытки понять, почему у автора отняли сначала отца, потом — мать.

Вернее, ответ у автора есть. Отца, Реденса, убрал Берия. Он же посадил мать. Когда Берия расстреляли, мать ещё целый год находилась в лагере при Хрущёве.

Станислава Францевича Реденса, бывшего секретаря Дзержинского, в январе 1938 года направленного из Москвы наркомом внутренних дел Казахстана, приказом НКВД СССР № 6 от 3 января 1939 года освободили от занимаемой должности и откомандировали в распоряжение центра. Затем арестовали.

В. Аллилуев пишет: “Мать добралась до Сталина и попросила его вмешательства в дело отца. “Хорошо, — сказал он, — я приглашу Молотова, а ты приезжай с Сергеем Яковлевичем. Сюда доставят Реденса, и мы будем разбираться”. Но дед отказался поехать к Сталину, и мать отправилась к нему вдвоём с бабушкой. Отсутствие деда раздосадовало и сильно задело Сталина, он крупно поссорился с моей матерью и бабушкой, никакого разбирательства так и не было, и судьба отца была предreshена”.

С. Ф. Реденс расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 21 января 1940 года. Посмертно реабилитирован.

Так сложилась судьба свояка Сталина, руководившего НКВД нашей республики в 1938 году.

Продолжение в следующем номере.

Гюльнар МУКАНОВА

Волшебное слово поэта

Для чего пишутся стихи? Непраздный этот вопрос возникает, когда встречаешь то самое, заветное, где-то в глубине души ожидаемое, Слово.

Оно словно озаряет тебя наподобие сверкнувшей водной глади затерявшегося среди гор озера.

О нём, этом озере, и не вспоминают как будто, но оно, по ему самому ведомым законам, наполняется живительной влагой и радуется душе.

Так и поэзия: застанет врасплох, внезапно, одарит автора чудными образами и — на лицах “приобщившихся” отражением этого чуда засветятся улыбки, радость от того, что можно, оказывается, подобрать такие слова, что обыденное предстаёт в совершенно другом виде.

Гражданская лирика — так бы я определила жанр, к которому можно отнести произведения одного из самых уважаемых поэтов, публицистов, журналистов (в одном лице) Владимира Георгиевича Шестерикова под чудным наименованием “Мгновения”*.

В книге собраны, как мне показалось, самые дорогие для автора стихи разных лет, вехи его жизненного пути. И это очень импонирует читателю, который вместе с автором оглядывается на этапы жизни большой страны, вновь переживает чувства, волновавшие когда-то.

Эта книга о жизни, судьбе, профессии, требующей самоотдачи, о современниках. Вместе с тем пережитое пропущено сквозь сердце поэта, стало его жизнью. Он следует своему внутреннему порыву:

*Но снова, как жизни основу,
Как дар самоцветный её,
Ищу я волшебное слово,
Но только, поймите, своё.*

Характер человека в этом признании: ершистый, не знающий покоя, чуткий к словам и поступкам окружающих, требовательный к себе. За это и любим Шестериков-поэт, он же редактор, критик и несомненно — лирик, о чём предпочитает умалчивать.

Стихотворение “Моё богатство”, как и многие другие из сборника “Мгновения”, хочется напевать. В них есть что-то сродни есенинским грустинкам. (Это мнение далеко не единственное; зашедшая на огонёк коллега поделилась аналогичными ощущениями).

Представляется также, что в сельской школе на уроке литературы парнишка читает наизусть:

*А меня одно богатство манит,
Начисто лишённое хлопот:
Запросто вмещается в кармане
Мой потёртый маленький блокнот.*

*В нём несу я добрым людям вести
Из степных глубин и глуши,
В нём звенят мои стихи и песни,
Самоцветы сердца и души...*

Эти стихи программные, звучание их свежо, высказано сокровенное. Задана очень высокая планка творчества, и поэт остаётся ей верен. Помимо этого в стихотворении передаётся теплота и уважение к людям глубинки, не избалованным изысками, но знающим цену слову.

Находок в стихах В. Г. Шестерикова — россыпь! Это подмеченные у природы образы, мгновенные снимки с натуры. Воображением поэта они способны превратиться в легендарные персонажи:

“Роняли Ярославны руки, Как лебедь, белые крыла...”, “И как древний шелом, копна На тревожную землю надета”, “Ощетинились зло плетни, Паруса облаков отпущены... И с откоса сосна летит, Как стрела, что из лука пущена”. В другом месте: “Эта старая мельница — Крест опущенных рук...”.

Как точно подобраны интонации, передано настроение, сколько экспрессии и оттенков чувств в, казалось бы, обыденном деревенском пейзаже! Мастерская работа со словом отличает большого труженика, верного своему призванию поэта.

Владимир Шестериков... Этот человек олицетворяет собой наш певучий край, наш любимый Ишим: то он спокоен, тих, холодно сверкают глаза сквозь стёкла очков, то вдруг бурное половодье взрывает громаду льдов, и могучая внутренняя сила, копившаяся втуне, вырывается наружу, то — взгляд озорной, окатит шуткой, приподнимет над суетой, окрылит...

Ишим — река-кормилица, труженица, но своенравная, с виду не красавица. Но сколько помнит она, скольких вспоила и дала приют! О ней с уважением:

*Слившись вместе с поднебесной ширью,
Тихо дремлет гладь Ишим-реки,
И мечами воинов-батьров
По степи блестят солончаки.*

Батыр Шестериков. Строгий и справедливый отзыв Шестерикова-редактора ценят те, кто хочет научиться огранке слова, умению чувствовать жизнь. Он бывает твёрд как камень, если считает, что прав.

Ему дано увидеть: в одинокой птице, кружащей с печальным криком над полем, человека, мечущегося по жизни и не слышащего “зов своей души”; в разных возрастах — свой цвет — от зелёного до белого; в первом снеге — первый робкий поцелуй; игру “не в счёт” в разных перипетиях.

Он ведёт свою игру с судьбой, увлекается ею, бросает вызов, словно подзадоривая: “А вам — слабо?”. И это волнует, бодрит.

Шестериков — неповторим, а качество это дорогого стоит. Не расплескав свой дар, он остаётся эталоном вдумчивого литератора, словом, если у молодых дарований есть желание учиться — бегом в библиотеку, прочесть, понять и — принять.

Детской аудиторией легко воспринимается стихотворение “Белый свет”. За лёгкостью стиха кроется большое светлое признание в любви. Оно где-то навеивает мотив колыбельной, настолько невесомо, ажурно это стихотворение. Образ кудрявого мальчика Сашки Пушкина всплывает при его прочтении. Не будучи специалистом, осторожно подбираю выражения, по собственным ощущениям, это — шедевр.

“Дети Беслана” — пронзительная эпитафия погибшим. Откликнулся поэт и гражданин, и за это ему людская признательность.

И вновь автор за письменным столом, в поиске:

*Но снова, в груди мыслей роясь,
Зажав ладонями виски,
Идёшь мучительно на поиск
Одной-единственной строки.*

“Степная родина” поэта — это наш край. Горько-солёные озера, полынь, изрезанная морщинами земля, мудрые аксакалы, ветра, солончаки. Любить эту землю, воспеть её — что может быть прекраснее?!

Владимир Шестериков передаёт свою строгую и верную любовь землякам. Сколько замечательных мгновений проведёте вы, если прочтёте эту книгу.

А сколько ещё мгновений нам предстоит пережить вместе с этим незаурядным человеком, ищущим волшебное слово! Мы с нетерпением ждём новых стихов.

* В.Шестериков. МГНОВЕНИЯ. Стихи. Издательство “Северный Казахстан”, 2007. — 120 стр.

Из почты “Нивы”

Так трудно выбрать по душе...

Уважаемая редакция!

Я только недавно открыла для себя “Ниву”, которая помогает мне быть в курсе последних событий в сфере литературы и открывает для меня новые имена, а вместе с ними и новые мысли. Но в одном из номеров прошлого года я узнала о том, что ни один житель Кызылординской области не выписывает этот журнал, и поэтому спешу заметить, что я, вероятно, являюсь единственной подписчицей. Это известие, возможно, и не обрадует редакцию, так как это капля в море, но я хочу заметить, что в нашем городе достаточно умных, образованных, начитанных людей. Вполне вероятно, что они ещё не знают о “Ниве” и ещё находятся в стадии поиска. Из каталога, с тысячами наименований газет и журналов с краткими аннотациями, согласитесь, трудно угадать и выбрать то, что тебе по душе. Поэтому хотелось бы, чтобы редакция была снисходительна к кызылординцам.

**С глубоким уважением,
Гульсим ОНАЙБЕКОВА.**

От редакции. В этом году в Кызылординской области у “Нивы” уже два подписчика из числа “достаточно умных, образованных, начитанных людей”. Кроме автора этого письма уважаемой Гульсим Онайбековой появился ещё один. Конечно, в сравнении с Карагандинской областью, где выписывается 279 комплектов нашего журнала, это действительно “капля в море”. Однако прежде всего казахстанские литературные издания, включая “Ниву”, должны получать общественные и школьные библиотеки, которые этого не делают. Или же в департаментах культуры и образования Кызылординской области, распределяющих средства на подписку, нет культурных и образованных людей?

Этот не риторический вопрос мы адресуем и Алматинской, Актюбинской, Атырауской, Жамбылской, Западно-Казахстанской и Южно-Казахстанской областям.

Шагал к Шагалу, но был самим собой

Редки у нас ретроспективные выставки, и, наверное, поэтому они западают в память и душу глубоко и надолго. Одна из них, посвящённая памяти замечательного карагандинского художника Марата Джунусова и приуроченная к его 60-летию, прошла в столичном музее современного искусства.

Экспозиция получилась небольшая — всего сорок работ удалось собрать её устроителям, но и это обстоятельство положительно характеризует творчество великолепного живописца, ведь его полотна хранятся в разных музеях и галереях Астаны, Алматы, Павлодара, Караганды, Усть-Каменогорска, в частных коллекциях России, Украины, Германии, Франции, Англии, Дании, США, Польши, Израиля.

Марат Джунусов ушёл из этого мира за девять дней до 53-летия — 25 декабря 1999 года. Всю свою жизнь он подчинил служению искусству. Занимался в изостудии Дворца пионеров родного Усть-Каменогорска, затем в Алма-атинском художественном училище у известных художников Айши Галимбаевой и Молдахмета Кенбаева. В 1973 году М. Джунусов окончил Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, где занимался в мастерской известного художника Александра Зайцева. Некоторые из его студенческих работ представлены на обозреваемой выставке. Это очень добротные, высокопрофессиональные картины и этюды.

Тогда Марат Джунусов творил в реалистической манере. Однако и в тех полотнах уже заметен отход от строгих академических канонов — в первую очередь это касается цвета. Точный подбор красок, безукоризненно гармонирующих между собой, придаёт особую выразительность, пронзительность его пейзажам “Спасские горы”, “Этюд с домом”, “Флоренция. Вечер”, “Боровое”. Порой меланхолические, как пасмурная “Бухара”, порой торжественные, как “Утро во Флоренции”, его работы того периода притягательны, свежи, неожиданны.

Однако Марату Джунусову всегда было тесно в рамках академической живописи. Когда-то он заявил своему педагогу А. Зайцеву, которого всегда отличал консерватизм: “Вот окончу учёбу и стану писать, как Шагал”. Старый мастер окинул его взором и во всеуслышанье сказал: “Этот? Этот — будет”. Строптивый художник всю жизнь срывал “академические повязки” с глаз, одну за другой, одну за другой. И всё-таки выработал свой стиль. Отдалённое влияние Марка Шагала порой хоть и чувствуется в полотнах М. Джунусова, однако нельзя утверждать, что казахский живописец просто его подражатель. Марат всю творческую жизнь искал собственные выразительные средства. Чтобы постичь секреты западноевропейского искусства, он даже год прожил в Германии. Так и происходило становление художника.

Его зрелые работы полны экспрессии — “Ангелы в храме”, “Аттила”, “Саргассово море”, “Струны”, “Париж”, “Чёрные птицы”, “Комета” — это сложнейшие композиции, близкие к абстрактным. В них запечатлены

звнящая напряжённость, сгущённая, спрессованная материя, и вместе с тем ощущается лёгкость и непринуждённость кисти мастера. Его картины “полётны”, его персонажи словно оторваны от земли (“Небесные качели”, “Женщина и лошадь”).

Вместе с тем Марат Джунусов писал и реалистические картины — “Лошадки”, “Старик и самолёт”, “Пляж”. И вновь бросается в глаза чистый, словно промытый, колорит его полотен.

Так умел выразить свою любовь к жизни замечательный художник Марат Джунусов.

На открытие выставки из Караганды прибыли друзья и родственники живописца, в их числе вдова М. Джунусова, искусствовед Наталия Иванина, академики и члены-корреспонденты Академии художеств РК Ерлан Айтуаров, Марат Калкабаев, Мажит Байтенов, Владимир Проценко, Бейбут Мустафин и другие, а также его сестра Галина Джунусова.

Бектур КАДЫРОВ.

Фото Игоря БУРГАНДИНОВА.

Абстракция — как вечность

В творческой судьбе казахстанского живописца Марата Джунусова отразились основные тенденции становления и развития искусства республики, в котором соединились разные школы и направления Запада и Востока, слившись в единый поток очень своеобразной национальной школы.

В Алма-атинском училище Джунусов учился у таких художников как А. Галимбаева, М. Кенбаев, по-своему претворивших завоевания русской школы живописи, в Ленинграде — у А. Зайцева — последователя российского реализма. Но здесь было и другое ученичество: в стенах Эрмитажа — у Сезанна, Марке, на выставках — у Шагала, Тюленева. Из таких разных составляющих выковалось нечто цельное и гармоничное. Долго пришлось преодолевать академизм, въевшийся за 11 лет учёбы, и путь от “Космостанции” (1973) до “Белого света” (1992) — это не только годы, но и преодоление себя, преодоление инерции руки и глаза в стремлении к своему идеалу.

По характеру своего дарования Джунусов — лирик. Ему чужд анализ, он, скорее, синтезирует жизненные впечатления, сплетая из них живописную ткань повествования, воплощённую в цвете. Для него цвет — выразитель настроения, чувства, мироощущения в целом. И по мере изменения мировоззрения меняются и цветовые характеристики его полотен, а вместе с ними пластика формы, пространственные отношения.

Пожалуй, только портрет, в котором к художнику пришли первые настоящие успехи, формально мало меняется со временем. И ранние и более поздние портреты написаны легко. Несколькими мазками, бережно и даже нежно положенными на холст, живописец обозначает форму, не останавливаясь на её подробностях, не всегда давая ей верную характеристику. Цвет сдержанный, немногословный, но богатый валёрами, лепит объём, создаёт среду, “работает” на образ.

Художник предпочитает некомпозиционный психологический портрет. Он достаточно зорок и умен, чтобы без дополнительных символов и знаков рассказать о человеке. Тем более, что пишет он только людей, хорошо знакомых и духовно близких ему. Портреты очень личностны: живописец не отстраняется от своего героя, стремясь “объективно” оценить его качества, а проживает вместе с ним его жизнь, познавая душу. Портреты Любы (1976), Л. Чекановой (1984), сына (1988), Юлии (1993) однотипны по построению, так же как художника Байтенова (1980), “Мальчика в голубом” (1987), скульптора А. Бексултанова (1986). Это погрудные или поколенные изображения, скромные и внешне не эффектные. Нейтральный фон не отвлекает от главного — лица, тонко и деликатно написанного. Статика композиции позволяет сосредоточиться на динамике характера, выявленного точно и объёмно. За сходством внешним всегда есть сходство внутреннее, которое со временем становится всё глубже, так как портреты психологически ёмки и верны модели.

Композиционные портреты — художника Ю. Камелина (1980), металлурга А. Жунусова (1977), горного Т. Адам-Юсупова (1985) — довольно редки.

Портрет Л. И. Чекановой.

Портрет художника Ю. В. Камелина.

Здесь герои изображены в привычной для себя обстановке, рассказывающей об их роде занятий. Но она практически не добавляет образам индивидуального психологизма, а с другой стороны, не делает их только портретами-типами. Главное в холстах — лицо, через которое “читается” душа. Эти портреты так же лиричны и личностны, как и предыдущие.

Лирическая направленность искусства живописца выдвигает на первый план в его творчестве пейзаж, чему способствуют и многочисленные этюдные поездки. Именно пейзаж — творческая лаборатория художника. У него есть чисто “портретные” пейзажи — “Космостанция” (1973), “Блестящий Иссык-Куль” (1977), “На дальней зимовке” (1979), где точно передан ландшафтный мотив, но вместе с тем чувство, захватившее художника, изливается непосредственно и искренне. Здесь нет сухой констатации факта, отчёта об увиденном. Определённый ландшафтный мотив рождает определённые чувства, которые воплощаются в цветопластике. Изменения отношения художника к проблеме цвет-форма-пространство чётче всего прослеживаются именно в пейзаже. В “этюдных” пейзажах кажется, почти не произошло эволюции за 20 лет. Но если в ранних работах преобладает “портретный” подход, когда художника больше интересует форма: её характеристики определяют и цветопластику, и понимание пространства, то позже цвет становится основополагающим в образе: тонкие отношения сближенных тонов определяют форму, где объём — не главное, а цветовой ритм определяет глубину или плоскостность пространства. Чуткая вибрация цвета отражает бесконечную сложность мира природы, а якобы случайно разбросанные красочные мазки в сочетании живописного целого обретают мотивировку. “Три горы” (1992) — наиболее полное воплощение современного подхода Джунусова к пейзажу, где цвет несёт в себе характеристики и формы и пространства, именно он “строит образ”, напряжённый,

экспрессивный, становясь немногословным, поднимаясь до символа, знака современности.

Природа часто присутствует и в жанровых полотнах Джунусова ("Комната сына", 1981; "Перед скачками", 1979; "Старик и самолёт", 1988), утверждая космическое единство всего живого, делая бытовые сцены по тонкости своих чувств очень лиричными.

В 1990 году были написаны два пейзажа "На озере Маркаколь" и "Балхаш", ставшие зародышем нового подхода к живописи. Обычно пейзажи Джунусова "безлюдны". Это чистый пейзаж без стаффажных фигур,

они очеловечены лишь тёплым чувством художника.

Пейзажи же 1990 года населены. В них появляется бытовой мотив, "играющий" на образ, они несколько кинематографичны, монтажны. Здесь нарушаются пространственные и масштабные отношения, что позволяет создать образ экзотической величественной природы, где затерялся, но не потерялся человек.

Включение бытового момента в пейзаж привело к объединению двух жанровых начал, рождению картины, в которой превалирует пейзажный подход, т. к. большую роль играют пространственные отношения. Пространство может быть неопределённо и бесконечно, а также аморфно и индифферентно по отношению к происходящему в нём ("Женщина, мужчины", 1989; "Без названия", 1989), пространство может быть спрессовано и заполнено предметами — знаками-символами ("Польские впечатления", 1992; "Голубые глаза", 1993; "Мираж", 1993), пространство может пульсировать, до предела заполненное энергией, из сгустков которой рождаются всадники, верблюды, рыбы, огонь. Здесь всё слилось воедино: космос, земная природа, живые существа на ней и в ней. И всё это вырастает из мазков экспрессивно наложенной на холст краски, которая становится цветом, плотным и насыщенным в одном случае, разбелённым и неопределённым в другом, но всегда тонально сгармонизированным, даже в цветовом контрасте.

Портрет и пейзаж слились в этих полотнах воедино, так как в них есть и психологический динамизм, и космичность пространства, воссоздающего всеобщее единство, а сюжет лишь служит поводом для живописных рассуждений.

Цель же художника, определяющая горизонты его творчества — абстракция, причём абстракция не беспредметная, не бессюжетная, а абстракция, понимаемая как отвлечение от частных деталей, абстракция, понимаемая как вечность.

Перед скачками.

**Наталья ИВАНИНА,
г. Караганда.**

Ерлан БАЙМУХАМЕТОВ

Сказки для взрослых

Про вечную любовь, Город женщин, ищущих стариков, и Город хрустальных сердец

В давние-предавние времена на земле был город большой и красивый, весёлый и шумный. И жили в нём девушки с лёгким поведением и беззаботным характером, которые гуляли напропалую и наслаждались жизнью, употребляли алкогольные напитки и коктейли, курили сигареты, пропадали в ночных клубах и ресторанах, непринуждённо заводили знакомства с парнями и вступали с ними в интимные отношения. И всё было прекрасно и замечательно! А когда им всё это надоедало и приходила пора подумать о создании семьи, они выходили замуж за солидных старичков в красивых дорогих костюмах, у которых были на пальцах бриллиантовые печатки, в карманах толстые кошельки, набитые хрустящими пачками купюр, имелись роскошные виллы с бассейнами и фонтанами и подземными гаражами и несколько десятков шикарных автомобилей.

И не было в этом ничего предосудительного. Все жители этого славного города полагали, что так и надо жить. Таковы были порядки в этом городе, который назывался Городом женщин, ищущих стариков.

Но как-то в этом городе появились юноша с девушкой, у которых были большие и красивые бездонные глаза, а в груди бились хрустальные сердца. Они искренне и очень сильно любили друг друга, были счастливы и не могли и дня прожить в разлуке. Они дышали одним дыханьем и когда касались друг друга, то ничто и никто не нужен был им. Они радовались каждому наступающему дню, солнечному свету, пенью птиц, вечерней прохладе, блеску звёзд на небе и свежему аромату цветов. Они любили песни светлые и душевные, в которых не было ни одной фальшивой ноты и от которых разливается в груди окрыляющая радость или завораживающая печаль.

Когда юноша и девушка, обнявшись, целовались, от соприкосновения их тел раздавался мелодичный хрустальный звон, а вокруг становилось светлее и краше. И не было фальши в этой мелодии, потому как любовь их была чиста словно родниковая вода.

Стали они выделяться среди жителей Города женщин, ищущих стариков, и завелась в сердцах у женщин зависть и злоба на то, что не так у них всё хорошо и замечательно, как у парня с девушкой. Стали они распускать сплетни и наговоры, придумывать интриги, чернить их и всячески выживать из города. Не вынесли парень с девушкой такого отношения

**Ерлан
Ертаевич
БАЙМУХАМЕТОВ**

родился в 1966 году, юрист, работает в Генеральной прокуратуре РК начальником управления по надзору в сфере законотворческой деятельности.

к себе, ушли из города, не желая выслушивать небылицы про себя. И среди зелёных холмов, в долине родниковой реки возвели хрустальный город. И поселились в нём люди с хрустальными сердцами, и всякий раз, когда кто-нибудь из них находил свою половинку, игралась свадьба, расцветали цветы любви и в солнечной долине звучал мелодичный хрустальный звон. И жили в этом Городе хрустальных сердец весело и счастливо.

Но недолго продолжалось золотое время. Иногда случалось так, что от сильного стука хрустального сердца одного разбивалось или давало трещину хрустальное сердце другого. Стали появляться люди, у которых сердце было с трещинкой или заменённое на стеклянное. И когда влюблялись такие люди, то мелодичный звон уже не был таким чистым, искренним и приятным на слух. Постепенно фальшь всё больше и больше стала разъедать отношения в этом городе.

Обиделись тогда парень с девушкой на жителей города и ушли далеко-далеко, на самый край земли к высоким горам и заснеженным вершинам — поближе к звёздам, и никого им не надо было, ни одной живой души. Обнялись они среди белых искрящихся снегов, сомкнули свои хрустальные сердца — и стала музыка хрустальных сердец вечной. И каждый, кто слышал её — становился добрее, человечнее, нежнее, а на душе его теплело. Те же, кто не слышит её — замерзает от холода студёных ветров, становится злее и суровее.

Но всё меньше и меньше тех, кто согревал бы своим теплом этих замерзающих людей, потому что музыка вечной любви звучит всё тише и тише. И всё призрачней становится слияние двух хрустальных сердец юноши и девушки...

О яркой и малозаметной звёздах

В тёмном ночном небе всегда одновременно зажигались две звезды. Одна — большая, яркая, другая — тусклая, малозаметная.

Яркая звезда взидала на Землю с высоты и видела на ней весёлую и красивую жизнь. И мечтала эта звезда, что попадёт когда-нибудь она на Землю и засверкает-заблестит ещё сильнее. А около неё светилась маленькая малозаметная звёздочка, любившая яркую звезду. Счастлива она была, что рядом с нею находится, хотя большая и яркая звезда не обращала на неё внимания.

Но случилось чудо. Воплотилась мечта яркой звезды. Стала она падать на Землю с большой скоростью. Летя в плотных слоях атмосферы, стала она светиться ещё более ярким светом, думая при этом, что приближается к своей мечте.

Но, упав на Землю, превратилась яркая звезда в маленькую обгоревшую головешку. Потеряла она свой былой блеск и красоту.

А тусклая и малозаметная звёздочка затосковала по большой и яркой звезде, потому как очень любила её.

И только она пожалела большую и яркую звезду, потому что жить не могла без неё...

О белой розе

В цветнике росла белая роза. Была она так прекрасна, что слепила своей красотой. За ней очень тщательно ухаживали и заботились. Каждое утро и вечер пололи и удобряли землю вокруг неё, поливали свежей

родниковой водой. И белая роза очень гордилась тем, что была такая красивая. Никому она не давала срывать себя, берегла для прекрасной девушки, которой подарит её не менее прекрасный юноша.

Каждый раз, когда кто-нибудь из парней пытался сорвать белую розу, она больно колола его своими острыми шипами и не давала себя срезать. К ней подходило много симпатичных парней, но роза всячески сдерживалась, мечтая о ещё более привлекательном юноше. И уходили огорчённые парни, срезая другие цветы.

Так шло время, очаровательная роза постепенно стала блёкнуть, увядать и терять свою неповторимую красоту цветка. Стали потихоньку опадать нежные бархатные лепестки. Всё больше росинок стекало с поредевших лепестков на некогда величавый и гордый стебель. Померкла красота белой розы-недотроги, потерявшей свой первоначальный цвет только что выпавшего снега. И теперь парни проходили мимо, даже не взглянув на неё. А один даже случайно задел стебель ногой и сломал гордую розу.

Так погибла белая роза, мечтавшая, что будет символом любви в руках у прекрасной девушки.

Про синее море и удивительную верность

Синее безбрежное море. Тихое, спокойное и величавое. Когда смотришь на него, чувствуешь радость и умиротворение на душе. Линия горизонта сливается с линией моря и кажется, что вокруг тебя бесконечная ласковая синева. Но вдруг возникает шторм.словно какая-то неведомая сила начинает нарушать покой моря, поднимает зыбь, нагоняет тучи. И вот — буря. Вздываются огромные волны, стонет-надрывается яростный ветер, неистово хлопочет тёмная пучина. И был среди морского безбрежья небольшой безлюдный остров, на котором высились неприступные крутые скалы. А там обитал бесстрашный сокол. Высоко в поднебесье облетал он округу, высматривая добычу. Молод он был и мечтателен. Но не был он одинок в этом мире. Низко над морем летала белая чайка. Понравилась соколу чайка своей грациозностью, ослепительной белизной и маленькими чёрными глазками. Молнией падала она в море и выхватывала рыбу. Легко, непринуждённо взмывала вверх, грациозно лавируя на воздушных потоках.

Польстила чайке любовь сокола, гордо парившего в небесной высоте. Был ловок и силен сокол. Но нравилось чайке в нём не это, — её привлекал холодный и рассудительный ум. Необычайно интересно было с ним. Так завязалась дружба смелого сокола и нежной чайки.

Но внезапно ворвался в синее пространство могучий орёл. Широко распластав свои сильные крылья, парил он высоко-высоко, бесстрашными и суровыми глазами высматривая добычу. Не было прекрасней птицы в этом небе, ибо если лев — царь зверей, то орёл — царь птиц. Увидел он белую чайку и влюбился в неё, как влюбляется сильный мужчина в красивую женщину. Резко спускался и резко взмывал вверх, показывая чайке, какой он крепкий и выносливый, как он любит риск. Нипочём ему были морские ураганы. Задумалась тогда белая чайка. Нравился ей умный и рассудительный сокол, но и отважный, мужественный орёл тоже пришёлся по нраву. Кому из них отдать предпочтение? За кем из них она будет как

каменной стеной, кто будет любить её сильнее? И решила, что надёжней орёл, чья царственная осанка приводила чайку в трепет и восхищение. Бросила она сокола, попросив его не убиваться по ней, а оставаться её другом, и улетела с орлом.

А бедный сокол погоревал-погоревал да и отправился к своей давней знакомой — голубице. Была она очаровательна, скромна и мила, хозяйственная и трудолюбивая. Предложил сокол голубке свить общее гнездо. Так и зажили они дружно.

Однажды сокол отправился на охоту, принести в гнездо корм. А голубка осталась одна. Заскучала она в одиночестве. Увидел это пролетающий мимо мужественный орёл и, рискуя попасть на глаза соколу, стал развлекать голубицу, выделявая головокружительные пируэты, восхищая её своим бесстрашием. Посмотрела на него голубка, но не выказала ни капли внимания орлу, потому что ценила сокола и хранила ему верность. Не могла она изменить соколу, не в её правилах было это. А орёл хоть и нравился ей, но не думала голубица, что орёл всегда будет таким любезным и внимательный к ней. Она знала, что только сокол будет ей предан. Так и улетел орёл ни с чем, а голубка долго и счастливо жила с гордым и умным соколом.

Вот такая удивительная верность.

Чёрный тюльпан

На зелёном лугу рос и цвёл чёрный тюльпан. Пчёлы, пленившись красотой его бутона, прилетали и пили его сладкий нектар, опыляли его, и от этого ещё краше становился он день ото дня. И был счастлив чёрный тюльпан потому, что был любим пчёлами. Ведь не был он одинок на этом зелёном лугу, но не давали ему скучать пчёлы. Одно было плохо: не долго задерживались они на чёрном тюльпане, напившись нектара, жужжа, улетали по своим делам.

Но однажды, разогнав всех пчёл, поселился на чёрном тюльпане большой и мохнатый шмель.

Стал шмель пить сладкий нектар, и счастлив был безмерно чёрный тюльпан, так как шмель был единственным его обитателем. Но ненасытный шмель требовал всё больше и больше нектара и всё пил и пил его. Никак не мог напиться. Отдавая нектар, всё больше напрягался чёрный тюльпан, стал истощаться и зачах. Увял бедный цветок. А чёрный шмель расцвёл, распушился и растолстел. Настало время, когда тюльпан не мог уже давать нектар шмелю, и бросил тогда его шмель, улетел искать другой цветок.

А чёрный тюльпан, всеми забытый и засохший, остался один-одинёшенек на зелёном лугу.

Про телефонную будку по прозвищу Таксофон

В шумном городе на шумном перекрёстке стояла телефонная будка, прозванная Таксофоном за простоту и наивность, неумение выделяться среди других телефонных автоматов.

Заходившие люди звонили по телефону, болтали без умолку. И был он со всеми добр и вежлив, потому что верил, что на добро всегда надо отвечать добром, если только добро это искренне и бескорыстно. Часто люди

звонили бесплатно, так как Таксофон возвращал им монетки. Так текла его телефонная жизнь.

Но однажды весенним днём зашла в будку очаровательная девушка с потухшими, полными печали глазами. Позвонила она и долго разговаривала. Понравилась Таксофону эта девушка. Каждый вечер нетерпеливо ждал он её, чтобы услышать её нежный голосок. Готовясь к встрече, Таксофон вымыл телефонный аппарат, прочистил кабели, заменил диск и микрофон, обновил свой корпус. И каждый вечер приходила девушка и ласкала слух Таксофона.

Но однажды, резко с кем-то поговорив, девушка бросила трубку на рычаг и ушла, громко хлопнув дверью телефонной будки. Огорчился Таксофон, но не покидала его надежда, что помиритесь девушка со своим абонентом.

Шли дни, заходили в телефонную будку люди, звонили и разговаривали, но девушка, так понравившаяся Таксофону, так и не появилась. Затосковал тогда Таксофон, стал ломаться, проглатывать монеты, не отвечать и плохо передавать по кабелю голоса. Никто не мог толком дозвониться и нормально поговорить. Стали обходить люди Таксофон стороной. В одиночестве оказался Таксофон.

Но шло время, и однажды вошла другая девушка в Таксофон, бросила монетку в телефон и набрала номер. Не поднялась рука у Таксофона обидеть её. Сделал он так, что дозвонилась девушка и состоялся её разговор. Ласково и нежно обращалась она с Таксофоном, и влюбился в неё Таксофон, позабыв прежнюю девушку. И стал он вновь хорошим и красивым, как в прежние времена.

Всё течёт, всё меняется, жизнь не стоит на месте, и я верю, что добро победит равнодушие и бессердечность.

Царевна-лягушка и кузнец-молодец

(По мотивам песенки "В траве сидел кузнечик...")

Жил-был зелёный кузнечик. Был он обаятельный и нравился многим. Друзья уважали его, подругам он тоже был симпатичен. Взрослые кузнечики говорили о нём, что он не глуп. Учился кузнечик на "отлично". Хвалили его учителя. И думал кузнечик, что умный он и красивый. Стал задирать нос кузнечик. Но на самом деле не был он таким умным, просто умел показать окружающим, что в его голове полно мыслей. И вот как-то скакал он по лугу и увидел большую лягушку. Очень она ему понравилась своими огромными глазами. Подпрыгнул он поближе, а лягушке того и надо было. Проглотила она его, даже не поперхнувшись.

Попав в тёмный и мрачный желудок лягушки, задумался кузнечик, почему он такой умный, а попался на простую уловку лягушки.

Решил он как-то выбраться из этой ситуации. Стал разговаривать с лягушкой и развлекать её. Придумывал стихи, сказки и всякую чепуху. И до того пронял лягушку, что смягчилась она и выплюнула кузнечика на свободу. А кузнечик поблагодарил лягушку, что научила его уму-разуму. Предложил он лягушке, как говорится, руку и сердце. А лягушка полюбила его за стихи, сказки и всё такое.

Любовь превратила лягушку в прекрасную царевну, а кузнечика в доброго молодца. Поженились они и зажили счастливо.

г. Астана.

Владимир ТРЕТЬЯКОВ

Блуждающий форвард

Повесть

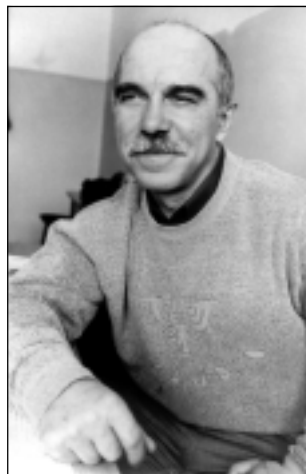
Глава 1

Нет, как ни крути, а самый важный и работоспособный орган в организме — это мозг. Его функции сродни тем, чем занимается начальник крупного предприятия. Так же, как и он, мозг постоянно должен думать над тем, как повернуть огромное количество работы, но сделать это как можно эффективней. Ведь от того количества ума, заложенного в его сером веществе, от умения продумать до мелочей и организовать работу подчинённых зависит состояние конкретного тела. Ноги за день могут пробежать по суше не один десяток километров и к вечеру просто отваливаться, а наутро уже не быть столь резвыми. Руки способны за тот же временной интервал, скажем, перекопать несколько соток земли и после такой нагрузки ещё неделю напоминать о столь стахановском трудовом подвиге, совершённом ими, но повторить его в эти семь дней не смогут. И первый, и второй случай говорят прежде всего о том, что у этих ног и рук не самый умный начальник, который не умеет ценить и беречь родной коллектив. Умный бы наверняка изобрёл автомобиль или мини-плуг, тем самым увеличив производительность труда человека, сэконобил бы его драгоценную физическую энергию.

Похоже, что у моего организма именно такой начальник. Иначе бы он уже давно придумал, где мне взять денег на новую резину для моего “Жигуля”, дабы его хозяин мог передвигаться быстро, комфортно и, самое главное, не затрачивая лишних сил. Он бы придумал, как быстро и качественно перекопать земельный участок на даче у Юлькиных родителей. Почему мозг старшего лейтенанта Сипягина догадался использовать на подобных работах труд пятнадцатисуточников, которые в воскресенье всё

Владимир ТРЕТЬЯКОВ

родился в 1955 году в г. Кокчетаве. По образованию историк. В 1994 году увлёкся журналистикой. Сотрудничал с городскими и областными газетами. Тогда же начал публиковать первые рассказы. Некоторые из них были напечатаны в журналах “Нива” и “Ай”. В настоящее время работает в кокшетауской городской газете “Любимый город”. В последние годы является постоянным автором нашего журнала. В 2004, 2005 годах в “Ниве” увидели свет его повести “Исчезновение”, “Беспокойство”, “Росаот”, а также юмористические рассказы. Предлагаем вниманию читателей новое произведение Владимира Третьякова, продолжающее цикл ранее опубликованных повестей.

равно маются от безделья и изнывают от желания быть полезными, если не всему обществу в целом, то хотя бы отдельным его представителям? В результате, как рассказывал Женька, все в этом деле остались довольными. Его родители за один рабочий дачный день получили полностью преобразённый участок и даже засеянный семенами различных овощей. Узникам малого срока пребывания, накормленным до отвала домашним обедом, коего многие из них не едали уже несколько лет, вручили по три пачки сигарет, которые они видели разве что в витринах ларьков. Вот пример правильной работы конкретных, в данном случае, Женькиных мозгов. А мой страдалец никак не способен выдавать вовремя и к месту столь гениальные идеи, а потому сейчас пыжится в надежде найти решение очередной непосильной для него задачи как поиск средств на организацию свадебного торжества, которым его хозяин хотел бы осчастливить вышеупомянутую уже Юлию.

К этому шагу мы с ней шли уже давно и успели за эти несколько лет взвесить все “за” и “против”. Я, наученный горьким опытом своего предыдущего неудачного акта, несколько осторожничал. Юлька, не отягощённая пока столь бесценным опытом, тем не менее прекрасно меня понимала и не торопила. Последний год мы жили вместе и, как говорят в таких случаях, вели совместное хозяйство. Этот своеобразный испытательный срок никак не повлиял на охлаждение наших чувств. А потому мы решили скрепить наш союз взаимными подписями, осознавая, что дальше откладывать наше неизбежное бракосочетание уже никак нельзя. Согласитесь, когда невеста стоит под венцом, а все окружающие видят её девятый месяц беременности, то это выглядит нелепо и столь же смешно. Поэтому, пока не поздно, мы решили положить конец нашей формальной холостой жизни и отяготить её узами брачных отношений.

Конечно, Юлька человек мужественный, готовый делить со своим избранником все тяготы и лишения совместного существования, но я ведь не чурбан какой-то и прекрасно понимаю, что любая девушка хотя бы раз в жизни мечтает примерить свадебный наряд. Да и без минимального торжества не обойтись. По нашим прикидкам мы просто обязаны будем пригласить человек двадцать пять с обеих сторон. Всё это влечёт расходы, а свободных средств ни у меня, ни у неё просто нет. Занимать я не привык, а значит остаётся столь необходимые мне средства как-то заработать, причём способ добычи может быть только законный, потому как мой мозг устроен совсем иначе, чем Женькин, и как-то изменить его регулировку я бессилён, отчего сейчас и мучаюсь. Прямо хоть в “Бинго” начинай играть! А что, неплохая, кстати, идея! Чем чёрт не шутит, ведь должна же когда-то тёмная полоса моего финансового неблагополучия прерваться. Почему бы и не сейчас, ведь для этого нужно только по-настоящему захотеть.

Мои горестные раздумья прервал голос сержанта Разумовской, прозвучавший из динамика: “Капитан Родионов, срочно зайдите к подполковнику Камышеву”.

Ну вот, сейчас мои мозги получают ещё одну нагрузку: если Камышев зовёт к себе и притом срочно, то как пить дать, предвидится новенькое дело. И, конечно же, оно не из простых, так как чего попроще подполковник уже давно поручает не мне, а кому-то другому.

Дверь в кабинет была открыта, так что стучать не пришлось. Борис Васильевич заметил меня и коротко пригласил: “Заходи”!

Подполковник вовсе не пребывал в одиночестве. Напротив него и спиной ко мне сидел некто в лёгкой спортивной курточке, тренировочных брюках и кроссовках. Он медленно повернулся и я понял, что уже где-то видел этого человека.

— Знакомьтесь, — кивнул Камышев в мою сторону. — Капитан Владимир Родионов. Ему я хочу поручить ваше дело. А это Юрий Викторович Сорокин, главный тренер нашей футбольной команды.

Сорокин поднялся и протянул мне руку. Конечно же, теперь я вспомнил, что видел его на стадионе во время футбольных матчей. Только с трибуны он смотрелся как-то иначе. Возможно, эмоции, которые активно проявляются у многих наставников в ходе игры, как-то изменили ощущение и повлияли на моё восприятие.

Юрий Викторович был примерно одних лет со мной. У меня сразу же создалось ощущение, что мы легко найдём общий язык и я смогу помочь ему.

— Юрий Викторович уже успел мне вкратце рассказать, что там у них произошло, — пояснил Камышев. — Но я бы попросил вас ещё раз повторить всё то же, но только постарайтесь сделать это с мельчайшими подробностями. Сами понимаете, в нашем деле любая, на первый взгляд даже незначительная деталь, способна сказать очень многое. Прошу.

Тренер немного помолчал, а затем начал рассказывать. Говорил он медленно, тщательно подбирая каждое слово. Чувствовалось, что он внутренне волнуется, но пытается скрыть это.

— У нас вчера пропал один из футболистов, — сказал Сорокин. — При каких обстоятельствах это произошло, я не могу сказать. Всё так необычно, что мне даже трудно что-либо предположить.

— А кто именно пропал? — спросил я.

— Вы сам, случайно, не болельщик?

— Есть такое дело. Когда есть возможность, то хожу поболеть, так что ваших игроков практически всех знаю поимённо.

— У нас в команде играет молодой форвард — Виталий Широков, так вот, именно он и исчез после вчерашней игры.

Я кивнул в знак понимания того, что знаю, о ком идёт речь. В нашем «Кристалле» он появился только в этом сезоне, но я, сам когда-то поигрывавший, хотя и на любительском уровне, сразу же выделил этого, несомненно одарённого паренька. Он не обладал какой-то сверхъестественной техникой или скоростью, достойной спринтера, но при всех этих недостатках Виталий владел неплохим ударом с обеих ног и прямо-таки собачьим чутьём на голевые ситуации. В борьбе за отскочивший мяч ему не было равных, и большинство голов Широкова — а забивал он почти в каждом матче и частенько не единожды, внешне не выглядели шедеврами футбольного искусства, но давали стабильный результат.

— Кто вам сообщил об исчезновении Виталия? — спросил я.

— Где-то без нескольких минут двенадцать мне домой позвонила его мать, — ответил Сорокин. — Сказала, что сын до сих пор ещё не вернулся, и она беспокоится, не случилось ли что-то во время матча. Ну там, скажем, травма... Я ответил, что у него всё в порядке, возможно, немного задержался с ребятами, как-никак они победу одержали. Сам же сразу почувствовал неладное. Дело в том, что мать у Виталия очень больна и всё свободное время она старается находиться рядом с ней. Сразу после тренировок или игры тут же бежит домой.

— А как он поступает, когда команда выезжает в другие города? Насколько я знаю, Виталий играет в выездных матчах?

— В этом случае за Анной Сергеевной по очереди ухаживают женщины, работающие в нашем клубе. Мы им доплачиваем, но они, как мне кажется, готовы это делать без всяких денег. Виталика все у нас очень любят не только за то, как он играет, но и просто так. Он ведь самый молодой в команде, так что как сын полка.

— Хорошо, давайте вернёмся к звонку Анны Сергеевны.

— В общем, я постарался её успокоить, а сам после этого начал обзывать ребят. Никто из них так и не смог сказать что-то определённое. Да, все уходили с поля, кто-то вспомнил, что видел Виталия в душе, но вот того момента, когда он одевался и уходил со стадиона, никто не мог припомнить. После этого я позвонил туда, но дежурная сказала, что кроме неё и сторожа там никого больше нет. Оставалось тревожить больницы, хотя это было очень тяжело. Но везде мне отвечали, что никто, даже отдалённо напоминающий по описанию Виталия, к ним не поступал.

— Интересно, — изрёк я, чтобы хоть что-то сказать.

— Да куда уж интереснее, — отозвался Сорокин. — Я пережил сегодня не самую спокойную ночь в своей жизни. Верите, до сих пор глаз не сомкнул. Хотел даже отменить утреннюю тренировку, но потом отправил команду со своим помощником на базу, а сам отправился к вам.

Я выжидающе посмотрел на Камышева.

— Тебе всё ясно? — спросил он в ответ на этот взгляд.

— Примерно так же, когда перед рассветом попадаешь в полосу тумана.

— Что думаешь предпринять?

— Наверное, стоит съездить на базу и ещё раз поговорить с ребятами. Может быть, кто-то из них вспомнит нечто важное.

— Возможно, но вначале вызови проводника с собакой и проскачите на стадион. Начните прямо с раздевалки. Только необходимо найти что-то из вещей Виталия. Юрий Викторович, как бы организовать нам хотя бы небольшой предмет, принадлежащий вашему игроку?

— Не проблема, — ответил Сорокин. — Можно попробовать заехать к Широковым, там сейчас Вика дежурит. Она потихоньку вынесет какую-нибудь вещь. Хотя... кажется, в этом нет необходимости. Недавно Виталий был у меня и забыл свою джинсовку. Подойдёт?

— Вполне.

— Тогда поехали, я на машине.

Мы вышли из кабинета, после чего я позвонил из дежурки кинолога. Вскоре к нам присоединился Саша Туманов со своим Шухером, умнейшим псом, вполне оправдывающим свою кличку. Он обладал уникальным нюхом, ещё ни разу не разочаровывал своего хозяина, но в свободное от работы время это было сущее наказание. В своём не таком уж далёком детстве он слыл главным смутяном питомника, да и сейчас остепенился ненамного. Вечно он кого-то задирает, с кем-то грызся по поводу и без оного. Но при этом Шухер оставался всеобщим любимцем, которому доставались не только комплименты, но и различные подношения в виде печенья и кусочков рафинада. Собственно, именно сахар и стал тем предметом, определившим его кличку.

На стоянке нас уже поджидала тренерская “Ауди”. Саша с Шухером сели на заднее сиденье, а я расположился рядом с Сорокиным на переднем. Машина тронулась, и тут мне в голову пришла одна мысль.

— Юрий Викторович! — начал было я, но он меня перебил.

— Если не возражаете, то можете называть меня просто по имени, — сказал он. — Мы ведь, наверное, ровесники?

— Лично я не против, — ответил я. — Это значительно упростит наше общение. Можешь звать меня Володей.

— Тогда и ты меня Юрой.

Мы хлопнули друг друга по рукам и я продолжил свою мысль:

— Юра, сам-то ты что думаешь по поводу исчезновения?

— Даже не знаю. Теряюсь в догадках.

— А не мог ли Виталий за вашей спиной потихоньку вести переговоры с каким-то другим клубом, более именитым и, соответственно, более благополучным в финансовом отношении. В его положении, когда больная мать на руках, более высокая зарплата была бы весьма кстати. Да и перспектива роста. Может, парня охмурили и он отвалил на сторону, а?

— Сейчас это не так просто сделать, — ответил Юрий. — У него с нашим клубом контракт подписан и не до конца этого сезона, а ещё и на следующий. Без нашего разрешения его просто не допустят к выступлениям. Правда, его могут выкупить, но я даже не представляю, кто бы это мог сделать. Нет, тут что-то другое.

— Например?

— Я скорее поверю в то, что его могли выкрасть на какое-то время.

— Кто?

— Как кто? — наши конкуренты в борьбе за первенство. “Кристалл” ведь вначале никто даже в расчёт не принимал, так, место в восьмёрке, да и то при известной доле везения. А сейчас, имея такого забивного нападающего, мы представляем реальную силу. Он создаёт такие голы, которые не в силах отменить никакие арбитры. Правда, они могут “душить” нас, “придумывать” пенальти, но Виталий в большинстве случаев всё равно забивает на один мяч больше соперника. Уникум, да и только. “Человек-гол”. Так что сегодня мы способны потеснить с первой позиции кого угодно, в том числе и тех, кто до начала розыгрыша пообещал своим хозяевам победу в чемпионате и уже получил под это дело крупную сумму. Теперь её необходимо отрабатывать, а как, если наш Виталик способен определить результат любой игры. Кстати, — добавил тренер, чуть заметно усмехнувшись, — он ведь не только в нападении способен сыграть. Из него может получиться отличный вратарь.

— То есть? — удивлённо спросил я. — Он и там уже успел наследить?

— Было дело... — Юра чуть наморщил лоб, как бы припоминая в деталях подзабытую историю. — Так, во второй выездной игре этого сезона... Да, всё правильно... Играли мы с “Металлистом”, счёт 0:0, и где-то минут за пятнадцать до конца Виталик вышел на замену. Она у нас, кстати сказать, уже последняя была. Так вот, только он вышел на поле, как сразу же их форвард вывалился один в один на нашего кипера. Ситуация была практически безнадежная. Толик кинулся в ноги и снёс этого парня. Всё, фол последней надежды, пенальти. Толяна, само собой, с поля, а заменить его было нечем, лимит замен исчерпан. Вот тут-то Виталий и пошёл в “калитку”, причём сам, никто его об этом не просил. Натянул перчатки, встал на

линию ворот и не шевелится. Я уже рукой махнул, сейчас думаю, пропустит. Игрок “Металлиста” разбежался, пробил, но сделал это по-пизонски, точно по центру ворот. Понадеялся, что Виталик гадать начнёт, прыгать в какой-то угол. А тот как стоял, так и остался, вроде знал, куда удар придётся. Мяч в живот принял, а потом так это, знаешь, нахально ручкой делает, мол, спокойствие и только спокойствие. Ох, я тогда поразился его психологической устойчивости!

— А матч-то как закончился? — спросил я, уже предвидя, каким будет ответ Юрия.

— А так и закончился, — сказал он. — Удержали мы тогда ничейку. “Металлист” после этого незабитого пенала нам такое устроил! И так играем в меньшинстве, так ещё и удар за ударом. Ребята под них ложились не жалея себя, но в двух случаях Виталик опять спас. Один раз на угловой отбил, а второй раз брать мяч не стал, а просто с лёта его обратно к центру со всей силы отбил. Вот так.

— Интересная игра получилась, — сказал я, восхищённо покачав головой. — А я про неё ничего не слышал. Ну да ладно, а на поле за ним не пытались охотиться?

— Как не пытались? Было. И за форму хватали, и за отдельные части тела. По ногам пытались бить, но серьёзных травм Виталий каким-то образом избегал. А потом, ведь он играет не так как другие форварды. Для него не характерны длинные проходы с дриблингом. Чаше всего получает мяч и тут же старается от него освободиться в одно касание. Да и голы его очень просты. Караулит, как тигр в засаде, дожидается неудачного отскока, рикошета, и здесь он король. Щёчку подставит, вкатит мяч с одного-двух метров или неожиданно выстрелит метров с двадцати, после чего разворачивается и, даже не дожидаясь пока сетка всколыхнётся, трусит напрямиком к центру поля. Так что подловить его на грубость очень трудно.

— А с кем у вас следующая игра?

— С “Энергией”, через два дня.

— Дома?

— Да.

— Что ты думаешь по их поводу?

— Если ты намекаешь, что они могли пойти на похищение, то, скорее всего, вряд ли.

— Почему?

— Как бы тебе сказать... — Сорокин почесал переносицу, явно подыскивая нужные слова. — Понимаешь... Ну, это где-то чутьё, что ли. В общем, не станут они этим заниматься, не такие люди там в руководстве. Да это им и не надо, на первые места они не претендуют.

— А другие матчи?

Юрий ненадолго задумался.

— А вот следующий, пожалуй, подходит. Мы его играем на выезде с “Викторией”. Эти лезут наверх всеми правдами и неправдами. Слышал, что очень активно “работают” с судьями, да и насчёт некоторых игроков из команд-соперниц подозрения есть. Когда опытейший футболист на ровном месте совершает подряд несколько детских ошибок, это, знаешь, всегда подозрительно.

— Хорошо, — кивнул я головой. — Одна версия уже есть.

В этом месте наш разговор прервался, потому что мы подъехали к дому Юрия. Он вышел из машины, исчез в подъезде и через несколько минут вернулся, держа в руках джинсовую куртку.

— Ну что, на стадион? — спросил он.

— Да, как договорились, — ответил я.

Глава 2

Стадион “Кристалл” в Ташлинске появился в конце пятидесятых. По тем временам это было единственное спортивное сооружение в нашем городе. У меня до сих пор перед глазами стоит его тогдашний вид: футбольное поле, деревянные трибуны в десять рядов с северной и южной стороны, небольшой спортзал и административный корпус. Весь этот комплекс был огорожен забором из металлической сетки, в которой болельщики, не желающие покупать билеты, проделали удобные лазейки. С них-то и началось моё любопытство и знакомство с великой игрой. На это поле я выходил и сам в составе молодёжной команды города.

Когда я оканчивал школу, стадион впервые за много лет подвергся реконструкции. В тот год “Кристалл” завоевал право играть в классе “Б”, тогдашнем третьем эшелоне союзного первенства, и руководство футбольного союза потребовало привести арену в соответствии со стандартами тех лет. Стадион окружили бетонным забором, добавили ещё две трибуны и увеличили вместимость до десяти тысяч человек. Модернизировали поле, к чему имел отношение и ваш покорный слуга, таскавший на той народной стройке носилки с землёй. Страшно подумать, но с той поры пролетело уже семнадцать лет. Сейчас стадион модернизировали в очередной раз, но теперь это не связано с тем, что наша команда претендует на место в премьер-лиге. Она и сейчас всё ещё играет, как и много лет назад, в третьем эшелоне. Хотя, похоже, в этом сезоне у “Кристалла” появился неплохой шанс при помощи Виталия Широкова подняться выше и показать себя в первой лиге. А реконструкцию затеяли в связи с требованиями, предъявляемыми высоким футбольным руководством. Поэтому деревянные скамейки на трибунах заменили индивидуальными пластиковыми сиденьями, да и поляну, несколько лет вызывавшую иронию у всех приезжих команд, наконец-то привели в божеский вид.

Мы прошли в административный корпус, преобразившийся после евроремонта, где Сорокин обратился к дежурной, сидевшей за стойкой, весьма напоминавшей барную:

— Катюша, дай нам, пожалуйста, ключи от нашей раздевалки.

Женщина протянула связку, с любопытством глядя на нашу разношёрстную компанию, где особенно выделялся Шухер, пока ещё смирно сидевший у Сашиных ног, но уже хитро посматривавший по сторонам на предмет сотворения какой-то очередной шалости.

— Ну что, Юрий Викторович? — вполголоса спросила Катюша. — Виталика так и не нашли?

Сорокин отрицательно покачал головой, взял ключи и направился по длинному коридору.

— Юрий Викторович! — крикнула ему вдогонку Катюша. — Только там после вчерашнего ещё не убрано.

— Почему? — удивлённо спросил Сорокин.

— Техничка вчера приболела, сказала, что сегодня наведёт порядок.

— Бардак! — коротко прокомментировал данный факт тренер. — Вечно у неё не одно, так другое. Что сейчас товарищи скажут?

— Товарищи вынесут благодарность, — поспешил успокоить его я. — Собаке сейчас предстоит работать, а после уборки это ей сделать будет гораздо труднее. Правильно я говорю, Саша?!

— Так точно, товарищ капитан! — подтвердил мою мысль Туманов. — Уборка — главный враг сыска.

Мы подошли к раздевалке, Сорокин попробовал отпереть дверь, но она оказалась открытой, и он легко распахнул её, шёпотом произнеся нечто невнятное, но весьма выразительное. Тут же до нашего слуха донёсся шум льющейся воды. Я недоуменно глянул на Юру, он, в свою очередь, на меня, и только Саша с Шухером оставались невозмутимыми.

В раздевалке царил тот самый беспорядок, который обычно способна оставить после себя только большая компания красивых и сильных мужчин, придающих мало внимания своим обязанностям, прекрасно осознающих свои права и понимающих, что убирать после них должен кто-то другой. На подносе и рядом с ним валялись пластмассовые стаканчики, на полу — пустые бутылки из-под минеральной воды, обрывки бинта и ваты с бурыми пятнами засохшей крови. В углу на большом куске полиэтиленовой плёнки кучей лежала форма с эмблемой “Кристалла”. На вешалке висел ещё один комплект, а на скамейке находилась спортивная сумка. Я даже не особенно напрягал собственное воображение, чтобы понять, кому она принадлежала.

— Чёрт! — вырвалось у Сорокина, и этот возглас как бы подтвердил мою догадку. — Это же вещи Виталия!

— Интересно, — сказал я, беря в руки футболку с номером “12” на ней. Он что, голым, что ли, ушёл отсюда?

— И вода льётся, — подал голос Саша.

Сорокин открыл дверь душевой. Там горел свет и один из кранов был открыт.

— Не могу ничего понять, — вполголоса пробормотал тренер, закрутил кран и вышел к нам.

— Так, — сказал я. — Джинсовка, по-моему, нам не понадобится. Футболка для поиска подойдёт гораздо лучше.

Саша взял её у меня из рук, поднёс к носу Шухера и коротко приказал: “Ищи!”. Чудо-пёс тщательно обнюхал предмет, после чего вошёл в душевую, остановился рядом с краном, который только что закрутил Сорокин, и коротко тявкнул.

— Нет, это мы уже поняли, Шухер! — сказал я. — Теперь нам нужно нечто другое.

Саша вновь сунул своему подопечному футболку и подал ту же короткую команду. Пёс, низко наклонив морду, вышел в раздевалку, покрутился по ней, как будто пытался распутать клубок невидимых ниток, и двинулся на выход. Теперь он тянул нас к туннелю, ведущему на футбольное поле. Сорокин отпер дверь, и тут же Шухер рванулся с места, выскочил на газон и во весь опор побежал по нему, выписывая при этом самые неожиданные петли.

— Мне всё ясно, — сказал я. — Он привёл нас туда, откуда пришёл Виталий. А душевая — это конечный пункт его путешествия. Именно

оттуда ваш форвард и исчез. Ну что, господа, какие будут соображения по этому поводу?

— Я могу только предположить, что Виталий оставался последним в раздевалке. Именно в этот момент туда каким-то образом вошёл один, а, скорее всего, несколько похитителей. Они взвалили парня себе на плечи и незаметно вынесли.

— Голым, — уточнил я. — А сумку с вещами специально оставили, чтобы мы тут же начали думать всякую ерунду. А потом, как это они ухитрились пронести его в таком неприглядном виде мимо дежурной и других людей, которые толклись на стадионе до глубокой ночи? А ведь Виталий должен был сопротивляться, что-то кричать, но ведь никто этого не услышал.

— А они его усыпили, — предположил Саша. — А вывезли на вертолёт, который сел прямо на футбольное поле. А то, что его никто не видел, так вертолёт был просто маленький. Я читал, что есть такие.

— Мысль интересная, — сказал я. — И хотя я согласен не со всем, вынужден констатировать — некое рациональное зерно в ней присутствует. Как версия — пойдёт.

— Ох, ребята, — горестно вздохнул Юрий. — У вас версия, а мне нужен живой человек. Через два дня игра, а ведущего игрока нет. Скандал, да и только. Тут, по большому счёту, даже не в футболе дело. Мне матери нужно вернуть парня живого и невредимого. А какое-то шестое чувство подсказывает, что с ним произошло что-то неладное.

— Я понимаю, что у тебя сейчас на душе кошки скребут, — осторожно произнёс я. — Но не нужно раньше времени...

Последние мои слова были прерваны трелью сотового телефона. Юрий достал его из кармана.

— Да! — произнёс он.

Сколько я ни прислушивался, но не мог услышать голос человека, говорившего с Юрием. Сорокин слушал его довольно долго и наконец сказал:

— Я сейчас на стадионе. Да, он тоже здесь. Пытаемся найти хоть какую-то зацепку. Да. Да. Ну конечно, о чём разговор. Да, мы будем на поле, подъезжайте.

— Это звонил наш самый главный и щедрый спонсор, — пояснил Сорокин, пряча телефон в карман. — Сказал, что хотел бы встретиться с тобой и поговорить.

— Кто такой? — спросил я.

— Сейчас увидишь, — ответил Юрий. — Он сказал, что ты его прекрасно знаешь.

Прошло несколько минут, и из туннеля показались трое. Шедшего первым я бы узнал и через сто лет, даже если бы он сделал себе пластическую операцию по смене цвета кожи. Забыть Лёнчика Винника по кличке Шепелявый, в своё время попортившего мне и Камышеву немало крови, невозможно. Но познакомился я с ним гораздо раньше. Ещё в далёкой юности судьба свела нас в одной команде, где мы играли на протяжении полутора лет. Потом я отправился честно служить Родине в армейских рядах, и на долгое время мы потеряли друг друга из вида. Встретились вновь в середине девяностых. Мой одноклубник тогда проходил у нас по одному делу и, в принципе, мог получить за свои деяния от пяти до семи. Однако

Лёнчик всегда был везуч и сумел избежать наказания — обвинения с него сняли ввиду недостаточности улик. После этого мы ещё несколько раз встречались, но как-то мельком, и разговор наш дальше воспоминаний о прекрасной футбольной молодости не шёл. Однако по долгу службы я знал, что нынче Лёнчик остепенился, ведёт только легальный бизнес, в котором нет и капли криминала. Времена изменились, и теперь уже никто, даже самые близкие друзья, не рискуют называть его Шепелявым, а обращаются исключительно по имени-отчеству. Сопровождавшие его были, скорее всего, личными телохранителями. Как-никак, а владелец крупнейшего универсама города и двух оптовых рынков имел причины защищать себя таким способом.

Увидав меня, Винник расплылся в широчайшей улыбке и, раскинув руки, направился прямо в мою сторону.

— Привет, Вовчик! — произнёс он с чувством и без тени сарказма. — Как поживаешь?

— Нормально, Лёнчик! — в тон ему произнёс я.

— Не Лёнчик, а Леонид Сергеевич, — попытался поправить меня Винник, оглядываясь на своих людей.

— Ну в таком случае и я для тебя не Вовчик, а гражданин капитан. Можно так же, по имени-отчеству, если ещё не успел забыть. Смотри, как тебе больше нравится.

— Ладно, зацепил, — усмехнулся мой собеседник. — Мне никак не нравится. Пусть лучше будет по-старому, по-простому, как мы с тобой привыкли. Фу, ну и жарница! И это называется осень! Слушай, Володя, ты как переносишь это пекло?

— Как бы тебе сказать, — ответил я. — Вообще-то плохо. Ощущаю себя, знаешь, стаканом, из которого посредством жары постепенно испаряется вода. А потому понимаю, что ещё немного — и во мне не останется ничего, чем бы можно было поделиться с людьми.

После такого моего экспромта у Лёнчика помимо его желания слегка отвисла челюсть.

— Ну ты, братец, философ, — наконец изрёк он. — Эк завернул! Красиво, ничего не скажу.

— Да брось, — сказал я. — Могём, когда хотим. Ладно, говори, чего имел сказать.

— Пойдём, отойдём немного в сторонку, почешем языки как нормальные люди.

— Как знаешь, пойдём, отойдём.

Мы прошли по дорожке метров двадцать и присели на скамейку под специальным навесом, где во время футбольного матча обычно находится руководство команды и запасные игроки. Здесь мы были скрыты от посторонних глаз и ушей.

— Ну как у тебя вообще? — начал издалека Лёнчик.

— Вообще многое по-прежнему, — односложно ответил я, прекрасно понимая, что моя жизнь интересует собеседника гораздо меньше, чем курс доллара в ближайшем обменнике.

— Всё в капитанах ходишь? — продолжил минутку вежливости Лёнчик.

— Ну почему же хожу? — хладнокровно парировал я. — Когда машина исправна, то езжу.

— Как зарплата? — безразличный тон Винника не мог меня не насторожить.

— Как всегда мала, но гордость не позволяет мне требовать большего.

— Это правильно, — вздохнул Лёничик. — Просить — только себя унижать. Я никогда ни у кого ничего не просил.

— Сам брал?

— Да, брал, — не без гордости в голосе ответил Винник. — А кто тогда не брал? Зато сейчас я спокойно смотрю в будущее, потому что понял — невозможного нет. Кроме вечной жизни.

— А спокойствие тебе охрана обеспечивает? — ехидно спросил я.

— Ладно, Володя, — немного помолчав, примирительно сказал Лёничик. — Ты же знаешь, что я прав. Конечно, вслух ты этого не скажешь, но про себя-то наверняка подумаешь: “Да что б я так жил!”.

— Ты так уверенно говоришь за меня, как будто заглядываешь мне под черепную коробку!

— Я не меньше твоего живу на свете, но давно успел понять, чего хочет подавляющая часть человечества. А потому могу с долей уверенности сказать и за тебя: ты хочешь заниматься тем делом, которое тебе по душе, но вот зарплата, которую ты получаешь, тебя не устраивает. А теперь скажи, что я не прав, а ты блаженный альтруист, готовый трудиться не за деньги, а за идею.

— Я что-то не пойму, к чему ты клонишь. Никак решил мне предложить работу в своей структуре? Тогда я сразу тебе скажу — нет!

— Не хочу я тебе предлагать работу у себя, но... — Лёничик немного помолчал, а потом продолжил: — Так, короче, дело к ночи, а потому я постараюсь внятно и кратко изложить тебе суть моей просьбы. Можешь ли ты мне сказать, хотя бы в общих чертах, своё понимание всего случившегося?

— Что ты имеешь в виду?

— Я хочу спросить, понял ли ты, куда подевался этот парень?

— Пока нет, а тебе оно зачем?

— Как бы тебе сказать... — Лёничик замялся. — В общем, есть у меня виды на эту команду и в особенности на этого мальчишку. Я хочу дать им всё, сделать так, чтобы наши ташлинские ребята поднялись до самых верхов, порадовали меня и других жителей нашего города. Ты, возможно, будешь смеяться, скажешь, что это бзик зажавшегося нувориша, но я тебе скажу так: у меня по молодости были грехи и я хочу их замолить. Кто-то из нашей братвы жертвует на храмы, кто-то создаёт фонды помощи нищим, а я решил подарить людям моего города большой футбол. Очень большой.

— Надорваться не боишься, тебе ведь до Абрамовича пока далеко?

Лёничик насупился, видимо, обидевшись, что я усомнился в его финансовых возможностях, и тогда я поспешно сказал:

— Ладно, с тобой всё ясно, но чего ты хочешь от меня?

— Ты должен найти его, — с жаром произнёс Лёничик. — Это талантище, каких нет больше нигде. Говорят, что Стрельцов был в молодые годы одарён как никто в мире. Возможно, спорить не стану. Но Виталька сейчас способен заткнуть за пояс любую защиту любой команды. Ты его в игре видел?

— Да, конечно.

— О, это фантастика! — Лёничик промокнул шею носовым платком и, не спрашивая моего мнения, уже спокойным голосом сказал:

— Володя, мне нужен этот паренёк. И не только мне, кстати. А потому предлагаю тебе, скажем так, внеурочную работу. Условия просты: если в следующем матче я вижу Виталика на поле, ты получаешь десять кочанов “капусты”.

Я молчал. В чём-то этот Винник прав. Я действительно хотел бы иметь за свою работу гораздо большую, чем сейчас, зарплату, но получать деньги привык в кассе своей родной бухгалтерии. Хотя, учитывая все мои теперешние трудности, искушение принять предложение Лёничка было велико. Пауза в разговоре затянулась, и мой собеседник расценил её причины по-своему.

— Если мало десять, предлагаю пятнадцать.

— Да нет, ты не так меня понял.

— Я правильно тебя понял. Пусть моральный аспект тебя не беспокоит. Я сделаю так, чтобы тебя ни мучила совесть. Ну что, договорились?

Вероятно, в этот момент я страшно покраснел от охватившего меня смущения, но высокая температура окружающего воздуха сделала этот косметический ляп почти незаметным.

— Хорошо, — ответил я, вставая со скамьи и давая понять, что разговор завершён. — Я приложу максимум стараний, но вовсе не из-за денег.

— Пусть так, — сказал Лёничка, протягивая руку. — Сделай это из любви к той игре, которая когда-то сделала нас мужиками, которую мы оба обожаем больше всего на свете, а об остальном не беспокойся. Как сделать так, чтоб и приличья соблюсти, и ребёнка завести — это уже моя работа. Пока.

Он внимательно посмотрел на Шухера, продолжающего неугомонно носиться по полю, и вразвалку направился к выходу.

В этот момент я с особой остротой понял, что гораздо больше Лёничка хочу, чтобы через два дня Виталий Широков вновь играл на этом поле, а к призрачному выигрышу в “Бинго” потерял всякий интерес.

Подойдя к Саше и Юре, которые о чём-то беседовали, я сказал:

— Так, теперь давайте проедем на базу. Я хочу переговорить с ребятами. Может быть, кто-то из них сумеет вспомнить что-нибудь интересное. Чувствую, что здесь мы ничего не найдём. Саша, давай, зови Шухера и поехали.

И в этот момент из тоннеля показался ещё один персонаж, мужичок преклонных лет, который, судя по повадкам, исполнял на стадионе роль сторожа.

— Юрий Викторович! — обратился он к тренеру. — Мне Катька сказала, что вы Витальку ищете, так он вчера на машине уехал.

— Что за машина? — тут же насторожился я.

— Чёрная такая, а на марку я внимания не обратил. Может, “Волга”, а может, и иномарка. Я в них как-то не очень.

— Дядя Толя, ты точно видел, как Виталий туда садился, или с кем-то его спутал!? — с горячностью воскликнул Юрий.

— Да ну, конечно, ёшкин свет, что я, совсем того!? — возмущению дяди Толи не было границ. — Чёрная, говорю, такая машина.

— Он сам туда сел? — спросил я.

— Конечно. Подошёл, открыл заднюю дверцу, бросил туда сумку и сел.

— Номер машины случайно не запомнили?

— Кабы знать... — развёл руками сторож. — Да и стояла она так, что номера видно не было.

— А в ней кто сидел, не заметили?

— Не в ней. Рядом с машиной стоял парень. Как только Виталик сел, он тоже прыгнул на место водителя и они порулили.

— А как выглядел этот парень, во что был одет?

Дядя Толя наморщил лоб, вспоминая.

— Высокий такой, видно, что спортом увлекается, — с расстановкой произнёс он. — Стрижка короткая, волосы тёмные, в чёрных очках. А одет он был в строгий костюм, опять же чёрный. Галстук был и белая рубашка. Кажись всё.

— Так... — сказал я. — Только этого нам сейчас и не хватает.

— Чего? — не понял Юрий.

— Да этих, “человеков в чёрном”, — как бы про себя пробормотал я.

— А-а-а... — в этом звуке, который выдавил из себя Юрий, ясно чувствовалось его незнание киноклассики.

— Хорошо, — продолжил я допрос главного свидетеля. — Вы показали, что ваша память в порядке. В таком случае скажите, а во что был одет Виталий?

— Ну как это “во что”? Они все ходят в спортивных костюмах.

— А сумка? Какого цвета была сумка? — перебил меня Юрий.

— Сумка... — опять напрягся дядя Толя. — А-а, вспомнил... Красная такая, с белой полосой.

Я посмотрел на Юрия, и в ответ на мой взгляд он чуть заметно покачал головой, мол, не Виталий это был.

— Большое спасибо вам за помощь, — сказал я сторожу, протягивая ему на прощание руку. — Вы нам очень помогли.

— Ошибся он, — сказал мне Юрий, когда мы вышли со стадиона. — Красная спартаковская сумка у нас только у одного игрока. Ваня Лойбов — он чем-то похож на Виталия. Скорее всего, дядя Толя просто спутал их.

— А “человек в чёрном”?

— Есть такой, — кивнул головой Юрий. — Это Ванин брат.

Глава 3

На базе мне удалось поговорить со всеми футболистами, массажистом, врачом и даже водителем автобуса. Откровенно говоря, никто из них не дал мне даже малейших зацепок. Девушки у Виталия вроде бы не было, во всяком случае, его не разу не видели в женском обществе. Правда, была высказана надежда на то, что он мог познакомиться с прекрасной незнакомкой в последний момент и, поддавшись её чарам, позабыв обо всём на свете, пустился во все тяжкие. В этом случае ему можно просто позвонить по сотовому телефону. Однако эта версия тут же рассеялась как дым — сотка лежала в спортивной сумке, а предположение, что молодой парень мог отправиться на свидание голым, также не выдерживало никакой критики. Страсть страстью, но не до такой же степени.

В общем, партнёры Виталия не смогли хоть чем-то помочь расследованию.

Оставалось только позвонить Камышеву и устно рассказать о подробностях нашей поездки. Бориса Васильевича особенно заинтересовал факт

работающего душа и оставленной сумки. Он попросил к трубке Юру и поинтересовался у него, возможно ли группе людей незаметно проникнуть в подтрибунное помещение не через административный корпус, а со стороны футбольного поля и вынести из раздевалки нечто объёмное. Сорокин немного подумал и ответил, что для того, чтобы провернуть такое дело, необходимо стать невидимкой. Во-первых, после того как болельщики покидают стадион, главные ворота тут же запираются, а на трибунах до темноты работают уборщики. За это время Виталий мог раз десять помыться, одеться и покинуть стадион с другой стороны. Камышев в ответ промычал нечто неопределённое, затем внятно произнёс: “Скажите Родионову, чтобы он возвращался обратно”, и дал отбой. Юрий отвёз всю нашу поисковую бригаду на место постоянной дислокации, и даже не пожелав нам традиционной удачи, уехал. Я понял это так, что мы его разочаровали и он на нас не надеется.

Концовку этого и весь следующий день мы с Камышевым провели в бесплодных усилиях найти пропавшего форварда. Дорожные инспектора как никогда тщательно проверяли все автомашины. Их коллеги участковые прошли по значным и просто подозрительным местам, а энтузиасты из клуба футбольных болельщиков “Кристалла”, под руководством своего председателя Петра Михайловича Егорова, даже прочесали дачный посёлок. Всё оказалось напрасным — Виталия Широкова нигде не было.

Весь вечер накануне матча с “Энергией” я пребывал в состоянии глубокой задумчивости. Юлька была в курсе событий и как могла пыталась меня расшевелить. Совсем чуточку, но ей это удалось. Я выслушал сплетни, принесённые моей любимой с работы, но от какого-либо комментария отказался. Все подробности того, кто там у них какую юбку надел и как на это отреагировали остальные, меня мало тронули, если не сказать, что оставили совсем безразличным.

Спал я очень беспокойно, несколько раз просыпался по причине мучивших меня кошмаров и наутро чувствовал себя совсем разбитым. Кое-как промучился рабочий день, который был заполнен телефонными звонками, так или иначе касавшимися поисков Виталия Широкова, и в шесть часов отвалил на стадион.

Мне было страшно неудобно за своё бессилие найти пропавшего футболиста, и поэтому я не стал “светиться” возле южной трибуны, где стоят скамейки запасных, а выбрал себе местечко на северной.

Вскоре на поле вышли обе команды, судья дал свисток, и началась игра. “Кристалл”, несмотря на отсутствие в его рядах забивного форварда, всё же давил. Зрители, заполнившие стадион до отказа, не один раз вскакивали со своих мест, но мяч как заколдованный не шёл в ворота “Энергии”. Было ясно, что именно сейчас отсутствие Широкова сказывается как никогда. Как раз сейчас поразительная везучесть Виталия могла бы помочь команде.

Постепенно гостям удалось выровнять ход поединка, и они всё чаще сами стали переходить в наступление. В середине тайма болельщики дружно охнули от огорчения. Молодой полузащитник “Энергии” выиграл борьбу за мяч на левом фланге, дотянул мяч до углового флажка и оттуда сделал навес в район одиннадцатиметровой отметки. Вратарь явно запоздал с выходом, да и защитники замерли как заворожённые. А вот подключившийся к атаке игрок обороны гостей не зевал и, выпрыгнув выше всех, головой послал мяч под перекладину.

Разыграв мяч с центра, наши тут же рванулись вперёд, но очень быстро потеряли мяч, которой достался быстрому нападающему “Энергии”. Да тут ещё оба центральных защитника “Кристалла”, пытаясь сыграть в опережение, столкнулись и как подкошенные рухнули на газон, тем самым освободив коридор для спурта. Оставалась последняя надежда на то, что наш вратарь сумеет выручить партнёров, но чуда не произошло. Форвард показал чудеса техники, переиграл голкипера как мальчишку и, словно издеваясь, с каким-то особым озорством вкатил мяч в ворота.

После такого шока проходка тайма проходила в тишине. Трибуны молча наблюдали за суетливыми и бестолковыми действиями ташлинских игроков, которые на последних минутах едва не пропустили ещё и третий мяч. Казалось, что тому уже просто некуда было деваться после точного удара метров с семи, однако на сей раз вратарю удалось кончиками пальцев перевести его в штангу, а после короткого отскока один из защитников выбил его на угловой.

Когда команды уходили на перерыв, кто-то из болельщиков не выдержал и выкрикнул: “Где Широков?! Виталия давай!” — и это требование было поддержано одобрительным гулом. Юрий, шедший с низко опущенной головой, дёрнулся так, как будто его ударило электрическим током, и тут же поспешил скрыться в тоннеле.

— Может, у него травма? — предположил голос сверху, явно имея в виду Широкова.

Я обернулся и посмотрел на говорившего, полного дядьку лет пятидесяти с хвостиком.

— Да нет, — уверенно ответил его сосед, очкарик в шляпе. — Мне перед игрой сказали, что он якобы перебежал в ЦСКА.

— Перебежал? — изумился первый. — Как же так?

— А чего ему в нашем Ташлинске делать? — вздохнул второй. — Ясное дело — перебежал. Не он первый, не он последний. В ЦСКА у него перспектива. И денег, не в пример “Кристаллу”, будут больше платить, и в сборную попадёт. Виталька-то по своему уровню — это игрок высочайшего класса!

— Да, это точно, — подтвердил первый. — Таких как он, поискать... Но я надеялся, что этот сезон он всё же у нас доиграет.

Пока болельщики перемывали эту печальную для них сплетню, перерыв завершился, и команды показались на поле. Внезапно по трибунам пронёсся вначале лёгкий шумок, который постепенно перерос в гул полного удовлетворения. Не понимая в чём дело, я внимательно оглядел футболистов “Кристалла”, и сердце моё забилося учащённо. Ошибиться было невозможно, но и поверить своим глазам — трудно. Виталий Широков бежал к центру, на своё привычное место.

— Ха, перебежал он, как же! — радостно воскликнул первый болельщик. — Смотри, знаток!

— Точно, он! — подтвердил очкарик и, вскочив с места, заорал во всё горло: — Виталий, давай гол!

Этот клич был услышан и усилен тысячами других глоток, которые в едином порыве начали скандировать: “Виталий, нужен гол!”. В ответ на это приветствие Широков поднял вверх руки, затем катнул мяч партнёру и устремился вперёд к воротам соперника.

Есть такие футболисты, которые, даже будучи не в самой лучшей форме, при своём появлении на поле способны резко изменить характер игры

в пользу своей команды. К таким можно отнести Марадону, Пеле, Стрельцова. Широков был из той же обоймы. Появление Виталия, невероятное и пока необъяснимое для меня, вдохнуло новые силы в его партнёров. “Кристалл” заиграл даже мощнее, чем в начале матча. На футболистов “Энергии” Широков также оказал магическое воздействие. Их как будто охватил мгновенный гипноз, замедливший действия, и этот феномен можно было связать только с одним человеком. Прошло несколько минут второго тайма, а трибуны уже радостно ревели от восторга.

“Гол в ворота команды “Энергия” забил Виталий Широков, номер двенадцатый!” — торжественно провозгласил диктор.

Вместе со всеми я порадовался этому успеху, но в то же время где-то в глубинах моего подсознания возникло и засело там занозой некое ощущение того, что этот гол выбивается из обычного ряда. Что-то в нём было не так, но вот что именно, мне никак не удавалось ухватить и понять, хотя, на первый взгляд, Виталий всё сделал в своей обычной манере. Поймал мяч, отскочивший от защитника, и неотразимо пробил в верхний угол.

Я сел на место, постарался успокоиться и ещё раз, теперь уже мысленно, воспроизвести ситуацию.

Так, наши подают угловой, мяч по невысокой дуге летит к ближней штанге. Находящийся там защитник успевает первым и мощным ударом пытается выбить его подальше из штрафной площадки. Однако на пути мяча встаёт ещё один игрок “Энергии”. Пущенный с силой кожаный снаряд ударяется ему в спину, взмывает вверх и отлетает в район угла вратарской, где его уже поджидает Виталий Широков. Не давая мячу опуститься, он бьёт с лёта и едва не рвёт сетку ворот. Была ли это наигранная комбинация? Очень сомнительно, ведь никто не мог предположить, что мяч так удачно срикошетирует именно в то место. Никто, кроме... Стоп! Ну-ка, ну-ка, ещё раз. Я постарался опять вспомнить весь фрагмент в мельчайших подробностях. Так, идёт подача, попытка вынести мяч подальше, удар в спину игрока, отскок от его спины и финальный аккорд. Нет, не то, было ещё что-то такое, что заставило мой мозг напрячься. Постой-ка, вот оно! В тот момент, когда игрок бил по мячу, Виталий освободился от опекуна и совершил рывок от линии штрафной на угол вратарской, откуда и пробил по воротам. Тут уже началась форменная мистика, ибо предвидеть точку, в которую придёт мяч после случайного рикошета, это, по-моему, выходило за пределы нормального чутья, присущего гениальным игрокам.

“А ведь он таким образом забивает большинство своих голов”, — внезапно подумал я. Случайный отскок, которого никто, кроме него, не ожидает, подставленная нога или голова, и мяч попадает в сетку. Чертовщина! Тут поневоле придёшь к тому, что существуют силы, дающие некоторым людям особую одарённость, и я сейчас реально наблюдаю за плодами этого процесса.

Сделав это заключение, я вновь обратил свой взор на поле и уже с утроенным вниманием начал наблюдать за действиями молодого форварда. Но теперь к Виталию было приковано не только моё внимание. Игроки “Энергии”, пришедшие в себя после забитого гола и желавшие во что бы то ни стало сохранить пока ещё победный для них счёт, теперь неотступно следовали за ним по пятам, стараясь предотвратить любое активное действие с его стороны. Однако такая тактика почти всегда чревата печальными последствиями. Отвлекая на себя по два, а иногда

и больше игроков, Виталий тем самым освобождал зоны для своих партнёров. Вскоре они воспользовались этим и, выйдя вдвоём на одного защитника, разыграли нехитрую двухходовку, результатом которой стал ещё один мяч в ворота “Энергии”. Виталий в этом эпизоде вроде бы не участвовал, но именно его грамотные действия позволили “Кристаллу” сравнять счёт. Случилось это минут за двадцать до конца встречи, и всё оставшееся время гости уже даже не помышляли о каких-то созидательных действиях в атаке, стремясь любой ценой оборонить свои ворота от третьего гола и сохранить для себя хотя бы ничейный результат. Игра в это время чрезвычайно упростилась. Как только мяч попадал к какому-то из игроков “Энергии”, тут же следовал отбойный удар на половину поля “Кристалла”. Такая тактика заставляла соперников нервничать и тратить силы на организацию новой комбинации. Время матча стремительно истекало, как и запас сил у ташлинских футболистов. Видимо, уловив этот момент, гости бросили все силы вперёд, надеясь вырвать победу. Даже вратарь “Энергии” вышел далеко вперёд, надеясь поучаствовать в этой последней атаке. Стадион, до этого не замолкая призывавший своих ребят идти вперёд и забивать, от неожиданности притих настолько, что ясно слышно было тяжёлое дыхание соперников на поле и короткие, но ёмкие реплики футболистов, сопровождавшие эту борьбу. “Кристаллу” удалось отстоять свои ворота. После мощного удара одного из “энергетиков” мяч, казалось, должен был влететь в ворота, но вратарь ташлинской команды в неимоверном броске сумел его поймать и тут же выбросил вперёд, к центральному кругу, где одинокий, позабытый всеми, стоял Виталий Широков. И вот тут-то я, а вместе со мной все присутствующие на стадионе, стали свидетелями футбольного шедевра, исполненного молодым форвардом. Он принял мяч на грудь и, понимая, что времени на движение к воротам “Энергии” у него уже нет, выпрыгнул и в падении через себя по высокой дуге послал мяч в цель. В этот момент на стадионе как будто остановилось всё, кроме кожаной сферы, которая, пролетев над вышедшим метров на тридцать голкипером гостей, ударилась о штангу и как бы нехотя пересекла линию ворот.

В следующий момент у меня появилось ощущение того, что я сижу не на стадионе, а в самом центре действующего вулкана. Его жерло взорвалось оглушающим рёвом “Го-о-о-о-л!”, вспыхнули победные файеры, припасённые молодыми фанатами специально для этого случая, а в воздух полетели самые различные предметы, от пластиковых бутылок с лимонадом до головных уборов. Под аккомпанемент всей этой адской какофонии прозвучал финальный свисток, и высыпавшие на поле зрители, подхватив героя матча на руки, понесли его по кругу.

Не поддаться общему настроению было просто невозможно. Ощущение того, что Виталий Широков один из великих футбольных мастеров, которых природа время от времени своей щедрой рукой дарит любителям самой великой игры, укрепилось во мне и подавило все остальные чувства. И всё же я решил дождаться Юрия Сорокина и узнать от него обстоятельства таинственного исчезновения и внезапного появления его подопечного, а может быть, побеседовать и с ним самим.

Стадион постепенно пустел. Я прошёл к тоннелю, предъявил стоявшему возле него сержанту своё удостоверение и направился к раздевалке. Там ещё царило понятное мне весёлое оживление, и я не стал его

нарушать своим вторжением, а дождался того момента, когда дверь откроется и выйдет главный тренер.

Он был всё ещё возбуждён, но, заметив меня, широко раскинул руки и, довольно улыбаясь, пошёл навстречу.

— Фу-у-у! — выдохнул он. — В такие моменты начинаешь со всей полнотой ощущать вкус жизни. Какая игра! Кстати, хочу тебе выразить огромную признательность за то, что вашим людям удалось отыскать Виталия.

— Вот по этому поводу я и хотел бы с тобой поговорить, — сказал я, понимая, что перестая понимать вообще что-либо.

— Так, сейчас у меня пресс-конференция, а после неё я поступаю в твоё полное распоряжение. Тут недалеко есть неплохое кафе, сходим туда, поужинаем, и ты мне расскажешь всё. Договорились?

— Идёт, — согласился я. — С удовольствием. Эта игра, похоже, и меня доконала, проголодался — зверски.

— Тогда жди меня на выходе, минут через пятнадцать-двадцать я буду.

Юрий ушёл, а я вышел на свежий воздух, присел на скамейку и закурил. Реакция Сорокина, выразившего мне благодарность за якобы находку Виталия, поразила меня, ибо я к этому факту равным счётом не имел никакого отношения. Тут я вспомнил, что ещё один человек обещал выразить мне свою признательность, если “блуждающий форвард” сегодня появится на поле. Лёнчик Винник “грозился” отвалить за это совершенно фантастическую для меня сумму, причём сделать это как-то незаметно. Боже, ещё одна головная боль. Мне, конечно, нужны деньги, но таким способом я бы не хотел их получить.

Юрий не заставил себя ждать. Едва я докурил сигарету, как он уже появился на крыльце.

— Засыпали меня сегодня вопросами, но я был краток как никогда, потому что сам жутко проголодался, — весело сказал он. — Ну что, пошли питаться?

В кафе было немногочисленно, царил приятный полумрак и играла негромкая музыка. Обстановка весьма располагала к душевному разговору.

— Ниночка, организуй нам, пожалуйста, что-нибудь по-быстрому. Минералочки, пару салатов и горячее, — обратился Юра к приветливой и миловидной официантке. Похоже, что в этом кафе его неплохо знали.

— Кроме минералки ещё что-то пить будете? — спросила девушка, глядя мне прямо в глаза, как будто заранее зная ответ моего товарища. — Вы, говорят, сегодня победили.

— Да, вообще-то за такую победу выпить совсем не грех, — ответил Сорокин. — Володя, ты как насчёт принять “по маленькой” за нашу победу?

— Не откажусь, — ответил я. — Снять напряжение совсем не помешает.

— Тогда грамм по сто коньячку будет в самый раз для снятия стресса.

Не успели мы и глазом моргнуть, как расторопная Нина уже несла коньяк, салат и минералку.

— Горячее будет минут через десять, — как бы извиняясь, сказала она. — Ничего?

— Нормально, — почти хором успокоили её мы. — Потерпим.

— Ну давай за победу, за моего парня и за то, что всё так хорошо закончилось! — произнёс Юрий.

Мы выпили, закусили салатом, после чего я сказал:

— Это всё хорошо, но, по-моему, ты приписываешь мне то, к чему я не имею никакого отношения.

— То есть? — Сорокин недоуменно воззрился на меня.

— То есть, я хочу сказать, что не находил твоего Виталия.

— А откуда же он в таком случае взялся?

— Тебе, мне кажется, лучше об этом известно. Ты ведь его выпускал на поле.

— Ну...

— Так расскажи мне, как и что там у вас в раздевалке было.

— Как было... — Юрий нахмурился, мгновенно потеряв свой весёлый вид. — Короче, я шёл на перерыв последним. Ребята уже вошли в раздевалку, когда до меня донеслись их радостные голоса. Я дверь толкнул, смотрю — на скамейке сидит Виталий в одних плавках, в окружении парней. Меня увидал и говорит, что, мол, потом всё объяснит насчёт того, где он был. Я спросил, всё ли с ним в порядке и сможет ли он сейчас играть, а Виталий в ответ только головой кивнул и сразу же начал надевать форму. Выглядел он бодро, и у меня почему-то сразу же сложилось впечатление, что либо ты сам, либо твоя служба как-то причастны к факту его возвращения.

Я отрицательно покачал головой.

— Тогда, прости, но я ничего не понимаю, — задумчиво произнёс Юрий.

Тут появилась Нина, несущая двум голодным мужчинам дивно пахнущее жаркое. Под это дело мы выпили ещё по рюмке, но уже как-то дежурно, без высокопарных слов, потому как на первый план у нас вышли мысли или, если сказать точнее, раздумья. Некоторое время в молчании поглощалась еда, а потом Сорокин как-то невпопад сказал:

— Я как чувствовал, что он появится, и на всякий случай внёс его в протокол матча. Угадал, получается... — затем взял в руку графинчик и разлил по рюмкам остатки коньяка. — Ну давай, что ли, молви слово.

— Я тут вот о чём подумал, — отозвался я, беря рюмку. — Что-то в этом деле не так. Надо бы поспросить об этом твоего Виталия. Мне он, сам понимаешь, может и не сказать ничего, а ты для него всё равно как отец родной. Сможешь незаметно записать его рассказ на диктофон?

— О чём речь, конечно, смогу, только у меня такого аппарата нет.

— Я найду. Ладно, давай выпьем за то, чтобы всё, что начинается плохо, заканчивалось бы хорошо.

— Давай!

— И ещё одно, — добавил я после того как мы выпили. — Вы ведь ведёте видеозапись своих матчей?

— Конечно.

— Тогда мне нужно несколько плёнок с теми играми, в которых принимал участие Виталий.

— Зачем, если не секрет?

— Хочу проверить одно наблюдение. Возможно, после этого кое-что прояснится.

— Интересно, — Юрий посмотрел на меня в упор. — Ну хорошо, тебе когда дать кассеты?

— Хоть сейчас. И хорошо, если среди них будет та, на которой записана игра с “Металлистом”.

— Есть такая. Давай не спеша доедим и поедем.

Домой я попал уже за полночь. Юлька ещё не спала. Она, как-то растерянно улыбаясь, взяла у меня из рук пакет с видеокассетами и сказала:

— Володя, у меня для тебя сюрприз, только я не могу понять, приятный он или же нет.

Я молчал, и тогда моя будущая супруга протянула солидный кожаный бумажник, внутри которого находилась, на мой взгляд, неприлично толстая пачка стодолларовых купюр.

— Представляешь, я это нашла сегодня на улице, — пояснила она. — Вначале хотела выбросить, но там была записка. Вот она.

Я развернул бумажку и прочитал следующее: “Юлечка, распоряжайся этими деньгами по своему усмотрению. Мне они не нужны, а тебе пригодятся”. Подписи не было, но мне и без неё было ясно, кому принадлежат эти доллары и даже то, сколько их там. Ай да Лёничик, ай да сукин сын!

— Считала?! — мой голос возвысился до силы грома извергающегося вулкана.

— Да, — испуганно ответила Юлька.

— Пятнадцать тысяч?

— Да, — голос моей подруги был едва слышен. — А ты откуда знаешь?

— Работа такая, — ответил я и улыбнулся. — Всё знать и обо всех ведать. Можешь не беспокоиться насчёт этих денег. Я знаю, откуда они. Мне их... проиграли.

— Проиграли?

— Да, представь себе, твой будущий муж мерзкий пропойца и картёжный шулер. Так что предлагаю ещё раз хорошенько подумать, прежде чем связывать свою судьбу с ним.

— Трепло он, мой будущий муж, — рассмеялась Юлька. — Кстати, а почему это от тебя так несёт коньяком?

— Встречный вопрос: а кто это мою будущую супругу, мужским почерком, столь ласково называет “Юлечка”?

— Один — один, — вынуждена была согласиться с такой постановкой вопроса Юлька. — Ладно, пошли спать, мерзкий пропойца.

Глава 4

Спать я, однако, и не собирался. Оставшись в зале, вставил первую же попавшуюся из четырёх кассет, выделенных мне Юрием, и приступил к просмотру. Это был “домашний” матч “Кристалла” против “Газовика”. Я уже смотрел эту встречу вживую, и теперь мне было интересно сравнить мои ещё незабытые впечатления от той игры с тем, что фиксировала видеокамера, находившаяся на другой трибуне.

Юлька, вероятно полагавшая, что на плёнке записан боевик или комедия, пристроилась было подле меня на диване. Но, увидав, что я собираюсь смотреть футбол, а это у меня всегда всерьёз и надолго, надувшись, буркнула: “Такого я от тебя не ожидала”, и отправилась в спальню. Внутри меня шевельнулась жалость к верной подруге, и я дал себе слово не увлекаться, а посмотреть лишь голы и в ускоренном темпе идти вслед за возлюбленной, дабы утешить её, чем возможно. Включив ускоренное воспроизведение, я дождался первого гола, вернулся к началу эпизода и начал просмотр.

Виталий был в кадре, но до поры активности не проявлял, а просто находился в центре поля, откуда начал перемещаться ближе к воротам “Газовика”. А комбинация зародилась на правом фланге. Защитник “Кристалла”, кажется, это был Калмыков, выиграл борьбу за мяч и направил в прорыв Васильева. Тот прошёл до штрафной соперников и оттуда сделал диагональный пас чуть назад, под удар набегавшему Гарбузенко. Последний крепко приложился по мячу, и он, задев по пути одного из игроков “Газовика”, изменил направление и полетел в противоположный от вратаря угол. Но не Гарбузенко стал автором этого гола, потому что мяч, ударившись в штангу, отскочил в поле и первым к нему поспел, конечно же, Виталий. Он-то и добил мяч в сетку, а затем, победно вскинув руки, бросился обнимать и целовать партнёров. Это был характерный для него гол, в такой манере он обычно и действовал. Ждал до последнего, а потом налетал коршуном и коротким тычком проталкивал мяч в ворота. Я отмотал плёнку назад, но теперь следил только за Широковым, а когда досмотрел эпизод до конца, понял, что ко мне вернулось то самое ощущение “чего-то не того”, которое зародилось сегодня на стадионе после первого забитого Виталькой гола. Оно не покинуло меня и после третьего просмотра и, самое странное, я не мог понять, откуда что идёт. Оставалось либо смириться с этим, либо звать подмогу. Свет в спальне ещё горел, а значит нужно было воспользоваться этим шансом, хотя, в данной ситуации, моя просьба о помощи могла стать для меня опасной. Но риск — благородное дело. Я встал с дивана и приоткрыл дверь. Юлька, лёжа в постели, читала какую-то толстенную книгу. Заметив меня, она нахмурилась и прикрылась томом.

— Юлечка, — как можно более нежно проворковал я. — Киска, рыбка, птичка, ты мне нужна.

Юлька уронила книгу на ноги и молча посмотрела на меня. Её взгляд прожигал насквозь, я это чувствовал по всё возрастающей температуре собственного тела. Наконец киска, рыбка и птичка в одном прекрасном теле, выдержав паузу, достаточную для испепеления врага, смягчилась и зачирикала человеческим голосом:

— А я уж думала, что в этом доме меня воспринимают как нечто неодушевлённое. Слава Богу, оказывается, я кому-то ещё нужна как женщина, живая, тёплая и зовущая к поцелуям.

Я смущённо кашлянул.

— Что такое?! — сразу же насторожилась киска Юлия.

— Не, ну как женщина ты мне тоже нужна, — промямлил я, — но это потом. Сейчас мне необходим свидетель или, если хочешь, эксперт.

Несколько тягостных секунд моя любимая молчала словно рыба, а затем тяжело вздохнула и спросила:

— Ну что там у тебя ещё стряслось, горе моё?

— Мне необходим трезвый взгляд на вещи. Похоже, что мой мозг с этой задачей не справляется.

— Надеюсь, это недолго?

— Да пустяки, каких-нибудь пара минут.

— Ну пошли.

Мы вернулись в зал, где я объяснил Юлии её задачу:

— Следи очень внимательно за этим пареньком, следи, не отвлекайся на остальных, а потом выскажешь своё мнение. Всё ли там логично и последовательно, или же ты заметила какие-то несообразности.

Юлька кивнула, и я включил видешник.

— Не уверена, но, по-моему, здесь что-то не так, — сказала она после первого просмотра. — Ну-ка, вруби ещё раз этот кусок.

Я выполнил её просьбу незамедлительно, потому что заметил в женских глазах явный интерес к происходящему на экране. Юлька, впрочем, как и её избранник, питает слабость к разгадыванию всевозможных кроссвордов, головоломок и ребусов. Сканворд в чужих руках она расценивает как личное оскорбление, и упаси боже начать его решать одному. Бывает, мы покупаем две одинаковые газеты и устраиваем турнир, где победителю, быстрее, чем его соперник, справившемуся с заданием, достаются лавры победителя и соответствующие почести, а побеждённый отправляется на кухню выполнять штрафные работы. Признаюсь, что Юлькин “ай кью” частенько превышает мой, и это несмотря на то, что по части разгадывания загадок я считаюсь профессионалом, а она — скромным любителем.

На экране вновь замелькали футболисты, после чего Юлька сказала:

— Ты знаешь, когда специально не следить за этим игроком, то вроде бы всё было в порядке. Давай-ка ещё разок.

Я выполнил её распоряжение. Досмотрев кусок, моя единственная неподражаемо нахмурила бровки, чуть оттопырила нижнюю губку и задумчиво изрекла:

— Кажется, я поняла, в чём тут дело и что нас так смущает. Отмотай-ка ещё разок назад, гляну опять для верности.

Я нажал на кнопку перемотки и остановил кадр после Юлькиной команды.

— А вот теперь смотри, как этот игрок дёрнется. Такое ощущение, что в этом месте плёнку монтировали, а потом не очень удачно склеили, и небольшой фрагмент просто выпал.

Я включил запись ещё раз и наконец-то увидел то, что ускользало от моего зрения, но улавливалось подсознанием. Именно это противоречие и вызывало в мозгу сигнал протеста. Действительно, в тот самый момент, когда мяч ещё только летел в штангу, Виталий как-то нелепо дёрнулся, как будто его ударило электрическим разрядом, и после этого ускорился к месту отскока.

— Интересно, — нараспев произнесла Юлька. — Что же его там так перекосило? Эх, хорошо бы этот фрагмент ещё раз посмотреть на студийной аппаратуре и разложить всё по отдельным кадрам. Но только где ж её взять, такую аппаратуру?

— Юлька, ты гений! — воскликнул я и от переизбытка чувств чмокнул её в щёку. — Есть такая аппаратура. Как же я мог забыть?! У меня же на телестудии знакомый работает. Вот у него-то и можно будет посмотреть всё в мельчайших подробностях. Завтра я вас познакомлю.

— Завтра я не смогу, — уныло протянула Юлька. — У меня завтра весь день расписан по минутам. Боюсь, что придётся и повечеровать, так что приду домой не раньше, чем ты сегодня.

— А что там у вас случилось? — ревниво спросил я.

— Разве я тебе не говорила? Завтра же американцы приезжают. Ничего, посмотришь без меня, а потом расскажешь.

— Ну что, пойдём баиньки? — сказал я, вставая и потягиваясь.

И вот тут-то Юлька просто поразила меня своим решением.

— Да что-то мне расхотелось, — сказала она. — Что-то во мне проснулся исследовательский раж. Ну-ка, милый, заряжай следующую кассету. Посмотрим, как он забивает мячи в других играх.

Я совершенно изумился такому поступку, и хотя выпитый коньяк уже давно давал о себе знать и начал клонить меня в сон, деваться было некуда. Я просмотрел наклейки на кассетах и выбрал одну из них, на которой был записан матч с “Динамо”. Там Виталий забил два мяча, и я эту встречу отлично помнил. Вновь последовала процедура просмотра в ускоренном темпе, найден необходимый фрагмент, и мы приступили к его детальному изучению, а вернее, стали следить за нашим блуждающим форвардом.

“Кристалл” подавал угловой. Широков в этот момент находился недалеко от дальней штанги и в тот момент, когда мяч завис в воздухе, вновь повёл себя странно: начал быстро перемещаться по диагонали в противоположную сторону, к углу штрафной площадки. Через секунду динамовский защитник опередил всех и попытался разрядить обстановку. Мяч после его удара головой уходил за боковую линию, но его полёт был прерван Виталием, который уже находился в нужной точке. Последовал мощный удар с лёта, и кожаная сфера затрепетала в сетке ворот. Самое интересное заключалось в том, что перед рывком на избранную им точку Виталий, как и в предыдущем эпизоде, опять неестественно дёрнулся. От зоркого Юлькиного глаза это обстоятельство не ускользнуло.

— О, смотри! — выкрикнула она с охотничьими интонациями в голосе, вытягивая руку в сторону экрана. — То же самое!

Я видел всё не хуже её и в ответ лишь кивнул.

— Давай следующую, — потребовала Юлька с упорством, достойным лучшего применения. — Хочу убедиться, что и там всё то же.

Я уже заранее знал, а вернее, чувствовал, что везде будет одно и то же, но послушаться не посмел. Вскоре я убедился в собственной правоте: любой гол Широкова предварялся судорожным подёргиванием. В такой ситуации думать о дефекте плёнки или неудачном монтаже было просто неразумно. Сомнения развеялись, и мы оба убедились в том, что каждый гол, забитый Виталием в ворота соперников, сопровождается странными телодвижениями.

Оставалась последняя кассета с записью игры, в которой наш форвард голов не забивал, а напротив, отражал. Я быстро нашёл нужный кусок и убедился, что в двух эпизодах из трёх Виталий уже привычно дёргался.

— Что ты на это можешь сказать? — спросила Юлька.

— Не знаю, — честно признался я. — Могу сказать только одно: без дополнительной и детальной экспертизы здесь не обойтись. Но даже после неё, я думаю, что не смогу уверенно ответить на твой вопрос.

— Тогда пойдём спать, — тоном приказа заявила моя любимая. — Утром разберёшься. Оно, как известно, любого вечера мудренее.

Глава 5

Однако утро нового дня доказало, что народная пословица не всегда бывает аксиомой и допускает исключения. Мудрее всех оказалось моё начальство и, спустя некоторое время, я осознал значимость происшедшего, ибо оно разрешило некоторые служебные затруднения и одновременно повысило мой общественный статус.

Борис Васильевич выслушал мой доклад о возвращении Виталия Широкова, не менее таинственном, чем его исчезновение, но как только я заикнулся о необходимости проведения дополнительных следственных мероприятий, сразу же перебил меня.

— Я так понимаю, что главное сделано. Футболист возвращён, его жизни ничего не угрожает, и разводить дальнейшую бодягу вокруг этого дела смысла не имеет.

— Но, Борис Васильевич... — попробовал было возразить я.

— Отставить галдёж, — перебил меня подполковник. — Успеешь ещё заняться своим спортсменом. Кроме него есть дело поважнее. Ты прямо сейчас командируешься в Загорск на двухдневный семинар. Очень важные чины проводить будут. Минимум времени на сборы, потом пулей на вокзал и чтобы там без этих ваших обычных фокусов с “мёртвыми душами”. Смотри, узнаю, получишь у меня такое “поощрение”, что до конца дней своих чесаться будешь!

“Мёртвыми душами” Камышев называл трюк, известный многим ещё со школьных времён и который мы по старой памяти обычно проделывали, если не хотели сидеть на длинных и скучных заседаниях. Суть фокуса проста и заключается в том, что, приходя на мероприятие, ты делаешь отметку о своём прибытии, берёшь все полагающиеся к этому случаю документы, способные затем составить твоё алиби, а потом, тихо растворяясь в окружающем пространстве, идёшь по своим делам. Второй раз проверять, присутствуешь ты в зале или нет, станут только в том случае, если на совещание в большинстве своём соберутся умники вроде тебя, и в зале, который по идее должен быть переполненным, окажется едва ли половина командированных. Но такое случается крайне редко.

— Борис Васильевич, а может быть, кто-то другой... — сделал я последнюю попытку отмазаться от поездки.

— Семинар предполагается, насколько я понял, именно по тому профилю, который поручен только тебе и никому другому. На бумагу, читай.

Я взял из его рук лист и, прочитав его, понял, почему выбор Камышева пал именно на меня. Семинар касался проблемы так называемых астролевитирующих объектов, и отказаться от участия в нём мне действительно было никак нельзя.

— Всё, понял, — сказал я, возвращая бумажку. — Спасибо, что не забываете о моём высоком предназначении. Разрешите бежать.

— Валяй, беги, — милостиво дозволил подполковник, вяло махнув на прощание ручкой.

Следующие полтора часа были для меня весьма хлопотными. Во-первых, необходимо получить командировочные, во-вторых, дозвониться Юльке на работу — предупредить её о моём отъезде, чтобы не волновалась, в-третьих, заскочить домой, собраться, не забыв при этом диктофон, который надлежало передать Юрию и, в-четвёртых, поспеть на вокзал.

Со всем этим удалось справиться. На вокзал меня подбросили братья-гаишники Витя и Коля Колесниковы, которым в тот момент, когда они столь удачно подвернулись мне под руку, было всё равно куда ехать. Попроси я их хорошенько отвезти меня непосредственно в Загорск, они, наверное, не отказались бы. С Юрием мы встретились уже на перроне. Я передал ему диктофон, уточнил те вопросы, которые ему предстояло задать Виталию Широкову. Но говорить о том открытии, которое мы сделали с Юлькой сегодня ночью, я не стал.

— Завтра мы выезжаем на две игры, так что встретимся через семь дней, — сказал он на прощание. — Постараюсь, чтобы всё это время за Виталием постоянно кто-нибудь наблюдал.

— Хорошо, пусть его “пасут” постоянно, но незаметно, — ответил я, ставя ногу на подножку уже тронувшегося вагона. — Удачи вам на выезде.

Поезд, на котором я ехал, напрямую в Загорск не шёл. В Лесном, небольшой узловой станции, мне предстояло пересесть на электричку, которая приходила в известный университетский город рано утром.

Вместе со мной в купе ехала очень нелюдимая старушка, которая за всю дорогу не произнесла ни единого слова, а, уткнувшись в какую-то книгу религиозного содержания, лишь едва заметно шевелила губами. Кроме неё присутствовали молодая застенчивая девушка и паренёк примерно такого же возраста с красивым южным загаром и азиатскими чертами лица. Девушку звали Аней, и она ехала с нами до Новосибирска, а юноша, по имени Чингиз, был моим попутчиком до самого Загорска. Родом из южного Казахстана, он учился на втором курсе университета и теперь возвращался туда после небольшого перерыва, связанного с семейными обстоятельствами.

Мы быстро сошлись, и вскоре Аня уже весело хохотала над анекдотами, которые мы с Чингизом поочерёдно рассказывали, устроив своеобразный фестиваль. Затем на свет извлеклась колода карт и началась традиционная в таких случаях игра в подкидного дурака. Время до вечера пролетело незаметно, а перед ужином Чингиз полез в свою дорожную сумку и вытащил из неё бутылочку вина.

— Давайте по маленькой, за знакомство, — предложил он.

Я посмотрел на этикетку и с улыбкой отказался, сказав, что подобную “краску” перестал потреблять уже давно. Чингиз жутко обиделся.

— Да ты что, ты, наверное, думаешь, что я алкоголик!? Это же вино не из магазина! — воскликнул он. — Я ведь живу в этом посёлке и вино самое, что ни на есть, натуральное. Попробуй вначале, а уже потом говори.

Пришлось подчиниться и, надо признаться, я не пожалел об этом. То, что мы пили, не шло ни в какое сравнение с одноимённым напитком, продающимся в наших магазинах. Приятно расслабляющее “порто” с незабываемым букетом, которое ни в коем случае нельзя пить залпом, а лишь мелкими глотками, чтобы продлить удовольствие.

Потом мы провожали Аню и уже вдвоём с Чингизом прогулялись по новосибирскому вокзалу. Поезд здесь стоял тридцать минут, так что мы успели бегло обследовать почти все киоски. Я совершенно неожиданно увидел и немедленно прикупил “Богов нового тысячелетия”, книгу, которую мне давно рекомендовал Андрей, а Чингиз ограничился рецептурным сборником по виноделию, сказав, что давно хотел подарить отцу нечто подобное.

Пополнения в наше купе не последовало. Бабуля уже спала, отвернувшись носом к стенке, и мы, не захотев ей мешать, вышли в тамбур покурить перед сном, а потом забрались на свои верхние полки, где под монотонное раскачивание вагона и стук колёс я быстро уснул.

Перед Лесной нас разбудили. Мы вышли и, не успев как следует оглядеться, побежали к электричке, стоявшей на соседнем пути. Народу в вагоне было совсем мало, все имели заспанный вид и тут же принялись укладываться по-походному, досматривать сны. Рассчитавшись с проводником, мы

не стали выбиваться из общего ряда, а, подложив под головы сумки, также “придавили сонную муху”. Когда нас разбудили, за окном уже рассвело, и несколько минут я приходил в себя, разглядывая городские строения. В Загорске мне раньше бывать не доводилось, и я даже не представлял, где находится то место, в котором будет проходить семинар. Ничего, успокоил я себя, пока на свете есть таксисты, можно не беспокоиться за отсутствие надлежащих знаний — довезут.

На привокзальной площади нашего прибытия уже ожидали не менее десятка водителей, каждый из которых мечтал везти нас за соответствующую плату хоть на край, хоть за край света. Чингиз было наладился идти пешком, но я убедил его проделать остаток пути с надлежащим комфортом.

— Куда вам? — спросил водитель.

— Чингиз, тебе куда? — переадресовал я вопрос своему попутчику.

— Не знаю, — неуверенно ответил он. — В университет ещё рано, наверное, лучше в общагу. В шестую.

— Так, а потом меня вот по этому адресу, — сказал я и показал водителю бумажку.

Он прочитал написанное, внимательно посмотрел на меня, но ничего не сказал, а лишь как-то странно хмыкнул и тронул машину. Мы быстро доставили на место Чингиза, он поблагодарил меня, попрощался и, хлопнув дверцей, отправился к своей общаге.

Теперь повезли меня. Машина минут двадцать колесила по ещё малолюдным улицам и наконец остановилась в неприметном переулке возле обычного на вид двухэтажного здания, стоявшего в глубине довольно-таки просторного двора.

— Всё, приехали, — объявил водитель. — Вот ваш адрес.

Я протянул ему деньги и, забирая бумажку, не преминул поинтересоваться:

— Вы как-то странно отреагировали, когда прочитали адрес. Или мне это только показалось?

— Возможно, — ответил водитель, пряча купюру в карман. — Скорее всего, вам действительно показалось. Всего доброго.

Я взял в руки сумку, кивнул в знак благодарности и, обойдя машину, направился к калитке. Открыв её, я вступил на бетонную тропинку, ведущую к зданию. Все окна в нём были темны, а, подойдя ближе, я присмотрелся и увидел, что они наглухо зашторены.

Однако мой приезд не остался без внимания обитателей здания. Стоило мне вступить на первую ступеньку крыльца, как над дверью загорелся свет, а сама она приоткрылась. Я осмотрелся, но никаких признаков камеры слежения не обнаружил. Осталось только пожать плечами и сделать следующий шаг.

Я шагнул вперёд, и как только дверь за мной закрылась, понял, что очутился в каком-то ином мире, знакомом мне разве что по фантастическим фильмам про секретные организации. С меня тут же взяли подписку о неразглашении всего увиденного здесь, а затем на протяжении всего времени пребывания показывали такое, о чём я мог только читать в журнальчиках, содержание которых зачастую вызывает сильные сомнения у всех здравомыслящих людей. Были и лекции, сопровождающиеся фильмами, случайно снятыми любительскими камерами. Я, а вместе со мной и ещё несколько десятков “семинаристов”, увидели даже уникальные кадры

фильма об испытании в нацистской Германии аппаратов, очень напоминающих “летающие тарелки”. Были видеоотчёты космонавтов, военных лётчиков и даже моряков. Время семинара пролетело незаметно, а вот его концовка несколько разочаровала. Ведущий, отвечая на прямой вопрос, чем же на самом деле являются НЛО и откуда прилетают к нам, неожиданно замаялся и ответил, что на сей счёт наука пока ещё не дала однозначного ответа. Есть три версии происхождения этого феномена. Во-первых, “тарелки” могут-таки прилетать из глубин вселенной. Во-вторых, они могут появляться из параллельных миров и, в-третьих, иметь происхождение чисто земное. Не исключено, сказал лектор, что некая организация, обосновавшись в труднодоступном месте нашей планеты, собрала под своё крыло наиболее одарённых учёных мира и уже достаточно давно ведёт какие-то тайные изыскания.

Подобные откровения показались мне чересчур банальными и, не удержавшись, я добавил с места:

— Есть ещё четвёртый вариант. “Тарелки” могут прилетать к нам из будущего для изучения “белых пятен” истории.

Лектор посмотрел на меня долгим и, как мне показалось, тяжёлым взглядом, а потом выдал:

— Возможно...

Концовка семинара была посвящена индивидуальной работе. К каждому из присутствующих прикрепили наставника, и они проинструктировали нас о тех действиях, которые мы должны предпринять в случае обнаружения чего-то очевидного — невероятного.

Мой куратор, представившийся как Николай Степанович, вручил мне запечатанный пакет документов, сказал, что подробно ознакомиться с ними я смогу по прибытии домой, а держать их мне надлежит в надёжном сейфе и ни в коем случае не демонстрировать “кому попало”.

— Есть у вас таковой? — поинтересовался он.

— А как же! — похвастался я. — Уникальный экземпляр. “Отто Гриль” 1912 года. Таких сейчас уже не делают.

Куратор наморщил лоб, как будто что-то вспоминая, а потом воскликнул:

— Так это вы нашли в нём ту самую рукопись?! Теперь я понимаю, почему вы сказали о будущем, как о возможном месте, откуда к нам прилетают “тарелки”. Так, значит, это вы? Весьма рад и польщён подобным знакомством.

Мы обменялись рукопожатиями, после чего Николай Степанович сказал:

— Ну что же, будем работать вместе. Регион у вас большой и весьма интересный. Инструкции вы получили, и если случится что-то интересное, даже не обязательно связанное с НЛО, незамедлительно докладывайте мне.

— Да вот, как раз перед моим отъездом сюда, мне довелось столкнуться с одним феноменом, — сказал я и поведал историю Виталия Широкова. Николай Степанович, не перебивая, слушал, а затем заключил:

— Хорошо, контролируйте это дело, о его ходе незамедлительно сообщайте мне, а если возникнут какие-то помехи, ваше начальство окажет вам всяческое содействие. Всего доброго и удачной обратной дороги.

Окончание в следующем номере.

«НИВА»

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (7272) 53-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Корректор **Ю. В. Демиденко.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.
Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 07.03.2008 г.

Подписано к печати 09.04.2008 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 1444.

Номер набран и свёрстан в ТОО
«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.